

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ФОНД СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Горбачев-Фонд

Институт истории перестройки

ПЯТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ БЕЛОВЕЖЬЯ. ЧТО ДАЛЬШЕ?

«Апрель-85»

1997

МОСКВА

Оглавление

М.С.Горбачев	5
Шахназаров Г.Х.	10
Всё зависит от корректировки курса.....	10
Моисеев Н.Н.	20
Будущее планеты и место России.....	20
Затулин К.Ф.	34
Интеграция – гарантия безопасности России	34
Арбатов А.Г.	40
Только взаимный осознанный интерес	40
Ципко А.С.	44
«Великорусский сепаратизм» как причина распада	44
Попов Г.Х.	47
Неэффективно, но неизбежно	47
Никонов В.А.	50
Фактор «умной политики»	50
Горбачев М.С. реплика	53
Кагарлицкий Б.Ю.	54
О нынешней «российской государственности»	54
Розов В.С. реплика.....	59
Медведев В.А.	61
Выход из кризиса – условие реинтеграции	61
Межуев В.М.	67
Отказ от исторической России.....	67
Арбатов Г.А.	73
Сердцевина проблемы – сближение с Украиной	73
Славин Б.Ф.	76
Будущее – в изменении социально-исторической парадигмы	76
Волобуев П.В.	81
Герои Беловежья против интеграции.....	81
Шостаковский В.Н.	85
Не надо форсировать	85
Смоляков Л.Я.	87
Результат провала перестройки	87
Ревенко Г.И. реплика.....	91
Гринберг Р.С.	93
Дезинтеграция продолжается	93

Чешко С.В.	100
Продукт «полураспада» СССР	100
Горбачев М.С.	104
Выступления, переданные в письменном виде	
110	
Александров В. А.	110
Опыт распада – в опыт консолидации.....	110
Серебрякова З.Л.	113
«Тайна Беловежской Пуши»	113
Доброхотов Л.Н., Журавлев В.В.	115
А был ли «великорусский сепаратизм»?.....	115
Ненароков А.П.	120
Понятийный аппарат российского реформаторства	120
Жуков Ю.Н.	126
Какую же войну проиграл СССР?.....	126
Приложение.....	
137	
Документы 1991 года	137
Воспоминания.....	150
Вспоминает Б.Н.Ельцин	150
Вспоминает Л.М.Кравчук.....	152
Вспоминает С.С.Шушкевич.....	157
Вспоминает Н.А.Назарбаев	159
Вспоминает Г.Э.Бурбулис.....	160
Вспоминает С.М.Шахрай.....	161
Вспоминает А.В. Козырев	163
Документы 1996 года	165

М.С.Горбачев

Обсуждая тему «Пять лет после Беловежья», трудно «парить» над событиями, оставаясь беспристрастным. Не думаю, что мы избежим определенной политизации дискуссии, потому что это фундаментальный вопрос нашей истории и будущего страны. Слишком много в нем заключено... И тем не менее, я хотел бы, чтобы наше обсуждение носило строго научный характер.

Сначала об итогах. С каждой годовщиной Беловежья у нас происходит нечто такое, что если сложить все пять лет, картина получится, я бы сказал, тревожная. События, происходившие в связи с этими годовщинами, наглядно свидетельствуют о разрушении основ жизни, а отнюдь не об обновлении и возрождении России, как это было обещано ее гражданам.

В самом деле, спустя год, в декабре 1992-го, государство и общество оказались в таком экономическом и социально-политическом шоке, что президенту пришлось срочно убирать Егора Гайдара, главного автора российских экономических реформ. Премьером назначили В.С.Черномырдина.

Вторая годовщина – декабрь 1993 года – шокирующий успех Жириновского на думских выборах, в котором в своеобразной форме выразилось прежде всего отторжение избирателями политики Ельцина и реакция на расстрел Верховного Совета.

Третья годовщина Беловежья, декабрь 1994 года, – начало войны в Чечне, унесшей около ста тысяч жизней россиян.

Декабрь 1995 года, четвертая годовщина, – фактический провал «партии власти» на думских выборах, в чем, кстати, Ельцин обвинил Чубайса, получение КПрФ большинства в парламенте. Это тоже стало своего рода потрясением, и в этом опять-таки проявилась позиция общества.

И вот пятая годовщина, нынешний декабрь, – массовые забастовки и голодовки шахтеров, энергетиков, учителей, научных работников, медиков, деятелей культуры. Очевидное финансовое и политическое банкротство режима. Наконец, так называемый бунт сенаторов.

Когда все это выстроишь в определенной последовательности, складывается картина, которая не побуждает искать позитивные

явления. Они есть. Но если говорить о главной тенденции, то очевидно, что ставка на развал Союза, на «шокотерапию», форсированные непродуманные реформы, на глубокую капитализацию, бездумное тотальное разрушение привели Россию к ситуации, которую премьер недавно охарактеризовал так: «Дальше ехать некуда».

Я такого же мнения. Дальше ехать некуда, во всяком случае, по этой дороге.

С некоторыми различиями плачевны итоги пяти лет и в других государствах – бывших республиках Советского Союза.

О причинах распада СССР. Количество точек зрения на этот счет превышает различие мнений по любому другому вопросу. Может быть, некоторые просто последовали примеру Бисмарка, сказавшего примерно так: «Моя задача – действовать, а юристы потом все обоснуют». Вот такие попытки «обосновать» происшедшее, придать ему благообразный, «удобоваримый» вид и кинуть эту жвачку для проглатывания затрудняют возможность раскрыть данную тему серьезно. Между тем, сейчас это нужно для России, для СНГ, да в общем и для всех в мире, кому наша судьба не безразлична. Без этого трудно прогнозировать развитие, формулировать политику на будущее.

Действительно, если правы те, кто утверждает, что СССР постигла судьба всех империй, что советское многонациональное государство держалось на тоталитарном режиме и подавлении демократии, что Беловежские соглашения лишь юридически оформили то, что фактически уже совершилось, что иначе нельзя было уберечься от самого страшного, что воля граждан СССР, большинства республик на референдуме, да и результаты последних опросов в России и на Украине не имеют существенного значения для нынешней политики – тогда распад СССР лишь стал способом избежать катастрофы, и оправдано все, что происходило тогда и происходит с нами сейчас.

Но есть принципиально иная точка зрения. Да, наше государство нуждалось в радикальном реформировании, и это можно было сделать, сохранив и преобразовав Союз. Такое решение позволило бы уберечь народы от бед, в которые их ввергли всей «стратегией

Беловежья». Вопреки утверждениям, будто ей не было альтернативы, предпосылки для реформирования Союза – и, значит, его сохранения, – были созданы. В июле, а затем и в декабре 1991 согласовали проект нового Союзного договора. Разработали с участием республик антикризисную программу, поддержанную даже прибалтами. Открыли перспективу и для реформирования КПСС на основе нового проекта ее программы.

Почему же всему этому не суждено было сбыться? Первопричина – в политике Ельцина и его команды. Придя к власти в Российской Федерации летом 1990 г. и взяв курс на подрыв Союза ССР, они объявили «войну законам» и положили начало «параду суверенитетов». Никто не может объяснить, почему Россия нуждалась в независимости от СССР. Простейший вопрос: от кого независимость? от самой себя? – ставит в тупик и обезоруживает тех, кто пытается доказать это.

Теперь уже совершенно очевидно, что линия на распад Союза сочеталась с борьбой против руководства СССР, которую вели фундаменталистские, номенклатурные силы внутри КПСС. Их оплотом был ЦК Компартии РСФСР во главе с незабвенным Полозковым и Ко. Компанию не буду перечислять, она у всех осталась в памяти. Оба лагеря подогревали, провоцировали, поощряли и подталкивали друг друга на устранение Горбачева, а на деле – на срыв обновления, реформирования союзного государства.

Демагогические спекуляции «белых» и «красных» (беру то и другое в кавычки, потому что на сей раз ни настоящих «красных», ни «белых» не было) на суверенитете России, затем августовский путч ГКЧП и беловежский сговор «на троих» – вот цепь непосредственных причин, погубивших союзное государство. Ту самую «Большую Россию», которая складывалась веками и, ища свои естественные границы, объединяла народы, двигаясь на Восток, к Центральной Азии, к морям и океанам. Ту Россию, которая создала уникальную культуру и играла одну из ключевых ролей в международной политике.

Но почему Ельцину удалось сбить с толку людей? Тут надо сказать о просчетах, допущенных в ходе перестройки и

демократических реформ и приведших к социальному напряжению в стране.

Новое российское руководство не только не подставило плечо союзному центру, когда ситуация осложнилась и люди были недовольны ходом реформ, особенно их результатами, а, наоборот, не проявив солидарности, начало раскачивать союзный корабль, по сути, подстрекать россиян и другие республики против Центра.

Вот что говорил Б.Н.Ельцин в Уфе 13 августа 1990 года: «Россия подкармливает всех, Россия все время жертвовала. Россия все время отдавала... Давайте будем улучшать жизнь своего народа, поскольку дальше он терпеть уже не может. И если мы за два-три года не выполним свою программу, то народ просто поднимет на вилы и сбросит тех, кто не способен руководить. ...Российская программа рассчитана на 500 дней, отличается от союзной. Она рассчитана на повышение не цен, а уровня жизни народа. Через два года. То есть это программа стабилизации экономики за два года... И третий год – повышение жизненного уровня людей».

Так рождалась стратегия прорыва России к благосостоянию в одиночку. Насколько она была привлекательной внешне, настолько и авантюрной по существу. Окончательно эта стратегия сформировалась осенью (в октябре-ноябре) 1991 года и была представлена в виде конфиденциального меморандума примерно на ста страницах. Он есть у меня и сейчас. Получил я его тогда от вице-президента Руцкого Александра Владимировича. Замысел этой стратегии, которую проталкивала президенту России группа Бурбулиса, состоял в том, чтобы «зарубить» проект Экономического договора республик. Он не устраивал их потому, что сохранял союзные структуры и лишал российское руководство возможности полновластно хозяйничать и добиваться создания мягкого политического союза (читай – СНГ) для бракоразводного процесса. Напомню, что Экономический договор, подготовленный группой Явлинского, и 20 договоров по частным вопросам были парафированы восемью республиками, в том числе и Украиной.

Итак, российское руководство вело линию на развал страны. Но не решалось переступить через референдум, в ходе которого 75 процентов россиян, как и население других республик, высказались за

обновленный Союз. Руки им развязали гэкачеписты. За две недели все республики заявили о своей независимости – такова была их реакция на путч. Тогда-то советники Ельцина и решили воспользоваться обстановкой. Они быстренько сформулировали свой Меморандум и отправились с ним в Сочи к президенту России. Убедить его, видимо, было не трудно, так как подобная стратегия вела его напрямик в Кремль.

Но свести все к «жажде власти» было бы упрощением. Ведь в таком случае Ельцин должен был бы, добившись своего, начать заново «собирать» Большую Россию. Вместо этого мы видим, что документы, торжественно принимавшиеся в Беловежье, Минске, Алма-Ате, стали лишь прикрытием продуманного ранее замысла развала страны с расчетом на «прорыв» России в одиночку. Ведь если бы были выполнены положения этих документов, мы жили бы сейчас в конфедеративном государстве. Там шла речь о сохранении экономического пространства, о единой социально-экономической и финансовой политике, объединенных вооруженных силах, координации внешней политики и т.д. Где это все? Значит, сознательно стремились ввести в заблуждение общественное мнение, чтобы парализовать его. Вот, мол, мы сохраняем все, к чему стремится Горбачев со своим проектом, но при этом объединяем почти все республики, кроме прибалтов. А на предложенной им основе готовы объединиться якобы лишь семь-восемь, причем без Украины.

Что касается собственно СНГ, там образовался своего рода «застой». Драма, как я ее вижу и понимаю, состоит в том, что представленные в нем «верхи» играют на «флейте суверенности» и не хотят поступиться даже крупницей власти. А без этого невозможно никакое объединение. Что касается «низов», в массе своей осознавших, что их бессовестно обманули, то они вполне созрели для серьезной интеграции, но пока не могут, не готовы заставить своих правителей сделать это.

Действительно, последние социологические исследования показывают, что такие настроения крепнут, хотя телекомментаторы изо дня в день вдалбливают людям, – не знаю, по заказу или по убеждению, – что сейчас надо думать, как нам жить в России, а все остальное якобы не имеет особого значения. На самом деле, «как жить

в России» – это и есть, прежде всего, вопрос о том, что делать с интеграцией, как строить отношения с государствами СНГ. В сущности, это две стороны одной медали, если, конечно, не заниматься построением схоластических схем, игрой ума, а иметь мужество трезво оценить ситуацию, настроения людей, их тягу к сотрудничеству.

Преодолеть новый «застой» было бы намного легче при наличии ясной, практичной, понятной миллионам людей программы или хотя бы схемы интеграционного процесса. Но любая идея и программа нуждается в сильной политической воле. Инициативу должна проявить Россия, сказав, что она открыта для нового союза с любым государством СНГ, если таково будет желание не одних президентов и парламентов, хотя и это имеет значение, а прежде всего – народа. В Белоруссии и пошли таким путем, решив вопрос на референдуме и создав своеобразный прецедент.

К сожалению, стратегическая идея становится заложницей тактических манипуляций властей. А общественного мнения не слышно. В этих условиях я от имени нашего Фонда выступаю с предложением к интеллектуальным центрам любых политических ориентаций объединить усилия по осмыслению интеграционных процессов и выработке практических предложений. Давайте подумаем над тем, как предложить политикам и властям продуманную, серьезную, ответственную концепцию, которая бы исходила из национальных интересов и России, и наших близких соседей, граждан государств – бывших республик Советского Союза.

Шахназаров Г.Х.

Всё зависит от корректировки курса

Мое выступление не доклад, а нечто вроде приглашения к дискуссии.

Здесь присутствуют многие, кто мог бы изобразить «в лицах» то, что случилось пять лет назад. Проблема в том, что совокупность известных всем фактов трактуется по-разному. Здесь вопрос логики и вопрос позиции – откуда и как смотреть на происшедшее.

Наша дискуссия не приурочена к 8 декабря сознательно – думали дать прессе возможность выговориться, чтобы собрать

«урожай» оценок. Казалось, пройдут и какие-то мероприятия – семинары, встречи. Но вот вчера К.Ф.Затулин в «Независимой газете» сказал, что единственным мероприятием, посвященным пятилетию Беловежья, стала минская встреча. Значит, наши надежды не оправдались. Если не считать нескольких статей, в основном больших «полотен» Шахрая, в которых он, явно передергивая факты, пытался объяснить с публикой и с историей, все остальные участники событий промолчали. Президент сказал одну фразу устами Ястржембского. Бурбулиса вообще не было слышно. Да и остальные как-то не озаботились использовать эту дату. Почему?

Мне кажется, это как раз подтверждает то, о чем говорил сейчас Михаил Сергеевич. Есть некоторые формы жизни, которые ярко раскрывают суть происшедшего. Если бы истекшая «пяtilетка» была более или менее удачной, мы бы сейчас сидели где-нибудь в зале или наблюдали по телевидению торжественное заседание в Кремлевском Дворце. Участников Беловежского сговора наградили бы золотыми звездами или титулами спасителей Отечества и т.д. То есть были бы фанфары. Но их нет, и одно это достаточно ясно свидетельствует, что итоги печальны. У поражения, как известно, отца не бывает, и никто не хочет брать на себя ответственность за развал СССР. А те, кто приложил к этому руку, оправдываются тем, что якобы ничего другого им не оставалось.

Я не вполне согласен с упрощенной трактовкой: мол, собрались три человека и решили судьбу Союза. Приняв эту версию, мы, говоря словами Маркса, приписали бы «троице» небывалую «мощь личной инициативы». Хотя, конечно, главная вина лежит на тех, кто вел Ельцина к власти и вместе с ним целеустремленно разрушал союзное государство. Но были и серьезные объективные факторы, прежде всего – исчерпана та живительная сила, которая двигала Советский Союз. Мы начали по всем параметрам отставать и в «застойный» период фактически утратили преимущества, какими действительно располагали. Надо признать и то, что за годы Советской власти накопились силы в национальных республиках, которые были готовы брать власть и стремились к созданию суверенной государственности. Словом, когда напоминают о закономерном распаде всех империй, в этом есть доля истины.

Другой вопрос – Союз можно было сохранить, преобразовав его в жизнеспособную федерацию. Именно таков был замысел Горбачева, и трагедия в том, что его не удалось осуществить. Кто в этом повинен больше – ошибки реформаторов, путч номенклатуры, стремление Ельцина и стоящих за ним радикал-демократов любой ценой захватить власть, аналогичный порыв националистических сил в республиках – эта тема неоднократно обсуждалась и будет еще не раз предметом полемики. Поскольку Михаил Сергеевич достаточно подробно ее осветил, а позиция Фонда изложена во многих публикациях, я позволю себе сосредоточиться на вопросах, поставленных перед участниками симпозиума. Первый из них – итоги Беловежья.

Нас должен интересовать в первую очередь вопрос: смирилась ли Россия с насилием, совершенным над ней пять лет назад в Беловежской пуще? Согласна ли безропотно жить дальше ополовиненной, окончательно утратить статус одной из двух супердержав? Или считает нынешнее положение временным, копит силы и думает над тем, как ей восстановить былое могущество. То есть вопрос **территориально-государственный**. На нем и сосредоточено сейчас внимание. Политики и аналитики рассуждают, можно ли было спасти Союз, кто виноват в его распаде, а главное – каковы перспективы Содружества и к чему стремиться дальше. К реинтеграции с прицелом на конфедерацию, либо к упорядочению нынешнего состояния, т.е. превращению «ближнего» зарубежья в обычное, с которым нужно вести дела, как со всем остальным миром.

Меньше внимания уделяется другой, не менее, а может быть, даже более важной теме, также связанной с Беловежьем, – **пяtilетием «шокотерапии», радикальной экономической и социальной реформы**, приведшей к изменению самих основ существовавшего у нас общественного строя. Ведь если эта перемена будет восприниматься народным большинством и элитой как благотворная, обещающая, пусть через десять-двадцать лет, приобщение к «золотому миллиарду», то тем самым фактически будет сделан выбор в пользу нынешних статуса и формы Российского государства. А ностальгия по «советскосоюзным» временам отомрет вместе с уходящим поколением. И наоборот, задержка с позитивными результатами еще на несколько лет, утрата веры в то, что страну ведут

«правильным путем» и перелом к лучшему не за горами, может привести к реставрации социалистической модели в ее китайском варианте с одновременным дрейфом к Востоку.

Именно неопределенность, неясность, размытость очертаний ближайшего будущего создают ситуацию, при которой выбор политического курса как в тактическом, так и в стратегическом плане будет определяться не столько под влиянием четких идейных убеждений и уроков собственного практического опыта, сколько под воздействием чужих примеров. Сколько бы ни говорили о самобытности России, о том, что она представляет особый тип цивилизации и ей предназначено быть мостом между Западом и Востоком, на деле мы вновь стоим перед выбором одной из имеющихся в наличии моделей общественно-государственного устройства. В том числе и той, которая изобретена и опробована у нас в течение 75 советских лет. Россия опять находится на перепутье, опять стоит перед тем, что принято торжественно называть «историческим выбором». И ошибка может стоить нескольких десятилетий, потерянных для плодотворного развития и даже, как предупреждают некоторые, скатывания в слаборазвитую периферию.

Известно, успешное лечение болезни наполовину зависит от правильно поставленного диагноза. По традиции дискуссии у нас часто сводятся к выяснению вопросов: «Кто виноват?» и «Что делать?». Полностью избежать политического подтекста, конечно, не удастся. И все же основное внимание предпочтительно уделить беспристрастному анализу итогов прошедшего пятилетия. А что касается рекомендаций на будущее – исходить не из абстрактного идеала, чем мы всегда грешили, а из реальных жизненных условий и возможностей, беря в учет расстановку политических сил, доминирующее общественное настроение, экономическую конъюнктуру, международную обстановку вокруг России и другие факторы, определяющие ход событий.

Следуя именно этой методологии, стоит прежде всего **сопоставить объявленные пять лет назад цели и результаты их воплощения.** Повторяю, я сознательно оставляю за скобками вопросы – о легитимности Беловежского соглашения, об объективных и субъективных факторах, приведших к распаду СССР, о том, можно ли

было сохранить Союз и т.д. Гораздо важнее вести отсчет уже от начала ельцинской эры, судить о ее содержании не на основе каких-то посторонних, внешних для нее критериев, а по ее собственным декларациям, установленным ею для себя целям и приоритетам.

Итак, Заявление глав государств Республики Беларусь, РСФСР и Украины от 8 декабря 1991 г. начинается с того, что «переговоры о подготовке нового Союзного договора зашли в тупик...» (*См. Приложение. – Ред.*). И это говорилось после того, как был согласован и подготовлен к подписанию последний вариант **Союзного договора**.

Далее в Заявлении констатируется, что «недальновидная политика Центра привела к глубокому экономическому и политическому кризису, к развалу производства, катастрофическому понижению жизненного уровня практически всех слоев общества».

По различным данным, спустя пять лет производство в России сократилось на 50-60%, а жизненный уровень 90% населения понизился в 3-4 раза.

В следующей статье преамбулы говорится, что «возрастание социальной напряженности во многих регионах бывшего Союза ССР привело к межнациональным конфликтам с многочисленными человеческими жертвами».

Ни одна из конфликтных ситуаций 1989-91 годов не идет ни в какое сравнение по численности жертв и разрушений с вооруженными конфликтами в Абхазии, Приднестровье, Осетии, Таджикистане и особенно в Чечне. Самый серьезный из всех конфликтов того времени, в Нагорном Карабахе, в постсоветский период перерос в полномасштабную войну между Азербайджаном и Арменией.

Статья 6-я самого Соглашения о создании СНГ предусматривает сохранение и поддержание под объединенным командованием общего военно-стратегического пространства, совместные гарантии по условиям размещения и функционирования, материального и социального обеспечения стратегических вооруженных сил, согласованную политику по вопросам социальной защиты и пенсионного обеспечения военнослужащих и их семей.

За исключением передачи Украиной и Белоруссией размещенных там ядерных ракет России, этот важный пункт

соглашения остался полностью невыполненным. Самая яркая иллюстрация – безвыходное положение с Черноморским флотом.

Статья 7-я Соглашения предусматривала координацию внешнеполитической деятельности, сотрудничество, формирование и развитие общего экономического пространства, развитие систем транспорта и связи, охраны окружающей среды и миграционной политики, борьбы с организованной преступностью.

В дополнение к этому правительства трех государств тогда же приняли заявление о координации экономической политики, в котором, в частности, предусматривалось проводить скоординированные радикальные экономические реформы, строить экономические отношения и расчеты на базе существующей денежной единицы – рубля, заключить межбанковское соглашение, направленное на ограничение денежной эмиссии, предпринимать совместные усилия, направленные на обеспечение единства экономического пространства и т.д.

Что все эти благие намерения на 90% остались на бумаге, не требует доказательств. Причем это случилось опять-таки не потому, что возникли объективные трудности в ходе выполнения соглашения.

При наличии политической воли можно было, безусловно, преодолеть любые препятствия. Значит, остается предположить, что «высокие договаривающиеся стороны» **с самого начала не собирались выполнять взаимные обязательства**, шли на сознательный обман своих народов, потому что иначе невозможно было осуществить задуманный распад СССР.

Но это уже из ответа на вопрос: «Кто виноват?». Если говорить о сути дела, представляются бесспорными следующие взаимосвязанные выводы:

– Беловежское соглашение заключалось не ради преобразования дышавшего на ладан Союза в какую-то жизнеспособную интегративную форму (содружество, сообщество и т.д.), а с осознанной целью уйти от всякого объединения при полной независимости бывших союзных республик. Пятилетний опыт ставит окончательно точку в вспыхнувшей тогда дискуссии о том, явится ли СНГ переходной формой к укреплению интегративных связей или

цивилизованным, т.е. не наносящим ущерба, способом окончательного развода и дележа союзного наследства.

– Получился развод, притом нецивилизованный, ибо от резкого разрыва связей все республики понесли невосполнимые потери. Нынешнее плачевное состояние энергетики, транспорта, связи, науки, борьбы с преступностью во всех государствах СНГ наглядно свидетельствует, что никакая политика, даже самая мудрая, и никакие реформы, даже самые эффективные, не могли компенсировать ущерба, нанесенного разрушением целостного союзного пространства – экономического, научного, технического, кадрового, социального и др.

– Мало положительного можно сказать и о проводившейся в течение пяти лет экономической реформе. Ее плачевные результаты нагляднее всего обнаружилось в последние дни в связи с почти безвыходным положением, сложившимся с бюджетом на будущий год. Если и на сей раз дело сведется к штопке «тришкина кафтана» при сохранении все той же пагубной экономической политики, которая была заложена еще Гайдаром и последовательно проводится Черномырдиным, коллапс экономики, не говоря уж о социальных взрывах, станет неизбежным уже в ближайшее время. Помимо прочих последствий это приведет к очередному спаду интереса к реинтеграции: кому охота объединяться с государством, пусть и богатым на ресурсы, но находящимся в состоянии экономической агонии и политической нестабильности во главе с недееспособным лидером.

Следовательно, **сейчас больше, чем когда-либо за прошедшие пять лет, все зависит от вероятности радикальных коррективов курса реформ.** Существует ли вероятность такого развития событий?

Если говорить о **президенте** – нет. Не берусь судить, насколько это является для него предметом убеждения, но он уж наверняка отдает себе отчет, что пойти на такой поворот значило бы признать фиаско всей своей политической линии, полное банкротство режима. И даже не это главное. В конце концов президент наловчился признавать ошибочным многое, в том числе Чечню, а косвенно – даже Беловежские соглашения, сваливая вину на Горбачева, Кравчука, кого угодно. Гораздо серьезнее то, что ему в таком случае пришлось бы передать реальные полномочия по исправлению положения в чьи-то

властные руки и, значит, согласиться на положение английской королевы. Зная его характер и волю к власти, можно не сомневаться, что Борис Николаевич на это никогда не пойдет.

Правительство в существующей системе не представляет собой вполне самостоятельного органа. Оно целиком зависит от главы государства, и поэтому то, что сказано о Ельцине, распространяется и на Черномырдина. Даже если предположить, что он настроен в пользу такого поворота, опыт его премьерства исключает вероятность сколько-нибудь решительных действий с его стороны.

Ничего не изменил бы приход на пост председателя правительства сильной личности, вроде Лужкова. При президенте Ельцине и сосредоточении реальной экономической власти в руках семерки супербанкиров, а также полной зависимости от вливаний МВФ (в том числе даже очередного транша, из-за задержки которого грозит наступить финансовый крах) вряд ли сможет что-либо сделать даже такая сильная личность.

Точно так же неспособна обеспечить поворот **Государственная Дума**, несмотря на ее состав. Конституция не позволяет ей ничего, кроме принятия законов, которые к тому же большей частью не утверждаются президентом и Советом Федерации. Не менее существенно то, что депутаты-коммунисты, не говоря уж о жириновцах, настолько обжили свои скамьи, что предпочитают не рисковать и не давать повода главе государства для роспуска палаты.

КПРФ, не став по существу настоящей социал-демократической партией, в то же время переняла худшую сторону социал-демократии – склонность к соглашательству. А ведь признание парламентаризма, политической борьбы как единственного средства достижения власти, отказ от большевистского «революционаризма» – все это отнюдь не идентично цеплянию за депутатские кресла. Продолжение нынешней пассивной политической линии может не только выбить КПРФ с позиции сильнейшей оппозиционной партии, но и, соответственно, толкнуть ее разочарованный электорат к коммунистическим фундаменталистам и национал-патриотам.

По существу, единственный орган в системе высшей власти, который мог бы **заставить** президента пойти на изменение курса, это **Совет Федерации**, чья легитимность резко возросла после

прошедших губернаторских выборов. Но при отдельных резких телодвижениях (вроде недавней угрозы по адресу правительства или заявления по Севастополю) противоречия между интересами республик и областей, между субъектами-донорами и получателями едва ли позволят ему действовать целеустремленно. Скорее всего и здесь будет превалировать соглашательская тактика.

Таким образом, нет оснований рассчитывать на то, что «реформа реформы» последует сверху. Остается **народ**, за которым, по идее, и должно быть последнее слово. Волна забастовок против невыплаты заработной платы и пенсий, первые признаки того, что профсоюзы готовы выдвигать политические требования, доносящийся отовсюду все более сильный гул недовольства, которого не могут приглушить даже выдрессированные властью средства массовой информации – все это создает впечатление надвигающейся политической бури и именно так истолковывается некоторыми аналитиками.

Но более углубленный и объективный анализ не позволяет дать однозначной оценки. Основательное исследование, проведенное под руководством члена-корреспондента Российской академии наук В.Лапина, свидетельствует, что значительная часть людей не желает возврата к прежним экономическим отношениям, связывает свою жизнь и надежды с укреплением и развитием рынка. Далеко не все в этой группе населения довольны нынешним своим статусом и достатком, но продолжают верить, что реформы принесут обещанные плоды, и поддерживают стоящие за ними политические силы. Соответственно, с большой опаской, а то и прямо выраженным неодобрением, относятся к перспективе интеграции с бывшими республиками Советского Союза, включая Белоруссию (выразителем этих настроений является, например, НТВ, хотя просматривается и влияние Запада).

Округление результатов названного исследования позволяет предположить, что сторонники и противники нынешнего курса реформ соотносятся приблизительно в пропорции один к двум. Но в политике, как известно, правила арифметики не срабатывают. Здесь не меньшее значение, чем количественное соотношение, имеют отобюджетированность, активность, готовность к самопожертвованию, доступ к ключевым ресурсам и инструментам борьбы за власть.

Стачка горняков намного «увесистей», чем, скажем, марш учителей и врачей. Еще сильнее недовольство энергетиков, в особенности работников атомных электростанций. И, конечно, решающее слово всегда остается за вооруженной силой, прежде всего – сосредоточенной в столице и вокруг нее. В 1991 году центральная власть была расшатана и подорвана многомесячными выступлениями шахтеров, а затем демонстрациями в Москве и Петербурге, в которых участвовало от силы 50-60 тысяч человек. Но они регулярно выходили на улицу, в то время как большинство, явно не желавшее ни распада Союза, ни капитализации, практически безмолвствовало.

Сейчас ситуация в некотором роде обратная. Противники режима гораздо активнее его защитников. В то время как левые партии и патриоты собирают все более многочисленные митинги антиправительственного толка, ни сами бывшие демократы – нынешние банкиры, ни сформировавшийся уже достаточно многочисленный слой торговцев, «челноков», преуспевающих работников сферы обслуживания, тем более «пригретой» властями художественной и научной интеллигенции, не обнаруживают ни малейшего желания организованно идти на улицу для поддержки режима. Косвенно – выделением денег, наймов «демонстрантов», лоббированием парламентариев и чиновного аппарата, писанием статей (к тому же осторожных, с оглядкой на левых) – да.

Но самим лезть на рожон, подвергать себя опасности, запасшись неплохими средствами для комфортной жизни – увольте. Таков, впрочем, один из законов всякого социального организма. Богатые берутся за оружие только тогда, когда их больше уже некому защищать. Отсюда, мне кажется, справедливо сделать вывод, что если в ближайшее время, исчисляемое буквально месяцами, не произойдет существенных коррективов в политике режима, взрыв станет неизбежен.

Первые «раскаты грома» уже доносятся из того же шахтерского Кузбасса, который в 1991 году добил Советскую власть. Теперь же, как в 1905 г. в Иваново-Вознесенске, там создаются «Комитеты спасения», которые вместе с администрацией берутся решать все насущные проблемы жизни людей. Это не «земство», за которое ратует А.И.Солженицын, а форма народного самоуправления, делающая то,

чего не в состоянии сделать официальная власть, центральная и региональная. Иными словами, маячит классическое двоевластие со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Думаю, это понимают и в Кремле. Скорее всего в стиле президента будет предпринят традиционный для него маневр, а именно – создание видимости уступок народным требованиям путем смены наиболее одиозных личностей у власти и выпрашивания очередных подачек за границей, в том числе ценой передачи под зарубежный контроль немалой части природных богатств и промышленного потенциала страны. Полагаю, так будет тянуться до тех пор, пока у власти остается президент Ельцин.

Моисеев Н.Н.

Будущее планеты и место России

Прошло пять лет после беловежской катастрофы. И сейчас более чем когда-либо необходимо понять, куда она нас сбросила. Понять положение нашей страны и нашей нации. Оценить перспективы и организовать энергию её народа.

Для нас, русских, и для всей России, во всём многообразии её культур, огромную роль играет **слово**. Это не просто традиция, это цивилизационная основа духовного мира нации. Это то начало, которое рождает общность, объединяющую силы народа на **общее дело**.

Итак, **слово!** Каким оно должно быть **сегодня**? В условиях всё ужесточающегося кризиса – экологического, политического, национального? И понять **границы возможного** – не утопии, а реальность.

* * *

Слово не рождается из ничего. Оно не рождается отдельным человеком и даже партией. Оно возникает из абсолютной необходимости – материальной, духовной... И должно быть выстрадано народом!

Когда-то в Смутное время это слово нашёл простой нижегородский купец. И третья рать, им собранная, освободила Россию от чужеземцев и иноверцев. И так было не раз в истории нашего народа, когда слово, им рожденное и понятое теми, кто может

воплотить его в **дело**, определяло судьбу нации. И снова мы должны искать нужное слово.

Однако теперь всё куда сложнее: не иноземцы, не иноверцы – мы сами стоим на пути к собственному будущему. Настало время **выбора** – трудного и болезненного. Может быть, более трудного и более болезненного, чем когда-либо раньше.

Планетарное сообщество постепенно превращается в единый организм. Его развитие следует своим законам, и что-то нам не подвластно. Но **воля** нации способна изменить многое. Не всё, но многое.

Для этого необходимо ясное понимание того, что происходит на Планете и в России. Каковы возможные альтернативы развития? Каковы наши возможности влияния на происходящее? Без этого невозможно сделать выбор. Такое знание поможет найти нужное **слово**. И интеллигенция должна увидеть свою роль в этом поиске, не перекладывая свою ответственность на нижегородского купца.

* * *

Происходит непрерывное, всё ускоряющееся развитие науки, техники, технологий. Такой процесс влечёт глубокую экономическую, социальную и духовную перестройку жизни всего человечества. Меняет судьбы народов и их роль в планетарном процессе.

Осуществляется переход к «высшим технологиям». Энергосберегающим и сверхточным технологиям, основанным на широком использовании компьютерной и другой информационной техники. Данный переход требует не только высочайшего уровня квалификации рабочих, но и абсолютной технологической дисциплины. Эти обстоятельства **меняют роль цивилизаций** в дальнейшем развитии мира.

До последнего времени европо-американская техногенная цивилизация была абсолютным лидером в развитии планетарного сообщества. И волны модернизации шли с Запада на Восток. Но тихоокеанские традиционные цивилизации, признающие высшей ценностью человека качество порученной работы, могут в современных условиях совершенно изменить соотношение «цивилизационных потенциалов» Запада и Востока. Не исключено,

что новые волны модернизации пойдут с Востока и Америка потеряет роль «технического лидера».

Непрерывно ускоряющиеся модернизационные процессы требуют высокого уровня либерализации общества, ибо широкая раскрепощенность поиска новых технологий, новых организационных форм деятельности и нового образа жизни – это ключ, без которого нельзя открыть дверь в будущее. Понимание данного обстоятельства потребует изменения традиционных шкал общественных ценностей. Далеко не все цивилизации оказываются способными принять или адаптироваться к этим, новым для них принципам. Возникает реальная опасность цивилизационных разломов – **столкновения цивилизаций**.

* * *

Одна из важнейших особенностей современного мироустройства – непрерывный рост монополизации производства и торговли: возникает система транснациональных корпораций (ТНК). Владеющих более 30% производственных мощностей. Производящих едва ли не половину всей мировой продукции. Контролирующих более 80% перемещений капитала и практически весь рынок высших технологий. В этих условиях правят бал именно ТНК, а не национальные экономики, как было ещё недавно. И правительства многих стран следуют интересам ТНК.

Поскольку деятельность ТНК и мировой рынок практически не знают национальных границ, возникает эффект своеобразного «насоса». Капиталы перекачиваются в те страны и регионы, где выше общественная производительность труда. Туда же перекачиваются и ресурсы, ибо там они могут более эффективно использоваться корпорациями. Эти страны получили название стран «золотого миллиарда».

Одновременно происходит и перекачка «мозгов»: для наиболее талантливых и энергичных молодых людей привлекательные возможности открываются в странах золотого миллиарда, и там в них нуждаются. В результате начинает происходить не только экономическая, но и «генетическая» стратификация народов планеты.

Стихийно возникшие механизмы ТНК действуют так, что стремятся превратить страны золотого миллиарда в «экологически

чистую деревню». Но человечество не может прожить без чёрной металлургии, химических производств, захоронения радиоактивных отходов и другой экологоопасной деятельности. И всё это перекачивается тем же насосом в отсталые страны, в которых убывают ресурсы, ухудшаются условия жизни и генофонд, у которых всё меньше остаётся шансов преодолеть собственную отсталость. Самое страшное состоит в том, что в этих странах, как и в России, сокращается средняя продолжительность жизни людей. В конечном счёте мы платим собственной жизнью за благополучие стран золотого миллиарда.

Благотворительность, проявляемая отдельными людьми в этих странах, и деятельность международных организаций могут лишь несколько замедлить процесс расширения пропасти между народами, принадлежащими к золотому миллиарду и остальными «отсталыми народами». Однако, по данным ООН, уже в 1995 г. разрыв между ними в подушном уровне доходов достиг 150 раз!

* * *

Будучи одним из биологических видов, человек, превратившись в вид-монополист, давно нарушил равновесие природных процессов. И дело не в том, что он создал искусственный кругооборот веществ в Природе. В этом состоит основа его жизни: для существования человеку необходима активная деятельность, создающая «вторую природу». Но при этом он остаётся биологическим видом, принадлежащим биосфере, и для обеспечения своего будущего должен не просто создать и освоить «вторую природу», но и гармонично вписать её в контекст законов, управляющих Природой. Иными словами, развитие общества, его цивилизаций должно обеспечивать и развитие биосферы – повышать многообразие форм жизни, её организации, упрочивать её стабильность как саморазвивающейся системы, т.е. обеспечивать то, что принято называть коэволюцией человека и биосферы.

К сожалению, этот принцип давно нарушен и уже давно деятельность человека начала обеднять Природу. А в XX веке активность человека является прямой (и основной) причиной уже видимой деградации биосферы. Признаки её очевидны. Это прежде всего загрязнение окружающей среды, что уже само по себе чревато

катастрофическими последствиями для человека: ни один живой вид не может существовать в среде, созданной из отбросов своей жизнедеятельности. К этому надо добавить, что растущие запросы общества потребления уже давно превзошли естественную способность Природы их удовлетворять: невозобновимые ресурсы близки к исчерпанию. Немало и других обстоятельств, грозящих благополучию человечества и являющихся прямыми следствиями его жизнедеятельности. Это и утончение озонового слоя, и неотвратимое потепление климата, и ухудшение генофонда, и многое другое. Человечество втягивается в глубокий экологический кризис, который может иметь самые катастрофические последствия, вплоть до исчезновения человека с лица планеты.

Благополучный исход потребует изменения самих цивилизационных начал, новой системы нравов, т.е. поведения человека, определяемого новой системой ценностей, не свойственных современному рыночному обществу, родившему общество потребления.

* * *

Опираясь на эти общие соображения, можно представить некоторые возможные варианты развития планетарного сообщества в ближайших десятилетиях.

Если социальная природа современного общества и тенденции развития **мира ТНК** сохранятся, то неизбежно будет расти уровень стратификации общества, всё более резкое разделение стран и регионов на богатые – развитые и бедные – отсталые. По мере действия «насоса», о котором говорилось выше, возможности развития отсталых стран становятся всё более проблематичными. Народы этих стран будут, вероятнее всего, и далее беднеть, условия их жизни будут делаться всё более экологически неблагоприятными, продолжительность жизни сокращаться, а противоречия со странами золотого миллиарда стремительно нарастать.

Рост дефицита ресурсов еще более обострит борьбу за обладание ими. Представление о том, что «всем всего не хватит», будет понято не только жителями стран золотого миллиарда. А это – в сочетании с неизбежными цивилизационными разломами – сделает

общую политическую обстановку на планете крайне нестабильной и чреватой конфликтами, в том числе и военными.

Поддержание благополучия стран золотого миллиарда и общего порядка на планете неизбежно потребует установления режима **тоталитаризма нового типа**, осуществляемого совокупностью стран золотого миллиарда. При этом в странах, постепенно реализующих принцип экологически чистой деревни, будут развиваться принципы либерализма и демократии при непрерывном росте уровня жизни всех слоев населения.

Но и внутри «благополучного общества» противоречия будут нарастать. Особенности тихоокеанских цивилизаций позволят этим странам не только успешно конкурировать с Америкой, но и вытеснять её с передовых экономических позиций. Подобная картина будет наблюдаться и в Европе, где экономическая мощь Германии постепенно становится центром консолидации стран европейской культуры и образованности, которые Америка заметно теряет, несмотря на непрерывные вливания в неё интеллектуальных сил из других, преимущественно «неразвитых» стран.

США сохранят свою позицию сильнейшего военного государства мира и будут выполнять роль международного жандарма, поддерживающего «новый планетарный порядок». Эта роль США будет выгодна всем странам золотого миллиарда и, самое главное, – системе ТНК. Всё это и будет поддерживать авторитет Америки. События на Ближнем Востоке и в Боснии показывают, что подобный процесс уже имеет место!

* * *

Однако благополучие стран золотого миллиарда и установившееся равновесие тоже будет неустойчивым. Прежде всего будет возрастать сопротивление **исламского мира**, который не сможет принять систему ценностей и образ жизни, декларированные Америкой. Такое противостояние может разрядиться кровавыми катаклизмами. Но опыт полицейских акций стран золотого миллиарда в Персидском заливе и Югославии показывает, что локальные очаги войны вряд ли будут способны нарушить установившийся планетарный порядок, хотя временами и смогут ставить его под сомнение.

Но дело не только в локальных конфликтах. Если Китай сумеет удержать властные возможности КПК, продолжить свою политику модернизации и сохранить унитарность государства, то в ближайшие пару десятилетий он станет обладать не только одной из самых мощных экономик мира, но и сделается вторым центром военной силы. Геополитическая ситуация качественно изменится. Поскольку Китай заведомо не будет принадлежать к странам золотого миллиарда, а будет олицетворять свой собственный китайский миллиард, то благополучие этих стран подвергнется большим испытаниям.

Логика развития **мира ТНК** содержит, по меньшей мере, два противоречия, которые могут подорвать саму возможность дальнейшего существования формирующейся ныне планетарной системы.

Прежде всего, вследствие снижения жизненного уровня отсталых стран будет сокращаться планетарный рынок, что уже само по себе представляет угрозу для **мира ТНК**, для которого он служит источником существования. Но самая главная опасность – в проблеме природной стабильности планетарной системы.

Нетрудно оценить характер и особенности экологического неблагополучия, если современные тенденции развития общества потребления будут сохраняться. Эти оценки уже сделались предметом тщательного рассмотрения современной наукой. И хотя для подобных вопросов из-за их сложности нет пока однозначных ответов, тем не менее некоторые факты достаточно очевидны. Так, например, снижение подушного производства пищи намечилось уже с конца 70-х годов. Недостаток питьевой воды и снижение её качества из-за загрязнения наблюдается в большом количестве регионов. Концентрация людей в мегаполисах и растущее количество отходов, носят угрожающий характер. К этому можно добавить угрозу потепления климата, утончение озонового слоя и многое другое, о чём уже говорилось.

Итак, развитие нынешнего хода событий логично приводит к такому представлению о возможном сценарии развития человечества, согласно которому следует ожидать новой стабилизации, качественно отличной от планетарной стабилизации, возникшей в послевоенные годы и основанной на двухполюсности мира. Однако тоталитарное

управление планетой группой стран тоже будет неустойчивым и будет сметено экологическим кризисом и внутренними противоречиями. Может ли существовать иной сценарий развития планетарной ситуации, сценарий, который обеспечил бы дальнейшее развитие общества?

Может!

Но это совсем не сценарий «sustainable development» (в России переводится как «устойчивое развитие»), выдвинутый конгрессом в Рио-де-Жанейро в 1992 году. Взвешенное, согласованное развитие лишь полезная идея, способная смягчить остроту кризиса и дать небольшое время для поиска новых путей. Но не более!

* * *

С того момента, когда определяющей развитие человека как биологического вида стала коллективная деятельность, которая однажды привела к преобразованию стада неантропов в общество людей, когда обмен информацией сделался определяющим фактором развития общества, стал формироваться **коллективный интеллект** человека. Биологическая эволюция, а следовательно, и развитие индивидуального мозга практически прекратились уже около 30 тысяч лет тому назад. Но Коллективный Разум продолжал развиваться, причем всё ускоряющимися темпами. Появление компьютеров и другой информационной аппаратуры, особенно компьютерных сетей, привело к дальнейшему ускорению этого процесса.

Если в начале общественной жизни можно было говорить о коллективном разуме рода, может быть, племени, то теперь уместно сказать о возникновении Планетарного Интеллекта. Знания становятся планетарным коллективным достоянием. И в отличие от частной собственности, знания – собственность общественная, которая лишь умножается, когда люди её используют. Знаменитая фраза Бернарда Шоу – если я даю тебе яблоко, то у нас остаётся одно яблоко, а если я сообщаю тебе идею, то у нас становится две идеи – яркая иллюстрация этого тезиса.

Развитие коллективного интеллекта, как и развитие науки, техники, технологии, – это естественный процесс. Это тесно связанные между собой процессы **самоорганизации человечества**. Благодаря им происходит развитие общества, обретение им новых

возможностей. Но они же могут служить и источником кризисов, что уже не раз происходило в истории становления рода человеческого. В то же время они содержат и внутренние возможности преодоления этих кризисов, изменяя качественно сам характер развития человечества.

Всякий раз преодоление кризиса и выработка нового образа существования и новой структуры ценностей носили стихийный характер: действовали механизмы группового естественного отбора, и люди платили за преодоление кризиса огромную цену. Так, есть все основания думать, что в эпоху неолитической революции население планеты сократилось раз в 8 – 10!

Сейчас человечество находится у порога кризиса, по своим масштабам и последствиям не уступающего катаклизмам, через которые прошло человечество в своём развитии. Но теперь, в век атомного оружия, человечество не может допустить стихийности в преодолении кризиса, ибо финал его предсказуем: произойдёт перестройка всей биосферы, и в её новом состоянии для человека уже не будет места!

Человечество сегодня стоит на пороге информационного общества, в котором Коллективный Интеллект будет играть в едином организме биосферы и общества такую же роль, какую играет интеллект человека в его судьбе. И тогда в информационном обществе могут возникнуть условия **новой перестройки** его социальной природы и структуры общечеловеческих ценностей, при которых станет возможной реализация принципов коэволюции человека и биосферы.

Есть основания думать, что такой поворот событий возможен.

* * *

Мы рассмотрели два допустимых сценария развития планетарной ситуации. Это, в известном смысле, крайние варианты. **Первый** из них даёт представление о перспективах, которые могут открыться при реализации современных тенденций общественного развития. Он «естественен», ибо отвечает сегодняшним потребностям развитых стран и системы ТНК. И в перспективе он не может не иметь трагического финала.

Второй сценарий представляется маловероятным, т.к. он требует уже сегодня кардинальных решений и вмешательства Коллективного Разума в процесс формирования новых принципов развития (эволюции) человечества как биологического вида. Реализация такого вмешательства при современном уровне Коллективного Интеллекта, могуществе **мира ТНК**, общем умонастроении и социальной структуре большинства стран вряд ли может что-либо серьёзно изменить.

Наиболее вероятными кажутся «промежуточные» сценарии. Так, например, после очередной конференции в Рио-де-Жанейро (Рио 92 + 5) появится новый документ типа «sustainable development – 97». Ситуация окажется несколько смягчённой, что успокоит общественность и оттянет катастрофу. Но одновременно и будет упущено время, необходимое для решительного штурма проблемы.

Каково положение России в этом потоке событий? Какова должна быть её стратегия, т.е. на что должны быть направлены усилия народа и государства, чтобы обеспечить будущим поколениям более или менее благоприятные условия существования, отвечающие нашей культуре и традициям?

* * *

Россия уже входит в **мир ТНК** (правда, отнюдь не равноправным партнёром). МВФ и другие международные фонды и корпорации уже диктуют нам свои правила поведения. Поэтому жизненно важно представить себе наши потенциальные возможности жизни в этом мире. Они крайне противоречивы и неоднозначны. Многое будет зависеть от нашей общей **Воли**. И нашего общего **Разума**.

Россия – самая холодная страна на планете. Свыше 90% её земель, годных для выращивания хлеба, лежат в области рискованного земледелия. Минеральные и лесные ресурсы России огромны, но из-за отсутствия инфраструктуры, гигантских расстояний и сурового климата, они – самые дорогие в мире. И тем не менее мы жили, создали лучшую в мире систему образования и при всей несовершенности системы управления лишь медленно отставали от передовых стран, не сумев принять нового вызова научно-технического прогресса.

Напомним, что ещё недавно – в 60-х годах, наш ВВП на душу населения превосходил японский и был на уровне стран Западной Европы. Сейчас наша общественная производительность труда находится где-то посередине между богатыми и бедными странами. Ближе к последним, ибо «дьявольский насос» уже заработал не в нашу пользу!

Из России уже выкачиваются капиталы. Всё большее количество способной, грамотной и энергичной молодёжи эмигрирует в страны золотого миллиарда. Надежды на иностранные инвестиции становятся всё более иллюзорными. Характер развития этого процесса во многом будет зависеть от того сценария общепланетарной эволюции, который утвердится на планете.

Однако наша целенаправленная активность способна не только повлиять на собственную судьбу, но и внести определённые изменения в характер эволюции всего планетарного сообщества.

* * *

Условимся сначала, что на планете будет реализоваться первый вариант развития планетарного сообщества, т.е. будет и дальше укрепляться система ТНК. Тогда просматриваются два, тоже крайних, варианта развития ситуации в России.

Первый – сохраняются тенденции, которые начали формироваться ещё в период перестройки и стали хорошо видны с момента беловежской **трагедии**. Государственная власть будет продолжать непрерывно слабеть. Всё отчётливее станет проявляться отсутствие руководящей идеи и представления о той социальной организации российского общества, которую правящие силы (т.е. компрадорский капитал и мафиозообразные структуры) хотят видеть в нашей стране.

Постепенно формируется режим, который уже получил хлёсткое название «семибоярщина». По существу, это компрадорская, со значительным элементом мафиозности структура, которая **властвует, но не правит**. Она не заинтересована в развитии промышленности, в сохранении её потенциала, как производственного, так и научного. Её интересы вполне соответствуют основной задаче **мира ТНК** – обеспечить эффективное действие «дьявольского насоса» и гегемонию золотого миллиарда. Внешние инвестиции будут носить

преимущественно спекулятивный характер. Их объёмы станут ничтожными, в размерах, необходимых лишь для поддержания режима.

Все правительственные «микрошевеления», вроде попыток финансовой стабилизации или введения чрезвычайной комиссии по сбору налогов, лишь замедлят тенденцию к дальнейшей деградации страны, её депопуляции, снижению уровня образованности нации, но не изменят общих тенденций превращения нашей страны в эксплуатируемую окраину «цивилизованного мира».

У нас нет и не будет друзей – с чего бы им возникнуть: наша экономика продолжает деградировать, культура и образование – тоже. В нашей действительности нет ни для кого ничего привлекательного. Врагов у нас тоже вроде бы и нет. И тоже – с чего бы им возникнуть! Мы просто больше никого не заботим – у стран золотого миллиарда совсем другие заботы.

На нашем Севере скрыты большие богатства. Некая небольшая группа людей станет их успешно эксплуатировать, и нищета остальной массы будет обеспечивать их благополучие. Кажется, что есть какая-то аналогия с эмиратами, где 5% населения владеют несметными богатствами. Но это очень поверхностная аналогия, поскольку остальные 95% жителей эмиратов – это прибывшие на заработки из-за границы жители бедных стран. В нашей же стране судьба этих 95% уготована коренным жителям – истинным хозяевам земных недр.

Экологические проблемы не будут возникать при реализации подобного сценария – **миру ТНК** нужна достаточно обширная свалка!

* * *

Второй крайний сценарий – попытка вписаться в **мир ТНК**, сделаться его активным членом.

Такой поворот российской истории не только более благоприятен для нации, но и возможен. Однако он требует энергичного правительства, способного **править**, правительства, которое смогло бы оценить потенциальные возможности страны, направить усилия нации в определённые, им выбранные каналы и создать собственные ТНК. Для этого государство должно определить приоритетные направления развития. Не только согласованные с

конкурентоспособностью в данный момент, но и с тенденциями развития **мира ТНК**. Пример такой деятельности – концентрация усилий ряда корпораций Японии и США по созданию электронной техники 5-го поколения.

Только в этом случае может возникнуть положительная обратная связь с **миром ТНК** и мы окажемся его достойными членами. И если и не войдём в состав стран золотого миллиарда, то сможем быть с ними в партнерских отношениях.

Некоторые направления такой деятельности более или менее очевидны. Прежде всего следует использовать наше географическое положение (лучше даже сказать – геополитическое). В современном мире складываются два центра экономической власти – Западная Европа и Тихоокеанский регион, наиболее короткая связь между которыми проходит через Россию. В том числе и морская (Северный Морской Путь). Подобно тому как путь из «варяг в греки», объединив Новгород и Киев, помог создать первоклассное средневековое государство, так и сегодня создание соответствующей инфраструктуры может оказаться решающим толчком на пути в **мир ТНК**. Эта инфраструктура органически необходима **миру ТНК** и, следовательно, не вызовет негативных реакций у стран золотого миллиарда. Нам же необходимы оба берега **евразийского моста**.

Путь «из англичан в китайцы» – это не только мост, это ключ к нашим собственным богатствам и, в частности, к богатствам шельфа Ледовитого океана, примыкающего к Сибири.

Далее – необходимо опереться на интеллигенцию, особенно техническую, которая, в своём большинстве, находится не у дел, привлечь её к активной деятельности не грошовыми подачками, а предложением **дела**. Таким делом может быть дальнейшее развитие тех точек роста, тех **очагов своеобразной модернизации**, которые были созданы в Советском Союзе и которые способны создавать конкурентоспособную продукцию. Одним словом, нужен **план ГОЭЛРО–2**. Это план превращения того окровавленного обрубка, который сегодня зовётся Россией, в нормальное государство. Это план обустройства Севера Евразии – нашей естественной экологической ниши.

Такой план, может быть, ещё и не **слово**, но и без него **слово** не родится. Само появление нового ГОЭЛРО вдохнет новый смысл в наше существование, покажет, что у нации ещё есть мускулы, а значит, есть и будущее.

* * *

Если же у народов мира хватит интеллигентности и мужества принять второй, ноосферный сценарий развития планетарного сообщества, то и в этом случае нас ожидают новые, трудные решения. Путь в эпоху ноосферы, т.е. обеспечение коэволюции человека и биосферы, будет длительным и тернистым. Это не путь великих революций, и хотя предстоит глубокая перестройка системы ценностей и социальной структуры планетарного общества, упаси нас Боже от любого акта социальной инженерии. Должно быть максимальное использование механизмов самоорганизации общества и рынка, в частности. И хотя суровые запреты необходимы, вводить их надо лишь тогда, когда их отсутствие становится смертельно опасным.

Ноосферогенез не будет одномоментным актом: сначала возникнут некоторые очаги ноосферы, в которых жизнь будет постепенно приближаться к обеспечению условий коэволюции человека и биосферы. Начнется новый этап модернизации – его можно будет назвать экологической или ноосферной модернизацией. Можно думать, что в небольших развитых странах, например, Нидерландах, где давно уже озабочены проблемами взаимоотношения Природы и общества, этот процесс начнется раньше, чем в других. Но важно понять, что процесс ноосферогенеза начнется исподволь – в рамках **мира ТНК**, ибо для такого процесса необходим высочайший уровень технологий, и в рамках появляющихся ограничений (ноосферных табу) он окажется выгодным корпорациям.

Россия тоже, но совсем по другой причине, могла бы стать опорой ноосферной модернизации. Масштабы территории, не затронутой предшествующими модернизационными волнами, могут служить опорой для создания очагов ноосферы. Но это может случиться лишь в том случае, если Россия делается полноправным элементом **мира ТНК**. Значит, всё, что говорилось в предыдущем разделе, остаётся справедливым и для того случая, когда наша страна

примет в качестве ориентира своей целенаправленной деятельности построение общества, живущего в согласии с Природой.

Но равноправного включения в **мир ТНК** заведомо недостаточно для реализации пути в эпоху ноосферы. Предстоит перестройка основ современной экономико-социальной природы общества. Многие лежат ещё за горизонтом и находятся в области фантазии. Тем не менее уже есть некоторые основания для конструктивных дискуссий. Так, например, Д.С.Львов полагает, что уже в современном обществе необходимо, чтобы все природные ресурсы, в том числе и земля, были **национальным достоянием**. Они могут сдаваться в аренду, и определённая часть дохода от их эксплуатации объявляется национальным дивидендом, который становится внебюджетным фондом. Он расходуется на обеспечение минимума зарплаты, на образование, другие социальные нужды. Это те средства, которые необходимы для преобразования общества, для организации режима коэволюции. Они необходимы уже сегодня, и подобный шаг будет чрезвычайно важен, если путь в эпоху ноосферы сделается выбором России. Могут быть предложены и другие варианты организации экономики. Все они – предмет анализа и обсуждений.

* * *

Итак, **слово** ещё не сказано. Предстоят обсуждения и споры. Велики роль и ответственность интеллигенции – их невозможно переоценить! Именно интеллигенции предстоит объявить начало дискуссии и поисков. Окончательное слово скажет народ. Но его ещё надо пробудить, образовать, понять его глубинные побуждения. Ещё предстоит перекрыть ту пропасть, которая за годы перестройки и постперестроечный период возникла между интеллигенцией и народом.

Но самое главное – найти тех, кто сможет не властвовать, а править, для кого судьба нации сделается собственной судьбой.

Затулин К.Ф.

Интеграция – гарантия безопасности России

Недавно в Минске состоялась конференция «Пять лет спустя: последствия распада СССР и будущее Содружества».

На этой конференции, собравшей около двухсот участников почти из всех стран Содружества и республик Прибалтики, высказывались разные точки зрения, прежде всего о событиях пятилетней давности. От мнения о неизбежности развала Советского Союза – это мнение недавно в «Независимой газете» подробно пытался обосновать Сергей Михайлович Шахрай, один из творцов Беловежских соглашений, – до крайнего неприятия и осуждения событий пятилетней давности. Большинство участников конференции – и я полностью солидарен с ними – считают, что развал Советского Союза не был неизбежен и необратим. Хотя он и является следствием серьезных причин, прежде всего исчерпанности возможностей конкуренции советской социалистической системы и необходимости реформ. Может быть, не таких реформ, какие проводились в те времена, когда Михаил Сергеевич сидел не за этим столом, а в кресле президента Советского Союза. Возможно, правы те, кто говорит, что китайский опыт был бы полезнее для нас на том этапе. Но заниматься этой реконструкцией сейчас было бы довольно непродуктивно. Важно лишь отметить, что в результате Беловежских соглашений многие конфликты были порождены, а многие загнаны вглубь.

Довольно распространенным является тезис, что Содружество ничем иным как бракоразводной конторой не является. В единственном телевизионном репортаже о всей нашей конференции было сказано лишь это. Если уж использовать аналогии с браком и разводом, то развод в 1991 году был разводом по-советски, с дальнейшим проживанием с бывшей женой в общей квартире по прежнему месту прописки, и с недоделённым имуществом.

Мы не могли не обратиться к попытке дать свою периодизацию развития Содружества и оценку его нынешнего состояния.

В 1991-1993 годах это действительно была по преимуществу бракоразводная контора. К 93-му году создались определенные предпосылки реинтеграции, нарастали ожидания. И бракоразводная контора превратилась в бюро знакомств по брачному объявлению.

К тому времени в большинстве государств СНГ произошла смена крайне националистических или, как говорили в Грузии, «романтических» режимов, и к власти пришли люди, более испытанные, более проверенные, сидевшие с многими здесь

присутствующими за одним столом – в Политбюро ЦК КПСС и других организациях.

К сожалению, политическое руководство Российской Федерации, как мне кажется, несет основную вину за то, что прошло мимо этой исторической возможности, хоть и слабой, но существовавшей, и растратило весь накопленный потенциал и авторитет, убило все ожидания интеграции неудачной войной в Чечне. И с 1994 года, пожалуй, даже с начала 95-го, мы можем говорить об отказе от полной – в масштабе всего СНГ – реинтеграции. Окончательным похоронным звоном стали выборы 1996 года, а до этого – бездарная попытка денонсации Беловежских соглашений. После выборов 96-го года вопрос о реинтеграции, даже как лозунг, во внутривнутриполитических целях снят. Снят даже КПРФ, считавшей, что этот клич является очень важным призывом к побудке своего избирателя. Сегодня вы не услышите от лидеров компартии разговора о необходимости денонсации Беловежских соглашений и восстановления Союза в прежнем виде.

Все, что сегодня, пожалуй, возможно – это интеграция на избранном направлении. Попытки найти и кристаллизовать ядро внутри самого Содружества. Такие попытки предприняты – союз двух, союз четырех.

Большой спор на конференции вызвал вопрос о том, как оценить нынешнее состояние и перспективы механизма, называемого Содружеством Независимых Государств. Наполовину живое или наполовину мертвое?

Сам факт подписания 757 документов в рамках Содружества очень двусмысленен. Ясно, особенно после саммита ОБСЕ в Лисабоне, что подписание этих документов не ликвидирует разобщенности политических и военных усилий и устремлений стран СНГ. С другой стороны, мы можем сказать, что Содружество сыграло определенную роль в том, чтобы не допустить югославизации в процессе распада бывшего Советского Союза. Или, по крайней мере, полномасштабной югославизации, потому что элементы ее были. Они называются зонами конфликтов на территории бывшего Советского Союза.

Было сказано много критических слов в адрес Содружества, его недееспособности. Некоторые говорили о том, что хорошее дело в русском языке тремя буквами не называют. Но хотел бы обратить внимание на то, что определенная перспектива у Содружества, даже в таком составе, существует. Содружество как «круглый стол» бывшей общей советской историко-культурной общности, как механизм посредничества и как трибуна – поле для инициатив интеграции. Существенно важной, критически важной для Содружества, безусловно, является судьба наднациональных органов. Можно говорить какие угодно слова в пользу интеграции, можно на потребу столичной московской интеллигенции выдвигать тезис Евразийского союза, но при этом лакировать этим тезисом нежелание идти на создание наднациональных органов. И, таким образом, от интеграции ничего ровно не останется. И в историческом споре, свидетелями которого мы были, – споре между шапошниковыми, т.е. наднациональным аппаратом, и грачевыми, т.е. представителями национальной бюрократии, в странах СНГ пока лидируют грачевы. И до тех пор пока работа в наднациональном органе не станет более престижной и влиятельной, до тех пор, я уверен, не будет создано ничего существенного для того, чтобы решения стран СНГ стали дееспособными.

Не буду сейчас говорить о судьбе конкретных органов СНГ, но мне кажется, что наиболее близко к тому, чтобы попытаться восстановить общее политическое пространство, могла бы подойти Межпарламентская ассамблея. На сегодняшний день Межпарламентская ассамблея, к глубокому сожалению, ничем кроме вечеринки спикеров не является. Ни квотного принципа, ни пропорционального принципа, ни стремления кого-либо из участников Межпарламентской ассамблеи передоверить ей решение серьезных внутренних вопросов в Межпарламентской ассамблее нет. Есть нечто вроде «круглого стола». Как председатель Комитета в прошлой Государственной Думе и заместитель руководителя думской делегации в Межпарламентской ассамблее, я два года пытался обращать на это внимание. Но ничего, кроме очень симпатичных анекдотов от очень симпатичного Владимира Филипповича Шумейко, мы так и не услышали. Очень надеюсь на то, что новый председатель

Межпарламентской ассамблеи обратит внимание на то, что могло бы быть сегодня уделом реформ.

Без восстановления общего политического пространства страны Содружества так и будут находиться в ситуации, когда единственно интернациональным началом, и то только по форме, являются коммунистические партии.

На самом же деле и коммунистические партии во всех странах СНГ (может быть, КПРФ является замыкающей) давно уже прошли путь превращения в национал-коммунистов. Если прочитать все, что говорят о России на заседаниях Верховной Рады отдельные руководители фракции компартии Украины, – допустим, уважаемый председатель Комитета по международным делам Борис Олейник, – то не должно быть никаких сомнений в том, что они уже прошли путь превращения в национал-коммунистов. Но кроме коммунистов никаких других интернациональных политических сил – христианских демократов или социал-демократов – в СНГ нет. А это одна из важных характеристик, скрепляющих Европейское сообщество.

В завершение вернусь к России. Как бы ни хотели сегодня выстроить модели интеграции, альтернативные России, – а мы должны заметить, что они уже появились: это и Центральноазиатский союз, и попытка выстраивания оси Ташкент-Баку-Тбилиси-Киев, и попытки насадить двоецентрие на постсоветском пространстве, используя Украину, за счет Украины, – все-таки главным условием существования Содружества и главным фактором интеграции остается Россия. И пока в России этот вопрос не будет решен окончательно, ничего существенного – здесь я согласен со всеми выступающими – не произойдет.

Хочу обратить внимание на одно, на мой взгляд, заблуждение, которое все время путает отечественных мыслителей в вопросах интеграции на современном этапе. После крушения марксизма-ленинизма как господствующей идеологии мы стали большими экономическими детерминистами, чем когда бы то ни было до тех пор. Принято считать, что пока не созреют объективные экономические причины, мы можем лениться и ничего не делать в смысле интеграции. Не позвала еще нас в дорогу экономическая причина!

Если бы экономические причины были настолько прямодействующими, то в этом случае отношения наши с Украиной, наверное, были бы наилучшими во всем СНГ, поскольку мы главные торгово-экономические партнеры (и для России Украина – главный партнер, и для Украины Россия – главный партнер). Тем не менее это не так.

Мне кажется, что на этом этапе – в момент фактического полураспада России после войны в Чечне – интеграция внутри СНГ выступает важным фактором сохранения территориальной целостности Российской Федерации. Она важна прежде всего с политической, военной точки зрения, как гарантия безопасности самой России. Не только от Чечни и теперь даже не столько от Чечни зависит безопасность и территориальная целостность России, сколько от отношения к нашей территориальной целостности основных соседей, пограничных нам государств – Украины, Белоруссии, Казахстана. И конечно, идеальным, если говорить о моделях, был бы союз четырех – России, Украины, Казахстана и Белоруссии. Этот союз в значительной степени предопределен и сходным национальным составом, и общностью культур, и прочими обстоятельствами. Прежде всего близостью этих государств. Но к нему не подойти просто так, отношения с Украиной это показывают. Я считаю, что без определенного принуждения к дружбе союза с Украиной добиться невозможно. И важнейшим фактором сейчас является, конечно, судьба интеграции с Белоруссией.

Сейчас просто нет иного выхода, кроме как поддержать непопулярного в среде московской интеллигенции президента Белоруссии Лукашенко. И тут я хотел бы обратиться к участникам «круглого стола». Я не обольщаюсь относительно нашего влияния на действия власти, но авторитет – не надо прибедняться – у всех присутствующих, конечно же, есть. И среди интеллигенции, и во властных структурах, и среди оппозиции. И я очень просил бы, в том числе и председательствующего за этим столом, однажды высказаться по этому вопросу.

Потому что нужно определенное мужество для того, чтобы сегодня поддержать Лукашенко, которого обливают грязью по российскому телевидению. Вам скажут о том, что он пьет кровь

невинных младенцев, вам скажут о том, что он натворил ужасные безобразия, но на самом деле, если мы разберемся, ничего такого, о чем можно было бы говорить как о безобразии, в Белоруссии не происходит. Намного большие безобразия творились у нас в 1993 году и были, в конечном счете, поддержаны всем мировым сообществом. Сегодня, когда дело касается Лукашенко, это же мировое сообщество исходит из совсем других стандартов. И это происходит по одной простой причине – если бы Белоруссия вновь вкопала столбы на российско-белорусской границе, все было бы совсем по-иному.

Итак, я хотел бы обратить внимание на то, что без успеха интеграции с Белоруссией мы можем на долгое время сдать в архив любую объединительную идею, а может быть, и нынешнюю территориальную целостность Российской Федерации.

Арбатов А.Г.

Только взаимный осознанный интерес

Хочу сказать несколько слов о нашем настоящем и о перспективах. Но не могу удержаться, чтобы не сделать несколько замечаний о прошлом.

Предтечей Беловежья был Форос. Потому что без Фороса, без того, что произошло в августе 1991 года, наверное, не было бы и Беловежской эпопеи.

Михаил Сергеевич Горбачев начал преобразования в 1985 году, повел Советский Союз по пути демократизации и, безусловно, за это он заслужил место в истории, несмотря на то, как его поносят и хают сейчас и коммунисты, и националисты. Встает вопрос: можно ли было продолжать этот процесс без развала Советского Союза? Ведь такие страны, такие разные народы, как Литва и Туркмения, могли жить в рамках единого государства только при централизованной командной экономике, при тоталитарном политическом военизированном режиме.

И когда Горбачев начал распускать эти жесткие звенья ради демократизации страны, сразу возникли огромные различия между республиками Советского Союза, да и внутри многих республик между разными национальностями и регионами. Ответ на вопрос,

можно ли было сохранить Советский Союз или его распад был неизбежен, зависит от того, что мы понимаем под Советским Союзом.

Конечно, каждый может вкладывать в это свой собственный смысл. Но в истории Советский Союз остался как централизованное государство, в крайней степени милитаризованное и подчиненное единой идеологии. Такой Советский Союз, безусловно, был обречен на распад, как только началась его демократизация и как только она перешла некий рубеж, который побоялся в прошлом перейти Хрущев.

Другой вопрос: как могло пойти преобразование Советского Союза? Во что вылиться, с каким ущербом, с какой кровью проходить? И вот тут, мне кажется, была возможность сделать этот процесс разумным, плановым, долгим, эволюционным и мирным. Основу этому заложил ново-огаревский процесс летом 1991 года. Если бы мы пошли по этому пути, Советский Союз в его прошлом виде, конечно, никогда бы не сохранился. Может быть, отдельные республики все равно вышли бы из него, и даже наверняка вышли бы, но какие-то остались. И тогда мы смогли бы проводить интеграцию, ту, о которой сейчас все говорят, совершенно на новой основе.

Этот путь был прерван событиями августа 1991 года. И признавая все огромные заслуги Михаила Сергеевича Горбачева, нельзя не сказать, что на нем лежит огромная ответственность за ФОРС, за то, что произошло в августе 1991 года. Михаил Сергеевич сам допустил такое развитие событий, хотя его предупреждали об опасности военного путча.

Август 91-го года разрушил огаревский процесс, и после этого мы живем совершенно в новых условиях, в новой стране.

Каковы итоги прошедших пяти лет?

Да, мы избежали пока югославского пути, хотя он и начинался в 1990-1991 годах, и, как правильно отметил здесь мой коллега Константин Затулин, в той или иной форме проявлялся в виде кровавых локальных конфликтов. Пока мы его избежали в том масштабе, в каком это произошло в Югославии – в виде национальной катастрофы. Но что ждет нас в будущем? И в этом смысле нельзя не отметить, что сама концепция Беловежья заложила основы для тех конфликтов и разрушительных процессов, которые последовали в последующие пять лет. Потому что никакой концепции новой

интеграции, никакой концепции нового Союза в Беловежье сформулировано не было. Там была только одна концепция – отделаться от Горбачева. И все.

Именно поэтому на следующий день после подписания Беловежских соглашений о Советском Союзе буквально все забыли. И те 750 соглашений, которые были подписаны за последующие 5 лет, были просто бумагой, данью общественному мнению. Ни одно из них не работает. Отсюда и конфликты. Отсюда и разрушительный экономический эффект не только в других республиках Советского Союза, но и во многих регионах самой России.

Вся политика Москвы в отношении бывшего Советского Союза за прошедшие пять лет была каким-то спонтанным, неорганизованным сочетанием попыток установить свое военно-политическое господство и полным непониманием и игнорированием проблем постсоветского пространства. Самое главное, что и сейчас никакой политики в отношении интеграции нет. Потому что политика интеграции – это лишь часть общей государственной политики в области экономики, в области безопасности и в других вопросах. А сейчас и государство, и государственная политика в России представляют из себя «тушу», которую терзают разные кланы и коррумпированные группировки. Никакой целенаправленной политики у нас нет.

Мне кажется, что в 1997 году возникнет серьезная опасность развития событий по югославскому пути. Для этого есть две главные причины. Одна – это то, как происходящее в Чечне отразится на Северном Кавказе и на других республиках бывшего СССР, где есть проблемы вооруженного сепаратизма. Это может перейти в спонтанный процесс дезинтеграции. И вторая причина – экономический и бюджетный кризис, который, конечно, может серьезно дестабилизировать политическую и социальную ситуацию в России.

Еще одно, о чем хотелось бы сказать. Когда обсуждается вопрос интеграции, мы при этом не определяем, что же такое интеграция? Каждый вкладывает в это свой смысл, а некоторые под интеграцией имеют в виду простую торговлю. Хочу в этой связи напомнить, что между Китаем, например, и США огромная торговля. Дай Бог, России

иметь такую торговлю с другими республиками СНГ. Но ни о какой интеграции США и Китая речи не идет.

В этом плане реальная интеграция по модели Европейского союза может быть не просто между странами, у которых есть какие-то общие экономические и торговые интересы. Реальная интеграция возможна тогда, когда близок уровень экономического, политического развития, есть новая культурная и гуманитарная общность. В этом отношении, мне кажется, реальная интеграция в рамках СНГ возможна только между Россией, Украиной и Белоруссией. Потому что здесь есть нечто общее, сопоставимое с тем, что объединяет государства Западной Европы. Но, конечно, при обязательном условии, что экономический курс и курс безопасности России будет, наконец, определен и изменится по сравнению с сегодняшним днем.

Что касается других государств бывшего Советского Союза, то возможен, например, военный союз, сотрудничество в области безопасности, которое вовсе не означает интеграции. Сюда относятся и Армения, и Грузия, и Казахстан, и, возможно, Киргизия. Хочу напомнить, что США и Турция являются военными союзниками, но никто не говорит об интеграции США и Турции.

И наконец, еще одна группа государств – это те, где мы можем иметь торговые интересы, капиталовложения, но вряд ли можно говорить о какой-то интеграции с ними. Это – Балтия, государства Средней Азии, Молдова.

Почему при всей оживленности дискуссии об интеграции так мало уделяется внимания ее конкретному смыслу и значению? Потому что мало кто думает действительно об интеграции. Для одних – этот термин есть прикрытие ностальгической мечты о возрождении Советского Союза. Для других – дань общественному мнению в России и соседних странах. Для третьих – стремление к имперскому господству в постсоветском пространстве, для достижения которого годятся и методы «принуждения к дружбе». Но это все мы уже проходили, и именно это не выдержало испытания временем. «Дружба по принуждению» не спасла Варшавский Договор, а НАТО и не думает распускаться. Такая «дружба» не сохранила СССР – а Европа интегрируется. И хотя распад ОВД и СССР породил многочисленные проблемы, – особенно учитывая то, как все было сделано на практике,

– тяготы и кровь посткоммунистического, постсоветского бытия не означают, что есть путь назад. Новая интеграция – если она начнется – может основываться исключительно на взаимном осознанном интересе. До тех пор пока Россия не определит свои собственные интересы в области экономики и безопасности в отношениях с окружающими странами, интеграция будет оставаться просто словом и не будет иметь никакого конкретного смысла.

И последнее, что касается настоящего политического момента. Президент Ельцин не ведет государство за собой. Он опирается на государство. И в этом причина того, что у нас нет разумной, продуманной политики ни в одной области. Он, скорее, играет на противоречиях разных бюрократических групп и тем самым поддерживает свою власть. Но он не ведет за собой бюрократию, не ведет за собой государство как ведущий (в смысле ведущего в эскадрилье, когда один ведет, а другие за ним следуют).

Более того, мне кажется, что у президента Ельцина нет никакой программы на будущее. Он победил, потому что люди проголосовали против коммунистов. Но программы у президента Ельцина нет. И в этом наша главная проблема.

Кризис 1997 года, который скорее всего предстоит нам и в экономической сфере, и в других, может или смести правительство Черномырдина, или настолько потрясти его, что заставит всерьез изменить курс. Кто подхватит этот курс – серьезный вопрос. Могут подхватить националисты или неонационалисты. А могут подхватить демократы. И для того чтобы это были демократы, необходимо, безусловно, сплочение всех демократических сил. И сплочение это, мне кажется, может происходить прежде всего на социал-демократической основе, даже если мы не будем пользоваться именно таким термином.

Ципко А.С.

«Великорусский сепаратизм» как причина распада

Я, как научный работник, публицист, принадлежу к той команде, которая до конца боролась за сохранение исторической России, за сохранение славяно-тюркского ядра государства. Но наша команда проиграла. И поэтому мы, члены проигравшей команды, во имя нас

самих обязаны больше внимания уделять объективным причинам распада СССР. Я бы воздержался сегодня от обвинений в адрес победителей. Сегодня более важно понять, **почему беловежская партия выиграла, а ново-огаревская проиграла.**

Пять лет – достаточная историческая дистанция, чтобы увидеть то, чего мы не видели тогда, в начале девяностых.

Да, в истории нет неотвратимых событий, того, что неизбежно, что должно произойти при всех обстоятельствах. Всегда в критических ситуациях, когда распадаются старые структуры, растет неопределенность, а вместе с тем и количество вариантов дальнейшего развития событий. В этой ситуации все зависит от воли, целеустремленности и способности мыслить на опережение. У тех, кто хотел распада СССР и превращения РСФСР в самостоятельное государство, оказалось и больше воли, и больше ума, и больше целеустремленности. Почему?

Сегодня настало время сказать и согласиться с главной правдой. Команда Ельцина, команда распада СССР выиграла потому, что ее действия и решения соответствовали настроениям наиболее многочисленного народа СССР, **настроениям великороссов.** Главной причиной распада СССР было инстинктивное стремление великороссов выделиться из состава СССР, создать свое собственное национальное государство.

Мы ничего не поймем ни в перестроечной эпохе, ни в нынешней посткоммунистической, если не будем считаться с таким, по сути, аномальным явлением, как великорусский сепаратизм, стремление великороссов, москвитов сбросить с себя груз последних четырех столетий и образовать свое собственное национальное государство. Успеху политической элиты РСФСР – и коммунистов, и радикальных демократов – способствовал великорусский сепаратизм, то есть инстинкт смерти, национального самоистребления.

Каковы мои аргументы? Первый – от противного. Если бы великороссы были убежденными противниками распада СССР, исторической России, если бы они сожалели об утраченном ими национальном государстве, то они давно выразили бы свой протест Ельцину как вдохновителю и организатору беловежских соглашений. И надо отдать должное Ельцину. Он давал великороссам несколько раз

такую возможность: и на апрельском референдуме 1993 года, и на президентских выборах лета 1996 года. И оба раза он, герой Беловежья, получал поддержку большинства. Это говорит о том, что большинство великороссов не видит в распаде СССР большой трагедии. Белорусы при первой возможности прогнали своего героя Беловежья, Шушкевича. Украинцы на волне интеграционных настроений с Российской Федерацией отстранили в 1994 году Кравчука от власти. А Ельцин как был отцом нации, так им и остался. И не надо обманывать себя. Ельцин все время побеждал, ибо выражал интересы и настроения большинства великороссов. Это печальный, но все же факт.

Во-вторых, нельзя забывать, что идея превращения РСФСР в независимое государство появилась задолго до декабря 1991 года. Еще в 1986 году, на заре перестройки, среди российских писателей-почвенников, великороссов по национальности, зародилась идея создания национальной русской школы, в противовес советской школе, идея создания российской коммунистической партии в противовес КПСС, идея создания российской Академии наук в противовес АН СССР. Не прибалты, а великороссы первыми приняли в июне 1990 года «Декларацию о государственном суверенитете РСФСР».

Теперь самый важный вопрос, от ответа на который зависит судьба Российской Федерации. В чем причина великорусского сепаратизма?

Я думаю, можно найти великорусскому сепаратизму как рациональные, так и иррациональные причины. Великороссы стихийно уничтожают историческую Россию, ибо у них после реформ Петра исчезло этническое самосознание, но не появилось национальное самосознание в научном смысле слова. Отсюда и корни победы большевиков-интернационалистов, отсюда активное участие великороссов в уничтожении собственной церкви, собственных национальных традиций.

Но после семидесяти лет марксистско-ленинского воспитания на ненависти к самодержавному прошлому, то есть на ненависти к своей собственной истории, национальное самосознание великороссов стало еще более слабым, еще более уязвимым. Чернышевский и

Добролюбов не могли научить любви к своей истории. Утрачены у многих следы православной идентификации, отсюда и успехи баптистских миссионеров в среде постсоветской молодежи. Нет отчетливых знаний о своей истории, а потому нет укорененности в своей национальной почве.

Великорусский сепаратизм является результатом утраты не только славянской идентификации, но и общерусской. Только советский человек в худшем смысле этого слова, не знающий своей национальной истории, мог согласиться с тем, что РСФСР – это и есть Россия, что как только мы вернем себе бывшие территории РСФСР, к примеру, Севастополь, то мы восстановим целостность своего государства. Только советский человек, не знающий и не уважающий свою историю, мог сознательно поддерживать политиков, разрушающих его государство. Идеология пораженчества и победа суверенитетов являются обратной стороной духовной болезни, которая называется великорусским сепаратизмом.

И последнее. Заявление Константина Затулина, что необходимо во имя спасения Российской Федерации «принудить» украинцев к дружбе, на мой взгляд, также является свидетельством этой духовной болезни, на этот раз болезни политиков. Подобные призывы, с одной стороны, ущемляют национальное достоинство украинцев, отталкивают их от великороссов, с другой – углубляют чувство великорусской обособленности, исключительности. Складывается впечатление, что ничто уже не сможет противостоять этой прогрессирующей болезни великорусского сепаратизма, что великороссы, утратившие свою пассионарность, открытость, женственность, будут еще глубже уходить в себя, разрывая связи со своими единокровными братьями, оставляя одну русскую территорию за другой. Распад исторической России только начался.

Попов Г.Х.

Неэффективно, но неизбежно

Продолжу тему, начатую Александром Сергеевичем Ципко. Мне кажется, пришло время увидеть более глубинные процессы, чем спор отдельных личностей и даже отдельных группировок в бюрократии.

И центральную проблему я тоже вижу в кризисе великорусской нации. Если этот кризис не понять и не осмыслить, то все остальное вообще невозможно объяснить.

Что происходило?

Россия формировалась как страна, в которой хребтом, основой, базой были великороссы. Именно они присоединяли, добавляли, защищали кого-то и т.д. Выгодно было быть с ними в одной стране. Если взглянете на титул русского царя, то первая строчка в нем начинается с Великой России, а потом перечисляются все остальные части страны. Если взять Гимн Советского Союза, там опять: «Сплотила Великая Русь»... Сталин свою знаменитую речь по случаю Победы начал с благодарности русскому народу. В общем-то подспудно прекрасно сознавалось, что это государство – государство великороссов и ничье другое. Все остальные соучаствуют... Отсюда – союзы, уступки...

Где-то начиная с конца 1960-х годов, самые базисные основы великорусского государства стали подрываться. Первое. Великороссы потеряли большинство в численности Советского Союза. Я помню перепись 1959 года. Мой преподаватель Арон Яковлевич Боярский руководил ею. За что он получил тогда орден Ленина? Он получил орден за то, что придумал, как пересчитать итоги переписи. Перепись показала, что русских в стране меньше 45 процентов. Политбюро же требовало, чтобы русских было большинство. И Боярский придумал систему: по анкетным данным, не опрашивая, записывать принудительно человека русским, если отец или мать у него русские, как бы он сам себя ни записал в анкете. И вот после пересчета всех анкет получилось больше 50 процентов русских.

Второе. Еще более критическое соотношение сложилось среди интеллигенции. Цифры эти в свое время циркулировали: 60-70 процентов интеллигенции, особенно ее высших слоев, составляли нерусские. У русских был хуже всех и уровень жизни.

Но в этот же период имели место важные перемены. Когда-то Украина кормила Россию хлебом, была ее житницей. Последние же 30 лет Россия жила своим хлебом. Потому что продавала нефть и покупала хлеб. Донбасс тоже стал обузой. Значит, Украина уже ни в каком отношении не нужна была России, висела у нее на шее.

Мусульманские наши республики. Афганистан показал, что они ничего самостоятельно сделать не могут. Им ведь поручили навести порядок в Афганистане, завезли туда тысячи парработников. Чем закончилось? Полным поражением. Пришлось русским в «натуральной форме» самим идти туда с автоматами и воевать вместо узбекских пропагандистов или туркменских парработников.

Я бы еще сказал о криминальных процессах. Какую идею воспитывали у русских процессы борьбы с криминалом? Что все взяточники сосредоточены в национальных республиках, что все украденное у России находится там, там занимаются и перераспределением.

Целый ряд процессов шел уже в наше время. Вот говорят: Беловежье... Беловежье не свалилось с неба. Чтобы три человека что-то могли сделать, должно было быть очень много предшествующих решений.

Роспуск Варшавского Договора. Чем он отличался от роспуска Советского Союза? Ничем. Ни доллара не получили со стран, которые уходили. Мы тоже все бросали, признавали те границы, которые мы же в свое время после второй мировой войны и закрепили. Польские границы – это наши границы, это мы их принесли Польше. Мы бросили в этих странах миллионы наших друзей. Даже гражданство свое не предложили – что сделали США для «своих» вьетнамцев.

Распад Варшавского Договора был моделью, которая потом была использована для СССР.

Позиция Запада. Запад, безусловно, хотел роспуска Советского Союза. Тут никаких секретов нет. Я не говорю, что это был интерес крупных стран Запада. Скорее всего, это даже не отвечало интересам США. Но вся европейская провинция, вся масса мелких и средних стран мечтала о том, чтобы вместо Советского Союза появилась куча государств, похожих на них.

На мой взгляд, исключительную роль сыграл курс, который реализовывался в последние годы, – выделить руководство России. Выделить руководство России в государственном плане: дать возможность иметь Съезд, получить свой парламент и т.д. Затем курс на выделение российской компартии, отделение ее от КПСС. А СССР

мог существовать только в одном варианте: если союзное руководство – это одновременно и русское руководство.

Хочу сказать: два фактора предопределили распад СССР. Первый фактор: великорусская нация, оставаясь в Советском Союзе, оказалась под угрозой полного распада. Ее могла ждать судьба римлян в римской империи, которые исчезли в конечном счете. Помню разбирательство в КПК одного нашего профессора, который говорил: «Я, русский, в России являюсь чем-то вроде ирокеза». Вот такие настроения были решающими, базисными везде и повсюду, на всех уровнях. Уйти из СССР – было главной идеей великороссов.

А второй фактор состоял в том, что никакой силы, кроме российской бюрократии, которая бы осуществила эту идею, в стране не оказалось.

Поэтому, с одной стороны, необходимо было изменить соотношение СССР и великороссов, а, с другой – за перемены взялись советская и российская бюрократия. Ну и результат в данном случае был предопределен: исторически неизбежный процесс прошел в неэффективных формах. Формы могли быть другими, а вот процесс мог быть по существу только таким и никаким другим.

И последнее. Сейчас, конечно, самое главное – не поиск виновных. Самое главное – концепция будущего. И говоря об этом, мне хотелось бы сказать: пока Россия не станет на ноги, пока она не станет государством, способным привлекать другие народы, ни о каких других процессах говорить не приходится. Поэтому исходным должна быть концепция возрождения России, а потом уже все остальное. К стране, в которой людям не платят зарплату, присоединиться мало кто захочет. А если и присоединить еще одну страну, где тоже не платят зарплату, то рассчитывать на эффект такого объединения очень и очень спорно.

Никонов В.А.

Фактор «умной политики»

Распад Советского Союза – это не закономерность распада империи, это закономерность распада социалистической федерации после развала правящей партии. Ни одна из существовавших в мире социалистических федераций не пережила того периода, который у

нас назывался перестройкой. В Чехословакии, Югославии не было Ельцина, но тем не менее на карте планеты нет ни Чехословакии, ни Югославии.

После того как исчезает коммунистическая религия, ее место занимает какая-то другая. И в тот период, когда не предлагалось ничего взамен, ее заменила самая простая форма сознания – национальная, в ее «ленинской» форме.

К сожалению, на всем пространстве бывшего Советского Союза и в бывших социалистических федерациях были гипертрофированы концепция права нации на самоопределение вплоть до отделения и концепция советского национально-государственного устройства, которая была основана на том, что статус нации связан прежде всего со статусом ее государственности. Чем выше статус государственности, тем выше статус нации. У нас были нации первого сорта, имевшие свою союзную республику. Нации второго сорта, имевшие автономные республики. Третьего сорта, которые имели автономное образование более низкого уровня и т.д. Из этого следовал вывод: чтобы повысить национальный статус, надо иметь свое советское национально-государственное устройство. А значит, единство Союза было возможно только в условиях, когда его нельзя было оспорить, когда оно держалось на стержне коммунистической партии и союзных силовых структур. Когда они исчезли, исчез и Союз.

Это не значит, что за СССР нельзя было бороться и он был изначально обречен. Были и просчеты, и объективные причины. И все, кто сегодня выступал, были правы. Потому что распад Советского Союза – многогранное явление, в котором было задействовано множество факторов.

Были промахи, о чем уже говорили, и у нашего уважаемого председателя, Михаила Сергеевича Горбачева. Ну что мешало тот же Союзный договор подготовить не в критический 1991 год, а в более спокойный 1990-й или 1989-й годы, когда вопрос этот уже стоял, когда против договора никто не возражал и все республики готовы были его подписать?

Считаю серьезной ошибкой Михаила Сергеевича то, что он не стал получать **всенародного** мандата на выборах президента

Советского Союза. И поэтому уровень его легитимности в критический момент оказался в глазах людей ниже, чем у президента Российской Федерации, который победил на общероссийских выборах.

Совершенно критическую роль в распаде Советского Союза сыграл августовский путч 1991 года, после которого, на мой взгляд, пути к восстановлению разрушенных связей уже не было.

Невозможно преувеличить роль компартии Российской Федерации во главе с Полозковым и Зюгановым в развале СССР. Она, безусловно, внесла решающий вклад в раскол КПСС в тот момент, когда партия была главным цементирующим звеном Союза.

И, конечно, большую роль играла борьба российского и советского руководства за Кремль. Россия, провозгласив суверенитет (а за суверенитет России голосовали тогда в Верховном Совете и на Съезде народных депутатов Российской Федерации представители всех без исключения политических сил – от ортодоксальных коммунистов до самых ярых демократов, включая и горбачевских коммунистов), отделилась по существу от самой себя. Потому что на самом-то деле Советский Союз был формой существования именно России.

И, конечно, сыграл свою роль в распаде Ельцин. Но кто сотворил Ельцина, Михаил Сергеевич?!

Я приветствую высказанную Горбачевым мысль о воссоединении через волеизъявление народов различных стран. Но воля народов, как показывает и опыт распада Советского Союза, не всегда является решающей силой, когда речь идет о действительно серьезных моментах в судьбах народов. Есть еще интересы элит. Есть различные политические, экономические и внешнеполитические ориентации. Различные политические системы. Различные конституции. Существует международное давление против интеграции. Существуют и различия групп государств, о чем правильно говорил Алексей Арбатов, разные степени готовности к интеграции. Есть Прибалтика, с которой интеграция в ближайшей перспективе просто невозможна. Есть Туркмения, Азербайджан, Узбекистан, которых с Россией связывает гораздо меньше нитей, чем, скажем, с исламским миром. Есть Украина, которая испытывает те же

проблемы, что и Россия, – проблемы обретения национальной самоидентификации. Ее вектор устремлен в сторону того, чтобы осознать, обрести себя как государство, а не в сторону того, чтобы потерять государственность, вновь слившись с Россией. Наконец, есть Белоруссия, которая действительно готова интегрироваться. Я абсолютно согласен с теми, кто считает, что надо форсировать интеграцию, коль скоро с той стороны есть готовность. И меня не убеждает то, что говорят об экономических трудностях воссоединения с Белоруссией. Белоруссия – маленькая республика. А ведь у нас много областей, которые гораздо беднее Белоруссии, где уровень экономического развития ниже, чем в Белоруссии. Меня не волнует авторитаризм Лукашенко, поскольку в случае объединения Россия сможет выстроить такой политический режим, который не будет вызывать серьезных возражений.

Но у меня есть серьезные сомнения относительно тезиса, что вопрос о судьбах интеграции упирается в присутствие в Кремле Ельцина. Якобы пока Ельцин там, никаких шансов на интеграцию нет. Ну а что произойдет, если будет другой?

Предположим, победил бы Зюганов на президентских выборах. Было бы денонсировано Беловежское соглашение, после чего шансы на интеграцию резко бы упали. Было бы поддержано требование, скажем, о большей независимости Приднестровья, после чего мы бы потеряли шанс на интеграцию с Молдовой. Мы бы потребовали Крым и Севастополь и никогда бы не интегрировались с Украиной. Мы бы выступили в защиту Абхазии и никогда бы не интегрировались с Грузией и т.д.

Фактор личности, конечно, важен, но фактор умной политики гораздо более важен. Там, где можно интегрироваться, нужно интегрироваться форсированно, а в остальных случаях (за исключением Белоруссии, все случаи – остальные) форсированная интеграция в условиях слабой России может просто все испортить.

Горбачев М.С. реплика

Думаю, что фраза, произнесенная Вячеславом Никоновым, очень интересна. Все, мол, и каждый по-своему правы, потому что

объект обсуждения очень многогранен и существует множество точек зрения на сей счет...

Но я хотел бы все-таки попросить, чтобы мы обдумали и дополнили дискуссию ответом на один вопрос. Мы связываем будущее России с процессом интеграции или нет? Или мы должны осуществлять концепцию Ципко и Попова, заняться осознанием того, кто мы такие сами русские. И дать нашим братьям, сестрам и друзьям в независимых государствах тоже понять, кто они такие и в чем их будущее. Либо это должно стать общим поиском – и нашим и их вместе – поиском общего будущего. Вот это принципиальный вопрос. И я думаю, что наметилось совпадение взглядов еще в одном, главном вопросе. Большая Россия формировалась вокруг и при активной роли славянства, где роль режиссера играли русские. Но теперь эта Большая Россия в значительной мере вместо реформирования пошла по пути распада из-за особой позиции и ситуации, которая сложилась в самой России. Не только, конечно, в лицах, но и по существу. Я думаю, что нужно ответить и на этот вопрос – подтверждаем мы это или нет? Мне кажется, что все наши размышления о будущем, об интеграции мы должны связывать прежде всего с возрождением России и с наличием соответствующей стратегии.

Кагарлицкий Б.Ю.

О нынешней «российской государственности»

В нашей прессе много было рассуждений о том, что Советский Союз был последней империей, а империи обречены на распад и потому Советский Союз распался ...

Прежде всего давайте обратим внимание на то, что Советский Союз вовсе не был империей. И распался он вовсе не под давлением национальных чувств тех или иных народов – будь то украинцы, русские или даже прибалты. Прибалты вовсе не ставили перед собой цель развалить СССР. У них была конкретная цель, причем никак не соотносившаяся с тем, что происходило, предположим, на Украине. И развалили Советский Союз в Беловежской пуще совсем не они.

Что такое империя? Либо это династическое государство – а этот вариант отпадает, т.к. династии у нас не было с 1917 года. Либо это государство, в котором разные части, разные граждане имеют

неравный статус и неравные права. Скажем, Французская республика была империей – там были колонии, протектораты, заморские департаменты, там были граждане, неграждане, граждане самоуправляющихся территорий и проч.

В этом смысле Советский Союз, конечно, не был империей. Все граждане имели равные права. Некоторые моменты имперского наследия сохранялись в неравенстве автономных территорий по статусу. Но в целом это было все-таки гражданское государство с формально равными правами, равным статусом субъектов Федерации. Другой вопрос, что все это было в значительной мере фикцией, поскольку была КПСС, централизованная структура, которая управляла по совершенно другим законам.

В этой официальной структуре имелось некоторое единство бюрократического аппарата. Именно этот аппарат стал могильщиком Советского Союза. Страну развалили не толпы народа, вышедшие на улицу под националистическими лозунгами. Даже там, где такое имело место, это было некоей декорацией, необходимой для принятия нужных политических решений. А решения принимались элитой, и это были бюрократические элиты, воспитанные в рамках Советского Союза, в его традициях. Когда республиканские элиты, в том числе и в первую очередь республиканская элита России, созрели до определенного уровня, когда оказалось, что централизованное государство стесняет развитие этих элит, они это централизованное государство развалили.

Это не единственная причина, но тем не менее не видеть ее невозможно. Иными словами, союзные квазигосударства эмансипировались от центра, и на этой основе выросшая в Советском Союзе бюрократия создала свои постсоветские режимы.

Обратите внимание, что распад Советского Союза, вопреки катастрофическим предсказаниям, не повлек цепной реакции распада России. Почему? Потому что региональные российские элиты, включая этнические, за исключением Чечни, были не готовы и не заинтересованы в том, чтобы подобного рода распад форсировать. Они еще не достигли степени зрелости республиканских бюрократий. Повторяю, за рядом исключений. Показательно, что элиты автономий за пять лет существования уже так называемой Беловежской России

показали себя исключительно лояльными. Нигде, ни в какой части бывшего СССР, там, где не было на месте бюрократической элиты, выросшей в советской системе, национальное движение и сепаратизм не возникли как серьезная проблема. Говорить о национализме снизу как серьезной опасности не приходится. Региональные элиты России проявили не просто лояльность, они показали себя самыми надежными сторонниками нынешнего российского режима. И не случайно. Посмотрите, что творилось на выборах в Башкирии, в Дагестане – когда народ голосует в первом туре так, а во втором – вдруг совершенно иначе или не голосует вообще. Как объяснили это некоторые социологи, местными элитами была проведена «серьезная организационная работа».

Теперь посмотрим, какие препятствия встанут перед интеграцией в будущем. Вопрос желательности или нежелательности интеграции мы сейчас отложим. Препятствием для интеграции является в первую очередь нынешняя российская государственность. Речь идет не о политике, проводимой Российским государством. Речь идет о самой российской государственности, нынешней «беловежской» государственности, основой которой являются Беловежское соглашение и те социальные структуры, те институты, которые возникли в период распада Советского Союза. То же самое относится к Украине, другим республикам, включая, разумеется, Белоруссию, несмотря на слабости тамошней государственности.

Вывод напрашивается один. Если мы действительно хотим интеграции, то должны понять, что курс на «укрепление» российской государственности – в ее ныне существующем виде – и курс на интеграцию принципиально несовместимы. Российскую государственность не укреплять надо, а разрушать, если мы серьезно хотим интеграции. Наши политики хотят свою «державу» усилить, а Украину, например, присоединить. Так не получится, господа!

Более того, если говорить серьезно, то скорее всего единственным путем к интеграции является ликвидация той государственности, которую мы сейчас называем «российской», «украинской», «казахской» и «белорусской». Между прочим, в Белоруссии как раз это и происходит. И те, кто хочет защитить белорусскую государственность как таковую, выходят на улицу. В

России происходит другое. В России люди пытаются одновременно выступать за интеграцию и за российскую государственность. Так не получится – или российская государственность, и тогда мы действительно идем курсом создания национального государства, которое ничего общего с другими республиками не имеет, или разрушение российской государственности как таковой. Курс этот очень болезненный и, на мой взгляд, предполагает разрушение существующих институтов и крушение ныне действующих политических элит, которые с этими институтами связаны. Это курс гражданского кризиса, курс катастроф, хотя Россия не может вообще развиваться без катастроф.

Как известно, любые смуты в России доходили до крайнего предела, когда ими разрушалось старое государство, и никакого выхода из смуты не было, пока не происходило разрушения старой государственности и создания новой. Будь то государственность Романовых, которая качественно отличалась от предыдущей, от Рюриковичей, будь то государственность советская. И в этом смысле попытки преодолеть нынешнюю российскую смуту при сохранении нынешней российской государственности похожи, скажем, на попытки преодолеть российскую смуту, сохраняя режим царя Шуйского. Это бесперспективно и только продлевает смуту.

Далее. Если речь идет о разрушении российской государственности, то надо сознавать, что затрагиваются не только конституционные основы, но и территориальная целостность России. Без нарушения территориальной целостности России интеграция невозможна в принципе. И это принципиальный вопрос. Советский Союз был, если можно так выразиться, асимметричной федерацией в экономическом и географическом смысле. А говорят, что все успешные федерации были федерациями равновеликих, равноценных субъектов, более или менее сопоставимых размерами, населением, экономическим весом. Конечно, федерация может развалиться и при этих условиях. Но по крайней мере, если говорить о федерализме как системе равноправия субъектов, то равноправие невозможно между огромной Российской Федерацией, с одной стороны, довольно большой Украиной и, допустим, маленькими, по миллиону-полтора населения, республиками, как в Прибалтике.

И надо осознать, что интеграция не приведет к воссозданию СССР в границах 1989 или 1936 годов. Вполне возможно, что Средней Азии лучше интегрироваться отдельно от России, а Балтийские республики будут стремиться в Европу.

Даже интеграция с Белоруссией, Украиной и Казахстаном не может быть возобновлением старого Союза. Такая интеграция не будет равноправной, сбалансированной. И это само по себе всегда будет служить источником конфликтов, если только будут соблюдены хотя бы минимальные демократические условия. Без них можно, конечно, продолжать и дальше. Но тогда, повторяю, речь идет уже не о федерализме, а об авторитаризме, имеющем некоторые федеральные формы.

Разрушение российской государственности или разрушение территориальной целостности России является, возможно, первым шагом к новой интеграции новых, еще не существующих субъектов. В этом смысле победа чеченцев в борьбе за независимость вполне возможна и является как раз прелюдией к созданию новых субъектов нового конфедеративного образования в не столь далеком будущем. Вполне возможно исчезновение единой России и замена ее рядом государств, будь то Башкирия, Якутия, может быть, Сибирь, Дальневосточные республики, Уральская республика, которые впоследствии в процессе своего развития смогут образовать некий союз. И явление это отнюдь не негативное.

Но сейчас, повторяю, такие явления негативны по одной простой причине – нет социальной альтернативы. При сохранении нынешних элит без сноса нынешней системы господства, нынешней элитной системы распад будет только распадом. Он не приведет к новой динамике. Он будет просто продолжением того что есть.

Перед нами, таким образом, открываются две очень интересные перспективы. Первая – это постепенный развал и распад без последующей интеграции. Вторая – постепенный или форсированный распад с последующей интеграцией. Но никаких перспектив сохранения нынешней российской государственности в новом улучшенном, украшенном и симпатичном виде, на мой взгляд, нет.

Розов В.С. реплика

Думаю, что вопрос, который мы здесь решаем и уже не первый раз, – говорим, говорим, а толку никакого! – вопрос существования государства в достойном виде в будущем веке будет решен силой. Иного я не вижу, так как что ни действие, то какой-то тупик или просто ухудшение. Но это общий вопрос. Я же хотел коснуться иного...

Русскую культуру, я даже взял бы шире – советскую, стараются подменить другой культурой, другой нравственностью, нам не свойственной. Мучают, терзают мое живое тело эти попытки заставить меня жить другой духовностью, другими ценностями. Самое страшное, что нам несут – перемена ценностей, желание привить чужую, ненавистную мне ценность драгоценного металла.

А ведь культура нашего и других народов всегда это или высмеивала, или отображала в драматических формах, вроде трагедии Шекспира «Шейлок», где Шейлок потребовал за золото вырезать кусок мяса – и какой!? – Сердце! Вопрос, казалось бы, давно уже решенный. Но нам вновь его навязывают и, вы знаете, небезуспешно. Как кинулись за золотым тельцом! Не беру уж высшие наши эшелоны, богачей (издаются уже специальные книги самых богатых людей России), беру просто средний класс. Все заняты сейчас добычей денег. Страна разделилась на богатых и бедных, крайне бедных. Я сам свидетель тому, как в нашей помойке во дворе роется женщина, подходит другая.

– Что тебе надо? – спрашивает первая.

– Да ты-то чего, я бутылки...

– А я пищу ищу...

И это у нас во дворе, здесь в Москве... А уж когда читаешь о том, что творится в других городах, в других республиках, в частности, с русским народом! (Нам хорошо, мы сидим в хорошем помещении, за круглым столом, нас угостили кофейком, а ведь люди мучаются). И эти вопросы – чтобы люди жили, не страдая, не мучаясь самыми элементарными вещами, такими, как добывание пищи, – вопросы глобальные...

О культуре. Культура подменяется. Я ненавижу проезжать сейчас по улице Горького, или, как она опять называется, по Тверской.

Ненавижу ездить, потому что езжу по чужому городу. У меня перед глазами какие-то вывески, а я, к стыду моему, не знаю языков и не понимаю, что написано. И чувство – я где-то не дома, меня куда-то сослали. Я езжу в страны разные, мне очень приятно, что там все по-другому, я уважаю все чужие культуры. Но у себя дома я хочу быть у себя дома. Мы же сами о себе говорим (сколько раз я слышу от интеллигентных, от высокоинтеллигентных людей!) слова: «Давайте жить, как в цивилизованном обществе».

Да я и живу в цивилизованном обществе. Всю жизнь жил в цивилизованном обществе. У меня все друзья – и старше меня, и моложе меня – всю жизнь были цивилизованные люди, т.е. порядочные. Вот что я подразумеваю под цивилизованностью. Не образование, не этикет, а духовность нашу, великую русскую духовность.

Приведу вам пример. Подружка моей жены, такого же возраста примерно, как я... У нее закружилась голова, упала на рельсы трамвайные... Вдруг трамвай остановился, из трамвая выскакивает молодой человек, подхватывает Танечку на руки – она очень маленького роста старушка – и относит ее к дому. И она мне звонит: «Витя, сколько же хороших людей у нас!». Это наша культура – не пройти мимо чужой беды. А сейчас у нас два врага: враг внешний и очень сильный внутренний враг – подмена культуры.

Вы упрекаете интеллигенцию. Не надо всю ее упрекать, у нас много очень порядочных людей, может быть, не таких заметных по именам. Я отлично это знаю.

Я не могу не сострадать тем людям, которые невольно сосланы в чужие страны – русским людям, которые живут в чужих республиках. Я согласен с тем, что здесь говорили о вчерашнем выступлении Сванидзе по поводу Белоруссии. Если бы я был большим начальником, я бы ему запретил выступать на телевидении. Я вчера в ярость пришел, когда он выступал. Практически он враг моей страны. И таких врагов много. Когда выступает Елена Боннэр – уж о ней и говорить нечего. Это разрушители. Мы мало внимания уделяем внутренним разрушителям. Разоблачать их, писать о них, говорить о них! Это – пятая колонна, как называлось в испанскую войну.

Могу ли я любить правительство, которое разрушает медицину, образование, науку, делает страну третьестепенной? Мы слабы, и мы беспомощны.

Я вот сейчас говорю – толку, конечно, от этого мало, но, думаю, что народная злоба, – даже не негодование, а злоба – материализуется и разрушит то, что сейчас создано...

ГОЛОС. Вместе с Вами...

РОЗОВ В.С. Пускай вместе со мной. Но только чтобы это издевательство прекратилось над народом, это деление на супербогатых и остальных. Значит, это и есть признаки капитализма? Миллиардеры и нищие, большинство нищих и немножко миллиардеров?

Не знаю, как страна будет развиваться дальше. Вчера мне задали этот вопрос в одной газете. Я ответил: «Абсолютно не представляю, знаю только одно, что кончится это чем-то типа бунта, другого выхода я не вижу». Никакие интеллектуальные, логические построения, никакие таблицы с доказательствами, цифрами – ничто на них не действует и не будет действовать. Произвол невозможный, хищничество неслыханное. Все.

Медведев В.А.

Выход из кризиса – условие реинтеграции

Сегодняшняя дискуссия импонирует остротой постановки вопросов, обилием нюансов, тонких, но очень важных наблюдений по обсуждаемой теме. Но, откровенно говоря, меня покорибили прозвучавшие высказывания о том, что причиной кризиса Союза и его распада явилось ущемление интересов России, российского национального самосознания и что беловежский акт явился чуть ли не восстановлением справедливости и осуществлением русской национальной идеи.

До сих пор мне представлялось, что, наоборот, распад Союза в результате беловежского сговора – не торжество русского национального самосознания, а унижение России, утратившей роль объединяющей силы Союза, тяжелая психологическая травма для русского народа и народов других республик.

Хотелось бы в этой связи напомнить, что практически с самого зарождения оппозиции расшатывание Советского Союза как средство овладения политической властью довольно четко просматривалось в деятельности радикал-демократов. Они поддерживали любые сепаратистские настроения и движения.

Причем вначале даже чисто словесно оппозиция отнюдь не была озабочена интересами России, ущемлением русского народа и т.д. И только после того как в ходе политической борьбы за власть было решено сделать ставку на овладение Россией и использование ее как тарана для разрушения союзного центра, некоторые радикал-демократы превратились в завязанных российских патриотов, ревнителей русской национальной идеи.

Не вредно напомнить и о том, какими горячими сторонниками суверенизации России, в том числе и создания самостоятельной компартии России, оказались в то время национал-сепаратистские силы в Прибалтике и некоторых других республиках.

Дальнейший ход событий полностью показал лицемерие и цинизм тех, кто использовал российскую карту в борьбе за политическую власть. В последнее время горячие сторонники беловежского сговора поприотихли. Предпочитают помалкивать и его инициаторы. Не слышны звуки фанфар и победных труб. В пятую годовщину «встречи на троих» в Вискулях безмолвствует и пресса.

Политическую и моральную ответственность за развал Союза должны разделить между собой многие. Но не поровну. Приоритет в этом смысле должен быть отдан, безусловно, радикал-демократам, которые с самого начала вели подрывную работу против Союза и поставили в этом вопросе последнюю жирную точку. Теперь они говорят, что к концу 1991 года Союз уже фактически развалился и, дескать, надо было хотя бы что-то спасти. Но кто его развалил, даже если это так и было? Кто стимулировал процесс суверенизации республик, кто провозгласил принцип первенства республиканского законодательства перед союзным? Кто разрушал союзный бюджет, кто перетягивал предприятия союзного подчинения в российское? Кто саботировал разработку Союзного договора? Кто поощрял сепаратизм в союзных республиках? Все эти и подобные им вопросы российскими правящими кругами тщательно обходятся.

Большая доля ответственности падает и на консервативные силы внутри КПСС, а позднее и в российской компартии, которые упорно сопротивлялись обновлению Союза, открывавшему возможность для его сохранения, как и перестройке в целом. В конечном счете они попытались остановить эти процессы и повернуть развитие вспять с помощью военного путча, который нанес сильнейший удар по Союзу, предопределил его декабрьский распад.

Серьезные ошибки допустило и горбачевское руководство, от которого я не отделяю и себя. Вначале мы явно недооценили остроту межнациональных проблем в стране. Развивая перестройку, в течение какого-то времени пребывали в радужном настроении относительно того, что уж где-где, а в национальном вопросе проблем меньше всего, а отдельные критические ситуации и конфликты могут быть разрешены паллиативными, локальными мерами. Слишком поздно была осознана опасность для целостности Союза и развернута работа по его обновлению. Слишком долго отбивались, как могли, от нажима со стороны республик, особенно прибалтийских, от их требований введения республиканского хозрасчета, а затем – заключения нового Союзного договора и т.д. Серьезнейшей ошибкой союзного руководства явилась недооценка российского фактора, в частности, то, что пошли на поводу у фундаменталистских сил по вопросу о создании самостоятельной компартии России.

Не хотел бы далее обсуждать вопрос о том, кто виноват, хотя об этом можно было бы сказать еще немало. Но мы совершили бы большую ошибку, если бы все дело свели к субъективным ошибкам тех или иных деятелей, партий, движений и даже общественных сил и проигнорировали бы объективные причины и объективные факторы, приведшие к ослаблению и распаду Союза. О том, что такие причины и факторы были, свидетельствует тот факт, что акт роспуска Союза не вызвал сколько-нибудь масштабной реакции в обществе, серьезного сопротивления со стороны тех или иных общественных слоев, бурных выступлений, массовых движений и т.д. Центробежные силы в тот момент оказались явно сильнее центростремительных. Дезинтеграционные тенденции взяли верх над интеграционными.

В чем же тут дело?

Чтобы найти ответ на этот вопрос, мне кажется, полезно вспомнить, что это был не первый, а второй распад страны в нынешнем столетии. Первый произошел в 1917 году, в основном еще до Октябрьской революции, когда рухнула российская империя и из нее выпали, помимо Польши и Прибалтики, в основном оккупированных немцами, Финляндия, Украина, Закавказье, значительная часть Средней Азии. Россия перестала быть ядром огромной империи, она утратила и военно-политические возможности ее удержания в рамках единого государства.

Большевикам удалось приостановить этот процесс и даже воссоздать единое государство на большей части территории бывшей царской России. Потеряв Польшу, Молдавию, Финляндию, Прибалтику, страна сохранила в своем составе Украину, Белоруссию, Закавказье и Среднюю Азию.

Более того, советской власти удалось через 20-25 лет вернуть Прибалтику, Молдавию, Западную Украину и Западную Белоруссию, Курилы, Южный Сахалин, присоединить часть Восточной Пруссии, Северную Буковину и Закарпатскую Украину. В состав СССР вошла Тува. Таким образом, СССР восстановил границы прежней российской империи, за исключением Польши и Финляндии, и даже расширил их за счет земель, которые России никогда не принадлежали, в том числе Галиции и части Восточной Пруссии.

В таком виде Советский Союз прошел путь почти в 70 лет, а с Прибалтикой, западными частями Украины и Белоруссии, Молдавией и некоторыми другими землями – около 50 лет.

Полагаю, что тут сыграли свою роль три группы факторов. Во-первых, это исторические связи России с входящими в союз народами, культурно-этническая общность, роль России как гаранта национального существования ряда народов перед лицом угрозы внешнего порабощения. Большевики все это освятили духом интернационализма, союза победившего в России рабочего класса с национально-освободительными движениями народов Востока.

Во-вторых, это идея преодоления экономической и культурной отсталости народов, модернизации общества на основе его социалистического преобразования, которую предложила советская Россия народам бывшей царской империи. Через некоторое время она

начала давать и осязаемые результаты – создание национальной государственности, современной промышленности, образования и культуры, собственных кадров, импульсы национальному самосознанию, несмотря на все перегибы и даже преступления сталинского режима.

В-третьих, это военно-политический, кадровый и идеологический контроль, осуществляемый центром за республиками с помощью силовых структур, средств массовой информации и, конечно, партии.

Эти факторы имели разное значение для отношений Союза в целом с его отдельными составляющими. Так, этническая близость населения играла большую роль для отношений с Украиной, Белоруссией и частично Казахстаном. Помощь России в модернизации экономики и подъеме культуры – для республик Закавказья и особенно Средней Азии, а также Молдавии. Удержание в составе Союза Прибалтики в большей степени, чем в отношении других республик, покоилось на военно-политическом могуществе союзного государства.

Что же произошло в дальнейшем?

Мне думается, что решающую роль в расшатывании Союза и его последующем распаде сыграл кризис советской модели общества и прежде всего его экономической системы. Они не смогли ответить на вызов времени, в отличие от Запада оказались несостоятельными перед лицом становления новых технологических, экономических, социальных и политических реалий, связанных с кризисом индустриализма и переходом человечества к новой цивилизации.

В данном выступлении я не имею возможности остановиться более подробно на проблематике общецивилизационного перелома в развитии человечества, который переживает современный мир. Над ней работают и зарубежные, и российские ученые. Я бы мог сослаться в этой связи на исследования академика Моисеева Никиты Николаевича, принимающего участие в нашей дискуссии. Можно лишь констатировать, что Советский Союз, начиная с середины 70-х годов, стал быстро отставать от развитых стран Запада и утрачивать свою притягательную роль для своих союзников в Восточной Европе, на Дальнем Востоке и в Латинской Америке, а Россия, как ядро страны, – в отношении республик, входящих в Союз.

Подспудный, а затем и открытый кризис советской системы привел к ослаблению центростремительных сил и, напротив, к усилению центробежных тенденций или к их высвобождению там, где они существовали и раньше. Прежде всего, это сказалось в Прибалтике, где притягательность России и до этого имела, пожалуй, больше отрицательный, чем положительный знак.

Какое-то время Союз держался на инерции прошлого, традициях, методах автаркии, политическом и военном контроле, идеологическом влиянии и, конечно же, на всесии партии. Но в ходе перестройки, демократизации и гласности ситуация и в этом смысле изменилась к концу 80-х годов в корне. Постепенно страна вползала в полосу, когда центробежные силы начали превалировать над центростремительными тенденциями.

Всем этим я не хочу преуменьшить роль субъективного фактора, позиций и действий политических сил и действующих лиц истории и объяснить распад Союза только объективными причинами. Напротив, как уже отмечалось в начале выступления, их ответственность за судьбу Союза исключительно велика.

Фатальной неизбежности распада Союза не было. Я даже не говорю о том, что из-за бездействия руководства была упущена возможность сохранения авангардной роли Союза и России в 70-е годы путем модернизации экономической и политической систем. Но даже в условиях трудного, болезненного реформирования советского общества в 80-е годы оставался реальный шанс сохранения Союза путем его серьезного обновления, создания новой, современной, привлекательной для других народов модели общества. Собственно, перестройка и была направлена на это, но она потерпела поражение, и эта возможность оказалась нереализованной.

И в заключение о том, на что мы можем надеяться в перспективе и на что нельзя рассчитывать в ближайшем будущем.

Исходя из сказанного, считаю иллюзорными представления о том, что реинтеграцию можно осуществить хоть сейчас, достаточно устранить от власти Ельцина или руководителей каких-то других республик. Это по меньшей мере нереалистично и наивно. Дело не в личностях, а в восстановлении притягательного примера России в

экономическом, социальном, политическом, гуманитарном и во всех других отношениях.

Интегрироваться с нынешней Россией, находящейся в острейшем экономическом и морально-политическом кризисе, вряд ли кто захочет. Заинтересованности в нефти и газе здесь явно недостаточно. Требуется нечто большее. Главное условие возобновления реинтеграционных процессов – вывод России из кризиса, создание современной привлекательной экономической и политической системы, начало развертывания технологического обновления страны в условиях демократизации и гуманизации общества. Вот для этого действительно нужна смена курса и, если хотите, режима, прежде всего в России.

ГОРБАЧЕВ М.С. Вадим Андреевич, Вы разделяете два вопроса: сначала Россию сделаем хорошей, обустроим, потом начнем приглашать к интеграции. Но мы должны уже сейчас сотрудничать, взаимодействовать, думать, как найти для этого лучшие формы интеграции.

МЕДВЕДЕВ В.А. Нет, я не отделяю одно от другого. Считаю, что любой шаг к сближению, который продиктован не политическими маневрами, не желанием кого-то, например, Украину поприжать, а реальными потребностями, любой спонтанный процесс должны быть поддержаны, особенно если они исходят от других республик, например, Белоруссии. Я не отвергаю значение конкретных предложений и даже целых программ сближения. Но главное, от чего зависит будущее единой страны, – это восстановление экономического, политического, морального авторитета России, вызволение ее из глубокой ямы, приобщение к современным процессам экономического, технологического и социального прогресса.

Межуев В.М.

Отказ от исторической России

Я хотел говорить о перспективе интеграции в рамках СНГ, но ход дискуссии заставляет вернуться к исходной проблеме причин развала СССР.

Для меня существенно то, что с этим развалом закончился не только советский, но и трехсотлетний период в истории России. Перечеркнуты триста лет. Не нужны были Суворов, Потемкин, Ушаков... Все это ненужным оказалось. Они зря жили в истории. Произошел отказ от исторической России, как бы ее ни назвать – империей, Союзом или иначе. Данное обстоятельство лишь усугубило ощущение кризиса, придав ему характер почти что национальной катастрофы. Вернули Петербургу его имя, но отказались от всего, что связано с именем Петра, от всех завоеваний и территориальных приобретений послепетровского времени. Даже более того: Украина, например, воссоединилась с Россией еще до Петра. И в нашем случае подтвердилось общее правило: империи создаются гигантами, а разрушаются пигмеями.

Нельзя сказать, что подобный ход событий никем не предвиделся ранее. Еще в 1929 г. Г.П.Федотов в статье с характерным названием «Будет ли существовать Россия?» пророчески писал: «Под кровом интернационального коммунизма, в рядах самой коммунистической партии складываются кадры националистов, стремящихся разнести в куски историческое тело России». Уже тогда было ясно, что «Украина, Грузия (в лице их интеллигенции) рвутся к независимости, Азербайджан и Казахстан тяготеют к азиатским центрам ислама».

Пророчество Федотова исполнилось почти что в точности. Крах коммунизма стал одновременно и концом России, как она складывалась на протяжении последних трех столетий. Можно посчитать, что такой конец есть неизбежная цена, которую пришлось заплатить за победу над коммунизмом. Но тогда согласимся, что борьбу с коммунизмом возглавили люди, порвавшие не только с коммунистической идеологией, но и с традиционной исторической Россией, чуждые и враждебные ей. Недаром, назвав себя демократами, они не хотят называться патриотами, усматривая в патриотизме (наряду с коммунизмом) антидемократическую силу. Патриотизм для них бранное слово, рецидив чуть ли не тоталитарного и имперского мышления.

Подобный образ мыслей я назвал бы плебейским, понимая под этим не социальное происхождение его носителей (хотя и оно имеет

значение), а отсутствие у них духовных и культурных связей с собственной страной и ее историей. Духовное плебейство, утвердившееся у власти, стало главной причиной развала государства.

За время перестройки, как это и бывает в переломные годы, на политическую сцену вышли люди, сделавшие себе имя исключительно на антикоммунистической риторике. Значительная их часть неплохо жила и при старой власти. Не обладая в большинстве своем особыми политическими талантами и интеллектуальными дарованиями, они легко сменили одну идеологию на другую, раньше всех оценив выгоды смутного времени с точки зрения быстрой политической карьеры. Ни их биографии, ни их воспитание и образование, ни их предшествующая деятельность не давали никакого основания видеть в них вождей и идеологов либеральной революции и демократических преобразований. Это были типичные герои периода «смуты», новоявленное самозванство, достаточно случайные люди в политической истории России, никак не связанные – ни культурно, ни религиозно, ни исторически – с судьбой той страны, которую они взялись переделывать. Придя к власти по воле случая, они сделали этот случай мерилom исторической необходимости. Государство было разрушено ими даже не ради победы над коммунизмом, а ради сохранения собственной власти. Когда-нибудь мы поймем, что СССР погиб не по причине своей «коммунистичности», а в силу политических амбиций определенной группы людей, расчищавших себе подобным образом путь к власти. Захватив власть, они принялись возрождать нравы и обычаи худших лет коммунистического правления.

Свою политическую судьбу они поставили выше судьбы России. Под видом демократии осуществили в свою пользу передел власти и собственности, согласившись ради этого на развал Союза по произвольно установленным административным границам. Политическая корысть, ставшая причиной этого развала, менее всего, однако, может считаться признаком наступившей демократии. (В какой из республик бывшего Союза она торжествует?). В нашей истории я не знаю ни одного демократа и либерала, который хотел бы достичь политической свободы ценой территориальных потерь и геополитического проигрыша. Никто из них не путал свободу с

личной выгодой. Русские западники прошлого века не менее славянофилов были прежде всего патриотами, не отделяли свой либерализм от национально-государственного патриотизма. Утрата связи между тем и другим воспринималась в русском общественном сознании (вспомним хотя бы «Вехи») как проявление духовной «беспородности», культурной «беспочвенности», «безрелигиозного отщепенства от собственного государства».

Западничество постсоветской формации, сформировавшееся в омещанившейся среде партийного, комсомольского и квазикультурного истеблишмента эпохи «развитого социализма», стало носителем чисто плебейской идеологии зависти к чужому достатку и неприязни ко всему отечественному. Желание «жить как на Западе» (само по себе не предосудительное) явилось почему-то поводом для почти нескрываемой русофобии, ненависти к собственному прошлому и настоящему. Самое поразительное в сознании и поведении новоявленных западников – это то, с какой легкостью и исторической безответственностью они, придя к власти, принялись кроить и переделывать страну, не ими созданную и не ими защищенную. Не задумываясь, они жертвовали тем, за что предшествующие поколения проливали кровь и отдавали жизнь. Сегодня во имя собственной жизни и благополучия они согласны пожертвовать страной. Подобная смена приоритетов называется на их языке экономической реформой.

Существование России как великого государства нельзя понять и объяснить, однако, в терминах одной лишь экономической рациональности. Разумеется, как всякое современное государство, Россия нуждается в процветающей и динамичной экономике, в свободном рынке и частной собственности. Но не только ради экономического роста создавалась и строилась Россия. В основе собирания и расширения русских земель, подчас добровольного, а иногда и путем завоевания, лежала, помимо всего прочего, огромная **цивилизационная и культурная идея**, не имеющая прямого аналога ни в одной из уже существующих цивилизаций. Россия же как еще одна страна западноевропейского типа, живущая по законам чисто экономической целесообразности, никому особенно не интересна в мире и прежде всего самой себе. Видеть смысл российской истории

лишь в достижении уровня и качества жизни рядового европейского обывателя – значит порывать с этой историей, отречься от нее. Было в ней и еще что-то, без чего нет и не может быть России.

Я не берусь определять здесь, в чем именно состоит эта идея. Это большая и сложная тема. Важно то, что она скрепляла собой государственное тело России, придавала ему прочность и единство. Равно как и Европа – не просто механическая сумма национальных государств, но духовная, идейная целостность, объединенная общей для себя системой ценностей и приоритетов. Можно спорить о том, в каком отношении русская идея относится к европейской, но в любом случае их нельзя механически приравнивать друг к другу.

Смена идеологических ориентиров поэтому – не столь безобидная вещь. Не то страшно, что коммунизм поменяли на либерализм, а то, что при такой смене менее всего учитывали интересы и цели самой России. Потому она и стала распадаться, причем процесс этот, судя по всему, далеко еще не закончен. Недаром сегодня опять заговорили о национальной идее, пытаюсь найти в ней противоядие против угрозы дальнейшего распада. Вопрос – не слишком ли поздно? Ведь идеей пренебрегли, когда разрушили СССР. Возродить ее в нынешних границах намного сложнее, во всяком случае, столь же трудно, как и придать части видимость целого.

Посредством какой идеи можно уберечь РФ от судьбы СССР? Пожалуй, у СССР было больше оснований не распасться, чем у РФ. Если даже союз социально и политически однородных государств пал жертвой политических амбиций национальных элит, то что заставит народы, не считающие себя единой нацией и лишенные объединяющей их идеи, жить вместе? СССР держался сознанием своей цивилизационной особенности от Запада. Попытка подменить это сознание сознанием лишь национальным оставляет вопрос о границах России открытым. Национальным государством Россия может быть и в пределах Московской Руси, т.е. без татар, башкир, калмыков и других народов.

Теперь о перспективе интеграции в рамках СНГ. Сама эта аббревиатура представляется мне бессмысленной. Не знаю, кто ее придумал. Что это за союз государств, основанный на их независимости друг от друга? В чем тогда союз? СССР имел смысл

хотя бы потому, что между первым «С» и «Р» существовала связка в виде «С» – советских и «С» – социалистических, пусть она и считается сегодня кем-то химерической. Столь же оправдан и Европейский Союз (ЕС), объединяющий государства Западной Европы, принадлежащие к единой цивилизации. Но что должно объединять страны СНГ? Каково, так сказать, их общее цивилизационное поле? Если общее прошлое, то по взаимному согласию они его прокляли. Не жаль им своего прошлого. Всем оказывается было в нем плохо. Теперь, видимо, стало лучше. Говорят еще о едином экономическом пространстве. Но если оно уподобляется тому, что уже существует в Европе, т.е. основано на свободной конкуренции и рынке, то почему бы сразу не объединиться с Европой, что, естественно, легче сделать поодиночке? Какой смысл, например, Украине объединяться с Россией, если она ставит своей задачей стать частью Западной Европы и не более того? Иное дело, кем Украина реально окажется в Европе, насколько сохранит свою самостоятельность и независимость. Но это уже ее проблема выбирать, с кем быть независимой, а с кем терять ее. Похоже, свою зависимость от Запада она хочет оплатить независимостью от России.

Как вообще сочетать интеграцию внутри СНГ с общеевропейской интеграцией, столь соблазнительной для республик европейского региона бывшего Союза? Для вхождения в Европу вовсе не обязательно интегрироваться друг с другом, Европа в любом случае не сможет сразу же заглотивший большой кусок. Она будет заглатывать его по частям – сначала Прибалтику, затем Украину, другие отколовшиеся части Союза. Россия в этой очереди последняя. И вряд ли со своими неевропейскими территориями и народами она сможет когда-нибудь интегрироваться в Европу полностью. Либо надо отказываться от этих территорий, либо искать иные пути интеграции, базирующиеся не только на европейской системе ценностей.

Россия, как мне кажется, призвана искать свой путь интеграции, предложив его тем, кто не надеется в ближайшее время обрести свое счастье в Европе. Европа, конечно, всем хороша, но не всем по средствам жить в ней. И свое счастье лучше искать не в Европе на правах ее бедных родственников, а у себя дома, объединившись друг с другом, чтобы было легче и быстрее. Объединяться надо не с Европой

и не против Европы, а наряду с Европой – на условиях, соответствующих тем народам и государствам, которые имеют иную судьбу и иную историю. Тем, кто считает, что в Европе ему будет сытнее и вольнее, – скатертью дорога, но тем, кто при всех демократических и экономических переменах желает сохранить свою самостоятельность, лучше повернуться лицом друг к другу. Сначала надо стать равными Европе, чтобы затем на равных правах – объединяться с ней. Но это уже будет не общеевропейская, а общепланетарная интеграция, в которой Запад, Россия и другие мировые цивилизации смогут занять свое достойное место.

Арбатов Г.А.

Сердцевина проблемы – сближение с Украиной

Хотел бы начать прямо с будущего. Прежде всего о самих процессах интеграции. Мы уже имеем возможность их наблюдать в Западной Европе, в Северной Америке, начинается что-то в Латинской Америке, наконец, и на Дальнем Востоке. Притом везде интеграция начинается и идет как естественный процесс. Понять это, мне кажется, нам совершенно необходимо. Интеграция не вводится приказом, никем не насаждается сверху – ни великими политическими лидерами, ни правительствами. Надо, чтобы соответствующие страны, их правительства, их общественное мнение ощутили, поняли, что интеграция им полезна, нужна и выгодна. Только тогда дело и может пойти. Иначе это будет не интеграция, а завоевание, подчинение, создание империи со всеми последствиями, которые снова приведут к разобщению и разрушению.

У нас же пока, кроме Белоруссии, которую здесь упоминали, никто пока не проявлял горячего желания, даже готовности по-настоящему интегрироваться с Россией. В России тоже есть разные мнения...

ГОЛОС. Назарбаев много раз предлагал.

АРБАТОВ Г.А. Назарбаев предлагал, насколько я помню, союз, сотрудничество. Но не верю, что предлагает интеграцию. Сейчас, по моему, он ее не предложит.

Выходить из существующего положения странам СНГ действительно надо. Думаю, правы те, кто говорил сегодня, что

предпосылка этого – возрождение самой России. С другой стороны, я понимаю реплику Михаила Сергеевича. Ждать этого и только потом начинать усилия по сближению тоже нельзя. То и другое должно продвигаться параллельно. И не после завершения возрождения России, а когда станет очевидным, что оно началось, что «процесс пошел», пользуясь выражением Михаила Сергеевича.

Притом не только в плане улучшений в экономике. Мне кажется, что также важно добиваться прекращения упадка по всем параметрам наряду с экономическими – социальным, нравственным, политическим, культурным. Без всего этого кому захочется с нами объединяться?

Помимо улучшения дел в самой России, нужна еще и соответствующая политика в отношении стран СНГ, политика продуманная, умная. Что я имею в виду? Прежде всего, возражу Затулину, который сказал, мол, надо принудить Украину к интеграции, – такое, знаете ли, недопустимо. Это нечто вроде «изнасилования».

ГОЛОС. К дружбе...

АРБАТОВ Г.А. Дело не меняет, хоть к любви, все равно получается вроде «изнасилования».

ГОРБАЧЕВ М.С. Это темперамент Затулина.

АРБАТОВ Г.А. Думаю, судя по ряду других его выступлений, это мировоззрение, а не темперамент. И мне кажется, ничто нам не приносит большего вреда, чем такие заявления и такие шаги.

Я, например, считаю, что краеугольный камень нашей политики и сердцевина всей интеграции – это нормализация отношений, а затем сближение с Украиной. Это все-таки самая крупная, самая развитая и важная из бывших республик Советского Союза. А мы сейчас, как будто намеренно, делаем все, чтобы сближения не произошло. Только начинает что-то налаживаться, как кто-то сыплет на шестеренки песок. Да, Хрущев не имел права делать такие подарки Украине. Но это сделано. Сейчас из этого надо исходить как из свершившегося факта. Да и для нас это – не конец света. Теперь, чтобы и наши, и украинские интересы в Крыму были соблюдены, нужно настоящее сближение России и Украины. Вот пример – Эльзас-Лотарингия. Чья она – это был один из вопросов, из-за которых Франция и Германия вели две мировые войны. А поезжайте сегодня в Страсбург. Там

сегодня едва ли кто даже задумывается, чей это город – французский или немецкий. Этот вопрос был просто перекрыт совершенно новой системой отношений.

И нам надо решать такие проблемы подобным путем, а не вести спор из-за города, из-за области, выкапывать старые документы. Российская империя, о чем здесь правильно говорили, существует триста лет. Но начала она формироваться, наверное, с концом монголо-татарского нашествия. И за это время накопилось, наряду с добрыми чувствами, немало где-то неоправданных, а в значительной мере справедливых подозрений и страхов. Они пережили и советский период, хотя Советская власть, надо отдать должное, пыталась, особенно в первые десятилетия, как-то сгладить отношения, немало делала, чтобы сблизить народы, поднять экономику и культуру отставших. Но все-таки определенные дурные чувства, подозрения оставались. А потом усугубились и по причинам, связанным с советской политикой. И думаю, что если мы не будем проводить политики, которая на делах, а не на словах убедит тех, с кем мы хотим интегрироваться, что новая Россия не имеет имперских амбиций и великодержавных устремлений, никто с нами добровольно интегрироваться не будет. Посмотрите на Западную Европу. Там были недоверие, подозрения в отношении Германии, они даже сейчас не полностью исчезли. Но в принципе отношение к ней изменилось. И воспоминания о прошлом не мешают интеграции.

Интеграционные тенденции победили потому, что все ощутили ее необходимость, и потому, что Германия, Франция, Англия вели политику, не позволявшую заподозрить их в гегемонии.

Ей помог и еще один момент – близость цивилизации. А также естественное желание малых стран Европы занять достойное место в мире, не быть массой разьединенных малых государств, зажатых между двумя гигантами. И один из стимулов, наряду с экономическим, был политическим – создать объединение, которое играло бы действительно крупную политическую роль в этом мире, могло сказать свое слово и могло эффективно защитить свои интересы.

Думаю, что если две эти задачи – возрождение России и ее верная политика – не будут решены, у нас ничего с интеграцией не получится.

Славин Б.Ф.

Будущее – в изменении социально-исторической парадигмы

В науке я являюсь сторонником того марксистского положения, что решение любой национальной проблемы, включая и проблему распада Союза, нельзя понять, не поняв социальной основы этих процессов.

Мы как-то вместе с марксизмом выбросили многое из того, что составляет в общественной науке абсолютную истину. Думаю, в этом дефект многих наших сегодняшних рассуждений. Что я имею в виду? Прежде всего мы выбросили из наших рассуждений проблему интернационализма, без которой невозможно понять одну из важнейших основ Советского Союза. Кто только сегодня не ругает интернационализм! Жириновский, Зюганов... Все кричат о том, что интернационализм есть причина распада Союза. Я думаю, здесь все перевернуто с ног на голову.

Почему распался Союз, какие были для этого причины? Считаю, таких главных причин – две.

Первая – то, что Союз создан по сталинской, а не по ленинской схеме, не путем добровольного вхождения республик в Союз, а по схеме автономизации, т.е. принудительного подчинения периферийных республик центру. Формально Сталин признал добровольное и равноправное вхождение республик в Союз, которое в споре с ним отстаивал Ленин, но на практике осуществил свой план автономизации. В свое время больной Ленин это почувствовал, разбирая так называемое «грузинское дело». Суть его состояла в том, что грузинские коммунисты выступили против сталинского плана автономизации, нарушающего принцип интернационального объединения народов России. Итогом явилась статья «О национальностях или автономизации», которую Ленин хотел огласить на XII съезде партии, но не сумел этого сделать из-за болезни. Ленин в этой статье обвинял Сталина в нарушении принципа интернационализма при создании Союза, в превращении его в

унитарное государство наподобие Российской империи. В итоге Сталин все же создал унитарное государство, и это унитарное государство должно было рано или поздно развалиться, ибо было построено на неравноправии наций, а порой и на их подавлении. Может быть, М.С.Горбачев – первый, кто почувствовал это и предложил обновление Союза на демократических основаниях, на возврате к ленинской теории добровольного вхождения республик в Союз.

Но силы, которые отстаивали сталинскую схему Союза, воспрепятствовали этому, испугались обновления унитарного государства, гласности и демократизации общества. Проявлением этого стал ГКЧП. Это был исторический шаг назад.

Что же произошло в 1991 году? Не поняв, что произошло в августе этого года, мы не поймем, что произошло позднее в Беловежье.

С моей точки зрения, перед Советским Союзом было три пути. Первый – возврат назад, так сказать, к сталинским, или авторитарным нормам управления страной. Его олицетворял ГКЧП. Второй путь – это попытка впервые в истории создать демократический социализм или «социализм с человеческим лицом». Такова была стратегия перестройки. И третий путь – это модификация советского общества на принципах либерализма. За ней стояли Ельцин и окружающие его радикальные демократы. Фактически все эти пути проявились в ходе трех дней августовских событий. Первый день – путч ГКЧП, попытка возврата назад, связанная с неприятием нового Союзного договора. Второй день – демократическое сопротивление путчистам, которое носило в общем-то демократический, а иногда и подлинно социалистический характер – среди защитников «Белого дома» было много социалистов и коммунистов. В этой связи хочу отметить, что даже межрегионалы, которые начинали обновление нашего общества, говорили об обновлении социализма, не о переходе к капитализму. Вот это демократическое сопротивление путчистам было той социальной опорой, той силой, на спине которой пришел к власти Ельцин со своими некритически понятыми неолиберальными идеями и концепциями, подсказанными ему недоучившимися завлабами и продавцами цветов.

К сожалению, Горбачев в своей книге и во многих других публикациях обходит этот важный момент августа-91. Я же хочу напомнить этому собранию и лично Михаилу Сергеевичу, что когда он находился в Форосе, не только фундаменталисты-гэкачеписты были его противниками. В это же время, проливая крокодиловы слезы по Горбачеву, Борис Ельцин усиленно ковал законы, подчиняющие союзные ведомства России. В итоге за эти три дня почти все структуры Союза были переподчинены России, включая МИД, Министерство обороны, КГБ и т.д. И когда Горбачев приехал, он столкнулся с любопытной вещью: с кем драться – с гэкачепистами или с Ельциным? Огонь по ГКЧП подробно освещался в печати. Огонь по Борису Ельцину остался в тени. А тем не менее второе направление борьбы было не менее драматичным. Вы помните то унижение, которому подвергся Горбачев со стороны Ельцина на сессии Верховного Совета сразу после Фороса, когда было сказано о запрете КПСС. Но ведь были антигорбачевские законодательные акты, фактически ликвидирующие союзную власть и переподчиняющие союзные министерства России. Это нельзя вычеркнуть из истории.

После этого Михаил Сергеевич стал осуществлять тихий возврат власти себе как союзному президенту, отменять эти ельцинские законы. Он поначалу признал, что эти законы были необходимы во время путча, но тем не менее потом стал их потихоньку отменять. Если я правильно информирован, то Бурбулис именно в этой связи срочно писал Ельцину: «Горбачев возвращает себе власть. Нужно что-то предпринять». Вот тогда и зародилась идея Беловежского меморандума, идея развала Союза. Испугались возврата власти к Горбачеву и в итоге решили ликвидировать Союз.

И здесь следует сказать о **второй** причине – социальной. В августе-сентябре встал вопрос: будет ли Союз демократически-социалистическим или пойдет по неолиберальному пути? В этом и был гвоздь вопроса о дальнейшей судьбе Союза. Тактически победил Б.Ельцин. Горбачев с помощью Беловежья второй раз после ГКЧП был отстранен от власти. На этом фактически закончилась попытка, предпринятая когда-то Лениным во время НЭПа, затем Хрущевым, затем Горбачевым, обновить и демократизировать социализм в СССР. Попытка, которая предпринималась и в годы Пражской весны в

Чехословакии, и в 80-е годы в Китае. Она, к сожалению, окончилась крахом. Многие сделали из этого вывод о невозможности демократического социализма в перспективе. Я так не думаю и считаю, что возможности этого пути сохраняются до сих пор.

Приведу в подтверждение этого любопытнейшую деталь, которую, мне кажется, никто из присутствующих не знает, поскольку не читает ельцинских указов. Совсем недавно был издан любопытный ельцинский указ о так называемой идеологии России. И что же в этом указе сказано? Что практика показала ошибочность неолиберального эксперимента. Что неолибералы, принесшие сюда свою неолиберальную идеологию, обанкротились. Правда, Ельцин не сделал нужного вывода – о смене социальной парадигмы. Он сделал вывод, что нужно лишь создать новую общенациональную идею, новую идеологию, хотя, как известно, по указам идеологии не создаются.

Подхожу к последнему вопросу – о перспективах России. Как известно, развал Союза прошел по сердцу каждого человека и в этой связи существует колоссальная социальная ангажированность в вопросе о воссоздании Союза. Думаю, никто с этим спорить не будет: 20 миллионов русских за рубежом оказались нацменьшинством. Возник «русский вопрос». Масса людей хотят воссоздать Союз. Остаются вопросы: На каких основах? Кто будет демиургом этого процесса? Кто выразит наиболее полно эту потребность? К сожалению, многие из существующих политических партий эту потребность не выражают, либо выражают односторонне, отталкиваясь от великодержавных традиций. Даже КПРФ покинула позиции интернационализма и встала на позиции национал-коммунизма. И хотя Г.Зюганов сегодня извиняется за то, что он когда-то агитировал за выход России из Советского Союза, он, придерживаясь, по сути дела, национал-патриотических взглядов, продолжает вести ту же линию национальной ограниченности в вопросе интеграции бывших союзных республик в новый обновленный Союз.

Ясно, что такой Союз нельзя создать без решения основного социального вопроса: свержения того режима, того политического курса, который привел к Беловежью. Без изменения современной

социально-политической структуры российского общества, я уверен, Союза не создашь. А значит, нужна ориентация на перспективу демократического социализма. Никакая другая перспектива России не подходит. Можно ругать социализм, можно отказываться от «измов», но суть будет одна: без изменения социально-исторической парадигмы Россию из кризисного болота не вытащишь. Союза не создашь. И та партия, та социальная сила, которая сумеет возглавить этот процесс, будет тем ростком, тем демиургом, вокруг которого будет объединяться абсолютное большинство народа, которое не может смириться с распадом Союза и так называемыми радикальными реформами.

От России сегодня бегут. Почему? Потому что в экономике она не решила тех задач, которые предлагала решить в начале 90-х годов. Россия сегодня не притягивающий, а отталкивающий магнит. Только изменения в экономической и социально-политической структуре могут сделать Россию снова притягивающим магнитом. А если она сделает еще шаги в сторону развития подлинной демократии и свободы личности, то к ней потянутся другие народы. Если россияне будут жить лучше, чем живет население других союзных республик, к ней буквально побегут интегрироваться.

Конечно, нужно учитывать, что интеграции будут мешать США, делающие упор на то, чтобы не произошло соединения России с Украиной. Так же, как США не желают соединения России с Китаем. Но что же делать? Думаю, что проблема нового союза решится только в том случае, если будет осуществлена социально-демократическая революция в нашей стране. Называйте ее как угодно: реформированием, переворотом, изменением курса, но только она может создать те социальные основы, которые необходимы для объединения в новый союз. Если этого не произойдет, мы будем загнивать еще очень долго. Будут продолжаться децентралистские тенденции, межнациональные конфликты, новые варианты Чечни и т.п. Почему? Потому что на той социально-экономической основе, которая сейчас есть в России, избежать отчуждения наций и народов невозможно.

Тем не менее, не нужно впадать в пессимизм, который здесь разделяли А.Ципко и многие другие. Думаю, что в России сегодня

есть, пускай не подлинно социалистические, но демократические силы, которые могут возглавить этот процесс.

По моим подсчетам, из 43 партий, участвовавших на декабрьских выборах, 26 процентов получили те, которые очень близки к левоцентристским демократическим силам. И если сегодня они, начиная, положим, с «Яблока» и кончая демократическими социалистами и коммунистами в КПРФ, смогут объединиться, нынешний курс правительства будет изменен. Тогда не будет позорных голосований по бюджету или по проблеме Чечни, которые мы сегодня наблюдаем в Думе на примере компартии России. Только изменив современный политический курс России, мы заложим твердую основу для объединения ее в будущий обновленный Союз.

Волобуев П.В.

Герои Беловежья против интеграции

Случилось так, что в последние дни я вынужден был сидеть дома и более внимательно, чем в обычное время, наблюдать за нашими средствами массовой информации. В первой декаде в связи с приближением «юбилея» беловежского сговора мой интерес возрос. Вы думаете, наши средства массовой информации как-то заметно и политически отметили это событие? Ничего подобного. Постарались по возможности обойти, умолчать, как вообще обходят нашу неприглядную реальность. Если, впрочем, не считать выпадов Сванидзе против Александра Лукашенко и вообще той кампании против белорусского президента, которую вели наши средства массовой пропаганды в последние дни. Непонятно только, почему они взялись поносить конституционный проект Лукашенко. Ведь для критики лежит под боком своя собственная Конституция – классический образец для любого антидемократического Основного Закона.

Нет необходимости повторять, что по лживости и продажности большинство наших средств массовой информации, особенно электронных, вероятно, уже превзошли все другие, во всяком случае те, что мы знали в брежневские времена.

Первое и главное – в эти дни не было дано анализа причин распада Советского Союза. Кто виновник? Больше того, когда

Государственная Дума в середине марта 1996 г. коснулась этого вопроса, сразу на страницах нашей печати поднялся осуждающий шум и гвалт. А ведь Дума затронула только часть проблемы, не назвала даже все преступления и нарушения тех договоров, какие были совершены в Беловежской пуще (*См. Приложение. –Ред.*).

Наша печать уходит от реального факта... Нет исторической России в лице Советского Союза. За свою тысячелетнюю историю Россия была всякой – Киевской Русью, допетровской, петровской, послепетровской, а в брежневское время, как шутили в аппарате, даже «днепропетровской Русью». Нынешняя, Беловежская Русь – какой-то северо-западный или северный обрубок, которому предстоит весьма тяжелое будущее по мере исчерпания запасов энергоносителей. К тому же изменилось геополитическое и геостратегическое положение России. Нет гарантий, что процесс распада России приостановился. Он грозит Беловежской Руси, ибо до Российской Федерации ей еще надо дотянуться.

Конечно, общественная мысль и у нас, и за рубежом будет еще десятки лет размышлять над проблемой причин развала СССР (лично я не сторонник точки зрения неизбежности его развала, хотя кризис всех советских и особенно партийных структур в начале 80-х годов подвел к такому финалу). Поразительны территориальные и людские потери, понесенные Беловежской Русью. Россия в нынешнем виде отброшена к допетровским временам на Балтике, на Юге и Западе. 25 млн. этнических русских оказались за пределами России. Какова их судьба в ближайшем и обозримом будущем? СНГ, созданное его творцами, – эфемерное объединение. Перспективы интеграции государств в его рамках почти нулевые, ибо главные разрушители Советского Союза не хотят ее и способны лишь болтать о необходимости интеграции. Подъем же новой России напрямую связан с реальными достижениями интеграции. Спрашивается: заинтересованы ли правящие круги Беловежской Руси в новой интеграции?

Второе. Наши средства массовой информации упорно замалчивают коренной вопрос – мы пять лет идем назад, причем идем с нарастающим темпом. Сейчас на заседаниях Государственной Думы в связи с принятием бюджета на 1997 г. нас пытаются убедить, будто с

будущего года начнется экономический подъем, улучшится жизнь народа и т.п. Да нет никаких предпосылок для этого. Никакой подъем нас не ожидает. Его подменит большая ложь.

Должен сказать, что «Московские новости», опубликовав как-то статью Олега Попцова, правильно подметили, что в поисках богатой лжи мы по всем направлениям идем назад. Возьмите промышленность, сельское хозяйство, науку, нравственность, культуру – нет такого направления, где бы мы сейчас не шли назад, и больше того, не были бы отброшены назад. Такая перспектива грозит нам до тех пор, пока, выражаясь словами объективного Сороса, у нас не будет благоустраиваться нынешний грабительский капитализм. А именно правительство, правящие круги, разные кланы больше всего заботятся о том, чтобы все-таки грабительский капитализм у нас утвердился. Пока это будет продолжаться, ничего кроме развала и обнищания народа нас не ожидает. Верно кем-то сказано: «Не денег у нас мало, а воров много».

Теперь несколько слов о положении в других наших республиках. Ведь развал хозяйства, падение жизненного уровня происходит не только в России. В других странах СНГ они даже сильнее, чем в России. Так случилось, что я связан с давних времен с ближним зарубежьем. В Казахстане родился, получаю оттуда письма, приезжают родственники. Вся промышленность там лежит разваленная. Причем та самая промышленность, которая обслуживала раньше металлургию Урала и Кузбасса. В последнее время продали за бесценок часть запасов ценнейших цветных металлов иностранным фирмам Японии, США и другим. Зарубежные фирмы перепродают нам цветные металлы, окатыши и т.п., но уже по другой цене. Значит, идет обычное базарное надувательство. Это называется еще и международным рынком и вхождением в мировое экономическое сообщество. Немало горестного происходит и на Украине. Мы с женой приехали туда два года назад и были поражены развалом, бедностью, нищетой некогда процветавшей братской республики.

Такое же положение и в других республиках. И рассчитывать на то, что кто-то их вытянет и что дела пойдут лучше, не приходится.

В этой связи в порядке полемики хотел бы сказать о великодержавном сепаратизме. Ведь среди народа слышишь, когда

приближается праздник независимости России, разговоры: что за дурацкий праздник? что за праздник мы празднуем? От кого же Россия все-таки стала независима? От себя самой? И почему именно эти дни, а не, например, Куликовская битва (1380 г.) или «великое стояние» на Угре (1480 г.)? И действительно, правительство даже не хочет замечать, что оно ставит себя сплошь и рядом в смешное положение. Порой кажется, его не интересует, что оно так далеко от народа и чем дальше, тем больше от него отрывается.

Так вот, о великорусском сепаратизме. Я все-таки не согласился бы с Александром Сергеевичем Ципко, который считает его главным виновником развала Советского Союза.

Должен сказать, что русские были и остались теми же русскими, хотя в последние годы – тут отчасти прав Ципко – ворчали, почему же Россия живет хуже, чем другие республики. Но тем не менее, националистического великодержавно-русского движения в России не было. И сильного национального движения не было в стране вообще, может быть, за исключением Прибалтики. Я до сих пор считаю, что национальное движение не было одной из причин распада Советского Союза. Это преувеличение. Но в последнее время стали говорить, что у нас в России и СНГ, оказывается, есть русские и русскоязычные. «Ты, – спрашивают, – к кому относишься?» «Я, – говорю, – русскоязычный». «Но не русский?» «Нет, – говорю, – и русским меня можно назвать».

Вы понимаете, какой смысл в это вкладывается? Так вот я понимаю это разделение так, что часть нашей интеллигенции, та, которую можно назвать русскоязычной, действительно внесла от имени всех русских громадный вклад в развал Советского Союза, в идейную подготовку развала Советского Союза, отказавшись поддержать реформы М.С.Горбачева.

Судя по всему, дело идет к тому, что в СНГ, да и в нашей Беловежской Руси, скоро заговорят об особом «русском вопросе» как части национального вопроса, благо национальной политики у наших правящих кругов как не было, так и нет.

Не могу не высказать критического замечания в адрес Михаила Сергеевича. Я тоже считаю, что Вы, конечно, совершили ошибку, не пройдя баллотировку на всенародных выборах в президенты Союза.

Тут, кроме названного плюса (всенародное избрание), еще был один плюс, свойственный нашей стране, а именно: Вам достаточно было сказать соответствующим людям, соответствующим органам в Беловежье, в Белоруссии, и происходившее было бы квалифицировано как заговор против государства. И никто бы не попытался пойти против этого распоряжения, против президента Союза.

ГОРБАЧЕВ М.С. Армия подчинялась Ельцину.

ВОЛОБУЕВ П.В. Все равно. Подчинялась, но генералы наши тогда еще понимали и знали, кто всесоюзный, а кто российский президент. Да и о роли КПСС не успели позабыть.

И в заключение: что же делать? Я согласен с теми, кто говорил, что без ликвидации «четвертооктябрьского политического режима» выхода нет. Положение будет только ухудшаться. Будут нарастать разные стихийные социальные тенденции и напряженность. Как, где и кем они будут использованы и в чьих интересах? Вот вопрос, который должен нас всех волновать.

Шостаковский В.Н.

Не надо форсировать

Рад, что пришло время и мы заговорили сегодня, наконец, о некоторых объективных причинах и исторических корнях того, что произошло с Советским Союзом.

Давайте вспомним, как вообще формировалось Российское государство. Не собираюсь читать лекцию, просто напомним формулу Ключевского. Это был в основе процесс колонизации, которая воспроизводила особый тип хозяйственной деятельности. Говоря современным языком, ее экстенсивный тип.

Оставило это какие-то следы в союзных республиках? Думаю, несомненно. Еще и потому, что большевики действовали куда более жестко, чем царизм. Здесь говорилось о месячниках культуры, развитии культурных связей и прочем. Но было ведь и другое. Давайте это не будем забывать. Была теория «старшего брата», которая отражалась на настроениях в союзных республиках.

Одна из ошибок перестройки состояла в том, что мы пропустили момент формирования так называемых народных фронтов, 1989 год. Думаю, что здесь один из источников путча 1991

года. Не пропустили его фундаменталисты в КПСС, повели жесткую борьбу. Я не знал ни одного народного фронта, даже в Прибалтике, который выступал бы против Союза или даже против социализма. Но когда с ними повели жесткую борьбу (а кое-кого просто преследовали), их агрессивность нарастала, появились другие лозунги. Этот момент был упущен демократической частью нашей бывшей партии.

Что касается мартовского референдума. С моей точки зрения, он тоже был крупнейшим проколом, так как «лукавство» вопроса не позволило потом рационально, продуктивно использовать его итоги.

Теперь об интеграции. Мне кажется, есть три обстоятельства, которые надо учитывать. Одно объективное: нужно помнить о том, что за время советской власти более двухсот раз менялись, уточнялись внутренние границы в России, границы между регионами, союзными республиками. И трогать эту проблему, в том числе так, как это делает Дума и тот же Константин Федорович Затулин по Крыму или Лужков по Севастополю, – немислимое дело.

Я жил в Крыму, когда он стал украинским. Одна из причин этого решения Хрущева, наверное, неправильная, состояла в том, что когда вывезли татар, все хозяйство крымское, аграрное хозяйство, пришло в упадок. Повезли людей из России, из Рязани, даже из Пскова. Что они могли делать там? Картошку сажали. Вот Хрущев и решил, что нужно заселить этот полуостров выходцами с юга, с Украины, и, следовательно, переподчинить его. Никто, конечно, не думал тогда о последствиях этого решения. Но эту проблему нельзя трогать.

Беда еще в том, что многие наши политики исторически безграмотны. Жириновский говорит о том, что крепость Верный, т.е. нынешняя Алма-Ата, – исконно русский город. Но это незнание истории. «Старший джус» никогда добровольно не присоединился к России, это сделал только «Младший»... Такие примеры можно множить. Историческая неграмотность приводит, к сожалению, к провокациям.

Нужно убеждать всех – и средства массовой информации, и политиков – в том, что нельзя трогать территориальные вопросы. Это во-первых.

Во-вторых, процесс интеграции пойдет, если мы не будем пытаться его форсировать, а это кое-кто делает, форсировать необдуманно, не имея четких представлений о возможных последствиях. Ничем хорошим это не закончится.

И третье. Я не согласен со словами Затулина касательно экономического детерминизма. Глубоко убежден, что если структурной перестройки в экономике не будет, – а ее, этой структурной перестройки, нет, – бесполезно опираться только на восстановление хозяйственных связей, как кое-кто пытается. В том числе и правительство Черномырдина декларирует – мол, восстановим хозяйственные связи и это станет основой интеграции. Не станет это основой. И не восстановим... Слишком запутано многое. Поэтому и нельзя форсировать, нужно проявлять большое терпение, мудрость. Нужно помнить о нашей истории и пытаться вносить это в массовое сознание, убеждать наших политиков (если это, конечно, возможно, – многих не убедишь). Делать это необходимо и, думается, тем самым мы поможем интеграции.

Смоляков Л.Я.

Результат провала перестройки

Искренне благодарю организаторов «круглого стола» за предоставленную мне возможность выступить в кругу столь авторитетного научного сообщества. Регламент позволит мне остановиться лишь на одном вопросе, которым давно терзаюсь. Буду обращаться прежде всего к руководителю нашей дискуссии – М.С.Горбачеву, причем с весьма неприятными вещами, с трудом преодолевая при этом чувство неловкости – все-таки я всего лишь гость в Фонде Горбачева.

Ваш приход, Михаил Сергеевич, к руководству партией, а значит, государством (ибо это был единый организм) сопровождался трудно описуемой общественной эйфорией. Все ожидали освобождения от политического маразма. Слова «демократия», «свобода», «перестройка» ласкали душу и вызывали доверие.

Помню восторг моего ныне покойного 80-летнего отца – партийца с 45-летним стажем – который говорил мне, сам не веря в случившееся: «Дождались-таки, все теперь изменится к лучшему, я

верю Ему». Да, мы слепо поверили Вам, потому что хотелось верить, что народ и партия могут быть едины. Эта вера была на уровне религиозной... Абсолютная вера в то, что институт престолонаследия в России, перешедший от царей к генсекам, не кончился, и от умного, прогрессивного, волевого человека будет зависеть прогресс и продолжение нашей истории.

Все, что мы имеем сегодня, – это результат провала перестройки. Терзающий меня вопрос: как могло произойти, что человек, обладавший необъятной властью, не смог использовать ее во благо страны?

Я глубоко уверен, что безграничная роль генсека – а Вы говорили, что не использовали ее в условиях перестройки, – должна была сохраняться на высоком тоне политической воли, что, конечно, трудно осуществимо, когда к власти приходит человек с либерально-демократическими интеллектуальными возможностями и порывами.

Рассуждения о диалектике объективных и субъективных факторов в истории хороши в общем виде. На деле роль субъективного фактора в политической сфере всегда была решающей, особенно в истории России. Мы же по сути и по сознанию – царистская страна. Отсюда память и тоска по сильному и мудрому царю. Генсеки были престолонаследниками всех предыдущих монархов, только с еще большими полномочиями. Они могли почти все – это зависело от их личных качеств.

Забыв о том или не понимая, что в нашем обществе партия и государство тождественны, Вы, по существу, «перестраивали» по своему разумению всю систему государства, не учтя при этом, что вынимая гнилые кирпичи из здания, надо подумать о подпорках, чтобы здание не рухнуло.

Что касается политической воли, был момент – и для меня это личная трагедия, – когда надо было принять нестереотипное решение, взять всю ответственность на себя, понимая великую роль руководителя великой страны.

Апрель 1986 года, Чернобыльская катастрофа. Ваша политическая воля не выдержала испытания Чернобылем. Эта трагедия объективно давала Вам исторический шанс стать спасителем, а значит – «отцом нации». Введение военного положения в ту же ночь

во всем регионе, эвакуация населения, обращение к народу по телевидению в 6 утра того же дня, кстати, с просьбой к окружающим районам принять пострадавших на проживание. Эта просьба должна была звучать из уст генсека, а не от райкомовских аппаратчиков, которые бегали по хатам соседнего района и с трудом убеждали жителей взять па проживание пострадавших. Люди ничего не понимали. Зачем помогать, если генсек молчит – значит, все в порядке. Вот где понадобилось бы Ваше красноречие.

Отговорки типа: «от меня скрывали истинное положение дел» – это несерьезная позиция перед лицом истории и трагическими последствиями катастрофы. Что же за помощники и ученые, дезориентировавшие руководителей страны, были вокруг Вас? Значит, надо было создать такую атмосферу в своем окружении, чтобы говорить истину вождю было нормой, а не подвигом.

Вы не смогли преодолеть стереотип партийного функционера. Вы не догадались отменить первомайскую демонстрацию в 1986 г. в г.Киеве и близлежащих регионах, и люди кричали здравицу КПСС, будучи опаленными пламенем радиационного потока. Есть люди, которым легче умереть, чем подумать, – ведь вышел же демонстративно Щербицкий с маленьким внуком на трибуну и на Крещатик 1 Мая, являя народу образец спокойствия и хладнокровия под смертоносным дождем. Да, говорят, что Вы его трясли как грушу... Но надо было принять решение, которое бы показало, что у власти стоит жесткий, сильный политик, которого мы мечтали видеть. Вам хотелось, видимо, демократично решать вопрос. Но время для демократических методов не созрело.

Вы часто любите говорить о наличии объективных условий, которые привели к распаду СССР. Вы вините Ельцина, Беловежье и все остальное. Но именно провал Вашей политики привел страну к катастрофе. Вся история пяти лет перестройки привела к тому, что был обеспечен разрыв внешнего фактора, который цементировал страну – я имею в виду Варшавский договор, который разрушили до России. Я уж не говорю об отношении к армии. Существует хотя и условная, но достаточно убедительная схема, по которой государство держится на трех китах. Государство цементирует свободный рынок, его цементирует силовая структура, его цементируют общие ценности.

В ходе перестройки силовая структура была подорвана, общие ценности стали разрушаться, а рынка не было. И потому это государство очень быстро распалось, что, действительно, наша общая боль.

Теперь открою вам секрет, хотя это секрет Полишинеля, что я был свидетелем происходившего в Вискулях в Беловежской пуще 8 декабря 1991 г. Мое лицо – полпреда России в Украине – мелькало там сзади политиков. Я был свидетелем, не участником. Но хочу сказать вам, что когда спускался этот документ, там были мощные, сильные, не вызывающие сомнения фразы, которые сегодня уже приводили. Не потому ли потом, 12 числа, его приняли, ратифицировали на Верховном Совете? Действительно, речь шла о едином военно-стратегическом пространстве, обо всем едином. Это был как бы прилив новой крови Союзу, который распался по причинам, уже упоминавшимся здесь.

А вот 21 декабря был сделан шаг назад, произошел отход от этих позиций. Об этом я говорил на конференции в Минске, понимая всю сложность моего положения. 21 декабря была подписана Алма-Атинская декларация, где императивные положения соглашения – а понятие «соглашение» юридически сильнее просто декларации – были ослаблены отходом от необходимости принятия единых решений и создания единого пространства, о котором, казалось бы, договаривались в Беловежье (*См. Приложение. – Ред.*).

Что касается Содружества Независимых Государств и критического отношения В.Межуева к его аббревиатуре, то, конечно же, оно не выдерживает критики. Соглашение, может, и есть, а вот дружественности маловато, да и независимое государство – тавтология.

Как исследовать этот объект, созрел ли он для исследования? Наверное, пять лет вполне достаточно.

Сегодня говорили о невозможности интеграции в силу тех или иных причин. Но ведь интеграция должна рассматриваться как целевая установка. Это должное, а не сущее. А существующее положение – это кооперация, которую тоже надо еще совершенствовать.

Затулин лукавил, когда сказал, что на конференции в Минске присутствовали представители всех республик СНГ. Могу сказать, что назвать эту конференцию международной можно с большой натяжкой. Это была двусторонняя встреча представителей России и Белоруссии с приглашением гостей от различных республик. Этими гостями были представители русских общин.

Таким образом, поставим вопрос: кто заинтересован в СНГ? Кто тянется к совершенствованию нынешнего состояния в отношениях с республиками? Белоруссия, Россия, русские общины всех республик и анклавы типа Приднестровья, Севастополя и, возможно, Абхазии. При всей условности схемы, таково реальное положение вещей. Иные страны, действительно, находятся в состоянии поиска своего места в борьбе двух цивилизаций – североатлантической и тихоокеанской, где Россия идет на разрыв. Кто куда уйдет? Где у нас ресурсный потенциал интеграции?

Здесь критиковали Затулина за неосторожную фразу о «принуждении» Украины. Кто-то даже сказал об «изнасиловании». Думаю, – пусть простят меня украинские представители, – корректно было бы сказать: надо просто «заплатить за сожительство». За всякую политику надо платить. А у нас ресурсов нет. У нас нет даже ресурсов для обеспечения внешней политики в СНГ.

Нужно обсуждать проблему технологий превращения того, что есть, в новое качество, в содружество. Механизм поиска этих путей – актуальная задача.

Ревенко Г.И. реплика

У меня реплика. Вы обратили внимание, что за последнюю неделю Украина сделала два демарша в адрес России? А знаете, почему? Потому что 1 миллиард сейчас крутится в Америке. Значит, заплатив, вынуть Украину из России можно? А вернуть нельзя? И над этим надо думать.

Еще одно. Все забывают Грановитую палату, когда первый раз собрались прикинуть, каким будет Союзный договор. И должен вам сказать, это было повторением 1918 года. Как выступал тогда Церетели от Грузии, так и выступали представители Грузии. Как выступал Мануильский от Украины, так и выступали украинские

представители в Грановитой палате. Это было повторение. Торг, и очень большой торг. Не учитывались только Прибалтика и Молдавия...

Многие забыли, как создавался Союз в 1918 году. Только через четыре года достигли согласия о союзе на принципах самоопределения. Это был самый губительный принцип создания Союза.

Сегодня речь об интеграции идти не может, потому что Россия дала пару примеров, которые напугали всех. Я напомним эти примеры. Чечня – раз. «Мы вас придушим газом» – два. «Мы вас придушим лесом» – три. И все встало на свои места. Куда двигаться? Туда, где дают. И туда повернулись все. Мы же это забываем.

Я должен подтвердить, что среди народа на бытовом уровне тяготение к Союзу невероятное. И сегодня референдум дал бы результат выше тех 76 процентов, которые получили в марте 1991 года. Потому что все пострадали. Но есть сформировавшиеся национально-территориальные элиты, которые власть уже не отдадут.

И еще одно. Великая ошибка состоит в утверждении, что Назарбаев тянется к России. Это политическая игра. Такая игра присутствует у Назарбаева. Она молча ведется Каримовым, то же – в Киргизии. И как только появился Лукашенко с интеграцией... Думаете, просто так, по наивности против Лукашенко выступают? Нет. Это политика Беловежья – придушить тех, кто стремится к интеграции.

Шахрай сказал в свое время: мы ехали в Беловежье с одним, а вернулись совершенно с другим. Вот Смоляков сидит, он знает эту ситуацию. Он не говорит и еще многие не говорят, но заговорят. Придет время – заговорят, потому что надо отвечать перед историей. Но еще заговорят, ибо это – история!

Это еще и поражение. Распад Союза – это и поражение перестройки. Мы сегодня стыдливо молчим об этом. А почему? Отвечу. В 1989 году был проведен пленум ЦК по национальному вопросу. Тогда была выработана установка, что каждая республиканская парторганизация может иметь свой устав и свою программу. Это было в русле демократизации, гласности, того, что проводил Горбачев. Но были ли мы готовы к этому? Не были...

Я помню, как на Украине умоляли: принимайте устав, но не трогайте программу. Потому что это был стержень, на котором

держалось государство. К сожалению, так уж сложилось, что партия и государство были одним целым. Так распорядилась история, создав такую формацию. И вот – появились самостоятельные компартии. И коммунисты, особенно с националистическим уклоном, первыми озвучили тему – быть Союзу или не быть?

Гринберг Р.С.

Дезинтеграция продолжается

Хочу высказаться о состоянии и перспективах хозяйственной структуризации постсоветского пространства. То есть о некоторых более или менее вероятных сценариях межстранового экономического взаимодействия на территории бывшего Советского Союза. Но прежде позволю себе одну короткую реплику по вопросу, которым профессионально не занимаюсь, но ощущаю потребность кое-что сказать в связи с сегодняшней дискуссией.

Оценивая соотношение объективных и субъективных факторов распада СССР, у нас, мне кажется, забывают о том, что в результате новоогаревского процесса был согласован – именно согласован, а не навязан – договор, дававший республикам несостоявшегося Союза Суверенных государств практически полную автономию. За новым центром оставались в сущности лишь две вещи – армия и деньги, которые, собственно, и являются основными конституирующими признаками государства независимо от того, назовем мы его федерацией или конфедерацией. Так что совершенно непонятно, почему сторонники Беловежских соглашений говорят о том, что только с их подписанием удалось избежать развития событий по югославскому варианту. Думаю, это чисто искусственная аналогия, имеющая мало общего с позднесоветской реальностью: здесь не было ничего такого, что хоть как-то указывало на возможность вооруженной конфронтации какой-либо из республик с союзным центром.

Теперь об экономике. По-видимому, действительно существует чрезмерный экономический детерминизм в суждениях экономистов и политологов по поводу возможных вариантов развития экономического взаимодействия в рамках СНГ. Так, в последнее время отчетливо выявились два факта, которые, на первый взгляд, свидетельствуют о том, что дезинтеграционный процесс

приостановлен. Первый факт сводится к тому, что после почти четырех лет падения начинает увеличиваться взаимный товарооборот. Отсюда очень соблазнителен вывод, что дезинтеграция достигла дна, после чего началась интеграция как объективный процесс экономического переплетения новых независимых государств.

Второй факт, который также обычно приводят в качестве ободряющего «интеграционного» признака, – становление в СНГ структур, напоминающих транснациональные корпорации. Речь здесь главным образом идет о том, что Россия, будучи хроническим кредитором некоторых ключевых республик Содружества, пытается активизировать свое участие в приватизационном процессе. И считается, что если такого рода активность будет продолжена, экономическая необходимость заставит добиваться политического оформления стихийно возникающей интеграционной группировки.

На самом же деле все эти признаки, как бы «проинтеграционны» они ни выглядели, не являются определяющими и не отменяют того печального факта, что процессы дезинтеграции в СНГ продолжаются с неослабевающей силой. Переориентация экономических связей практически каждой республики бывшего Советского Союза на страны «дальнего зарубежья» происходит намного быстрее, чем некоторое оживление взаимных экономических связей. Кроме того, третьи страны все активнее участвуют в приобретении собственности в республиках СНГ. И, по имеющимся данным, российский капитал – пока отстающая сторона в борьбе за присутствие здесь.

Вообще для оценки текущего состояния и перспектив постсоветского экономического пространства мне кажется продуктивным использовать методологию, принятую в, так сказать, образцовой интеграционной группировке, какой считается Европейский Союз. Другими словами, есть смысл посмотреть на характер и перспективы экономического взаимодействия стран – членов СНГ, используя понятия «негативной» и «позитивной» интеграции.

Термин «негативная интеграция» означает, как известно, процесс устранения дискриминации в отношениях между хозяйствующими субъектами стран–членов соответствующей интеграционной группировки. Речь, попросту говоря, идет о взаимном

устранении барьеров на пути движения товаров, услуг и производственных факторов. Под «позитивной интеграцией» понимается разработка и проведение согласованной экономической политики, направленной на достижение основных экономических целей и благосостояния стран-участниц. И как показывает опыт развития Европейского Союза, стабильные интеграционные эффекты наступают тогда, когда оба вида интеграции гармонично дополняют друг друга. Только рыночные силы, как бы они ни были мощны сами по себе, не в состоянии обеспечить эффективное функционирование интеграционной группировки без активной координации государственной экономической политики, выработки и постоянного совершенствования его институционального и правового механизмов.

Если с этих позиций оценивать текущее экономическое состояние постсоветского пространства, то обнаружится весьма своеобразная картина.

С «позитивной интеграцией» в СНГ как будто бы все обстоит наилучшим образом. Принято считать, что к середине 1993 г. страны Содружества, осознав тяготы и бесперспективность стремительного разрыва прежних связей, взяли твердый курс на реальное экономическое сближение. Уже в конце указанного года был подписан Договор о создании Экономического Союза, объединивший все государства СНГ: одиннадцать стран вошли в него в качестве полноправных членов, а Украина – как ассоциированный член.

В 1994-1995 гг. подписаны, как известно, новые соглашения, конкретизирующие положения договора применительно к отдельным сферам экономики (о создании зоны свободной торговли, соглашение о Платежном союзе, соглашение о создании Межгосударственного экономического комитета – МЭК, Межгосударственного валютного комитета и т.п.) Все, как видно, было сделано по образу и подобию ЕС. Но вскоре выяснилось, что подавляющее большинство подписанных соглашений в русле Договора об Экономическом Союзе в принципе не имеет шансов на реализацию при нынешнем состоянии (в равной мере политическом и экономическом) подписавших его стран. И дело здесь не только в обычном в таких случаях «забегании вперед» – и в преуспевающих интеграционных группировках от подписания совместных документов до их практической реализации

может лежать весьма долгий путь, – и даже не только в неравномерности системных преобразований и социально-экономической динамики по странам.

Приходится констатировать, что многосторонняя координация хозяйственных политик в рамках СНГ находится у нулевой отметки главным образом потому, что большинство его членов, вопреки периодическим ритуальным заклинаниям о пользе интеграции, на деле взяли курс на автономное (прежде всего от России) развитие. Вообще, создается устойчивое впечатление, что их лидеры понимают под интеграцией взаимовыгодный экономический обмен между своими странами, но без реально действующих наднациональных органов. А отсюда следует, что блокирован путь для создания эффективных механизмов многостороннего экономического сотрудничества, без чего интеграционные усилия в принципе обречены на провал.

Таким образом, «позитивная интеграция» в СНГ носит в значительной мере формальный характер и почти не оказывает влияния на реальную практику хозяйственного взаимодействия между его членами. Если, конечно, не учитывать двусторонние договоренности, важные и полезные сами по себе, но не имеющие отношения к реальной интеграции.

В то же время на пространстве СНГ заметно ощущается нечто такое, что можно было бы с известными оговорками уподобить «негативной интеграции». В условиях прозрачности или полупрозрачности новых государственных границ декларативность «позитивной интеграции» определенным образом компенсируется реальной стихийной координацией экономической активности физических и юридических лиц каждой страны постсоветского субконтинента. Причем межстрановые хозяйственные обмены на микроуровне обслуживаются, опять-таки совершенно спонтанно, почти всеми имеющимися в мире формами расчетов.

Очевидно, можно (пока!) говорить об СНГ как о некой квазиинтеграционной группировке в том смысле, что здесь сохраняются элементы многосторонности. Речь, в частности, идет о том, что часть расчетов осуществляется в национальных валютах, несанкционированная взаимная обратимость которых кажется

состоявшейся, раз коммерческие банки не опасаются осуществлять их более или менее регулярные котировки. На фоне индифферентного отношения Центральных банков СНГ хоть к сколь-либо согласованному упорядочению взаимных расчетно-платежных отношений в СНГ фактически действует своего рода неформальный платежный союз. А это означает, что функционирует «серый» валютный рынок, где частные фирмы – финансовые компании и коммерческие банки – обеспечивают не только взаимную конвертируемость валют стран–членов Содружества, но и возможность их обращения как в безналичную, так и в наличную СКВ. С одной стороны, такой элемент классической «негативной интеграции» дает возможность хоть как-то взаимодействовать реальным секторам экономик новоиспеченных государств. Но с другой – создает реальную угрозу их подрыва, ибо здесь начинает действовать известный феномен преждевременной валютной либерализации, основным следствием которой является «усиление сильных и ослабление слабых». В СНГ это уже, судя по всему, обычная практика.

Вообще явный парадокс текущей ситуации на постсоветском пространстве состоит в том, что именно теперь, когда в новых государствах исчезли иллюзии по поводу их самообеспеченности и комфортного самостоятельного выхода на мировые рынки, зачастую возникает как бы объективная необходимость в их хозяйственном обособлении, с тем чтобы власти смогли сохранить хотя бы самый минимальный контроль над и без того исключительно сложной и неопределенной социально-экономической ситуацией. Не исключено, следовательно, что в обозримой перспективе одновременно с призывами к восстановлению ранее единого экономического пространства и продолжением интеграционной риторики границы между республиками будут становиться все более закрытыми.

И здесь не следует обольщаться по поводу мощности центристических сил, исходящих от стихийного взаимодействия и координации непосредственно хозяйствующих субъектов на постсоветском субконтиненте. Разумеется, рыночные преобразования, происходящие с разной степенью интенсивности в странах СНГ, открывают возможности для уже упоминавшейся

транснационализации производства и капитала «снизу». Однако надо иметь в виду, что пока самостоятельность национального (космополитически ориентированного) бизнеса весьма ограничена. Своеобразие нынешнего этапа становления рыночной экономики в постсоветских республиках состоит среди прочего и в том, что национальные политические элиты являются в подавляющем числе стран Содружества доминирующей стороной в отношениях с капиталом. Соответственно, однозначная ориентация элит на двусторонние связи в противовес многостороннему взаимодействию чаще всего определяет и линию поведения промышленных и коммерческих структур.

Таким образом, можно утверждать, что если «позитивная» интеграция в СНГ пока главным образом номинальна, то «негативная» – либо временна, либо достаточно слаба, чтобы компенсировать отсутствие первой. К тому же между той и другой не просматривается какой-либо действенной координации, не говоря уже о гармонизации. Более того, взаимодействие «позитивных» и «негативных» элементов интеграции, если и есть, то пока внушает скорее тревогу, чем оптимизм. Скажем, такое благое и действительно реальное дело, как Таможенный Союз России, Белоруссии, Казахстана и Киргизии, представляет собой достаточно хрупкую конструкцию хотя бы потому, что граница между Белоруссией и Украиной остается практически открытой, а это чревато значительными потерями для всех его членов.

В то же время явно ошибочна и нереалистична бытующая в российских либеральных кругах идея о максимально возможном дистанцировании России от стран ближнего зарубежья, с тем чтобы, во-первых, избавиться от материальных затрат по их поддержке и, во-вторых, приобрести выгоды от автономности интеграции в мировое хозяйство. Помимо того что приверженцы такого подхода демонстрируют явно завышенные ожидания от того и другого, во многом вынужденная тяга к преференциальности взаимных отношений новых государств постсоветского пространства и в ближайшей перспективе будет находить заметное материальное воплощение.

Правда, почти всеобщее согласие на взаимную преференциальность в торгово-экономических связях между

республиками СНГ отнюдь не указывает на то, что здесь начнется процесс поэтапной интеграции по образцу Европейского Союза. Подписание многочисленных «интеграционных» документов не должно вводить в заблуждение: реально будут «работать» договоренности только на двусторонней основе. Даже единственная функционирующая сегодня многосторонняя конструкция – Таможенный Союз будет подвергаться в ближайшие годы различного рода испытаниям на разрыв из-за несовпадения интересов его отдельных участников. А требования экономической целесообразности будут, по-видимому, и впредь так же часто уступать напору со стороны сил национального партикуляризма. При этом развитию многосторонности в СНГ никак, на мой взгляд, не способствует такое объективное обстоятельство, как особое место России, на которую приходится 70% совокупного экономического потенциала Содружества. Только с учетом одного этого факта трудно представить себе здесь интеграцию как сращивание равноправных и обычно более или менее равновеликих государств с постепенным сужением национальных суверенитетов, как это происходит в сегодняшнем Европейском Союзе, где сформировался механизм принятия интеграционных решений обязывающего характера.

Учитывая изложенное, полагаю, что в обозримой перспективе двусторонний характер взаимного экономического обмена, несомненно, будет доминировать. При этом постоянно будут возникать разнообразные начинания многостороннего свойства, но так же часто будет обнаруживаться, что для их реализации «не могут быть найдены адекватные механизмы». СНГ как страновая группировка будет, по-видимому, становиться все менее однородной в том смысле, что одни страны станут все дальше отходить от России, даже если экономические контакты с ней интенсифицируются в краткосрочной перспективе, а другие будут тяготеть к ней, сохраняя при этом различные институциональные формы привязки к российскому экономическому и особенно политическому пространству. В первом случае речь идет о центральноазиатских государствах (исключение – по разным причинам – Киргизия и Таджикистан), а также об Азербайджане. Во втором – о Белоруссии и Казахстане.

Маловероятно, но все-таки при определенных обстоятельствах возможно полное включение Белоруссии в РФ (конфедерация равных между двумя такими партнерами просто невероятна), в то время как Казахстан оставит себе достаточно широкое пространство для маневрирования. Для его политической элиты максимальная близость к России будет, очевидно, обладать в обозримой перспективе не большей ценностью, чем сохранение национального суверенитета, независимости внутренней и внешней политики.

Особый случай – Украина, где имеет место наиболее острое противостояние между требованиями чисто хозяйственного рационализма (экономическое сближение с Россией объективно желательно) и уже достаточно мощной инерцией национально-политического обособления. И исход этого противостояния не вполне ясен. Можно только предполагать, что Украина займет здесь некое промежуточное положение: где-то между позициями Азербайджана и Казахстана. Как бы то ни было, интеграционный (многосторонний) вектор самоорганизации постсоветского субконтинента, по всей вероятности, не будет доминировать в ближайшее время. СНГ формально сохранится, но в обозримой перспективе еще не будет исчерпана фаза двусторонних отношений с дифференцированными и постоянно меняющимися (в разные стороны) объемами донорства со стороны России.

Чешко С.В.

Продукт «полураспада» СССР

СССР распался не в силу заговора и не потому, что был обречен некой абстрактной «исторической закономерностью», не потому, что исчерпал ресурсы развития, а в силу определенного стечения политических факторов.

В силу длительного существования в условиях тоталитаризма советское общество не имело навыков выработки собственных интересов и политической самоорганизации. Оно оказалось безынициативным, бессильным перед вершущими политическими новациями на фоне борьбы между узкими политическими группировками.

Сам правящий режим также не был готов – в силу своего длительного господства – к открытой политической конкуренции, к выработке четкой и реалистической программы реформ и искусной тактики их осуществления.

Следствием тоталитаристских традиций было то, что в интеллектуальных слоях общества, в среде интеллигенции, которая составила главную движущую силу перестроечных процессов, доминировала психология радикализма, революционности. Идеи либерального демократизма занимали в обществе маргинальное положение, понимались больше как абстрактные символы, нежели конкретные политические принципы и способы деятельности.

Мощной миной замедленного действия был этнонационализм, встроенный в государственное устройство страны, политическую систему, психологию людей. Этнонационализм привел к сложению этнических элит, частью входящих в правящую олигархию («национальная номенклатура»).

К объективным факторам следует отнести и экономические трудности общества, негативно отражавшиеся на массовом сознании.

В силу указанных и многих других обстоятельств в ходе «перестройки» на первый план вышли следующие факторы:

- Невразумительная эволюционная модель либерализации, которую пытались осуществить реформаторы, оказалась недостаточно эффективной, не нашла массовой поддержки, сопровождалась грубыми ошибками. Среди них было две главных: явная недооценка «национального вопроса» и введение чрезмерной – с точки зрения этой модели – «гласности».

- Быстрое формирование радикальной оппозиции, выдвинувшей антикоммунистические и националистические идеи, поставившей цель слома политической системы ради завоевания власти.

- Создание этническими элитами национальных движений и выдвижение сепаратистских лозунгов.

- Как реакция на эти процессы – формирование консервативной оппозиции. В результате основным политическим противостоянием оказалось противостояние между радикалами и консерваторами. Действительно демократическое движение так и не сформировалось.

– Центр не смог противостоять этим процессам ни в концептуальном, ни в пропагандистском, ни в тактическом планах.

– Основной разрушительной силой стал этнонационализм, который в полной мере смог реализоваться лишь при поддержке российских радикалов, пришедших к власти в РСФСР в 1990 г. Союз этих двух сил, неспособность руководства страны, события, связанные с ГКЧП, привели к фактическому развалу центральной власти. Однако это еще не был развал государства.

– Наиболее вероятным был вариант выхода из СССР нескольких республик при сохранении его в виде довольно неопределенного политического образования с различными перспективами развития, в том числе и восстановления нормального государства. Но сепаратное соглашение между руководителями РСФСР, Украины и Белоруссии, отражавшими интересы радикалов в этих республиках, оказалось решающим ударом по СССР.

Таким образом, распад СССР явился результатом осуществления неудачной модели либерализации тоталитаристской общественно-политической системы в условиях этнического структурирования и этнической стратификации общества.

Дальнейшие перспективы следует соотносить прежде всего с интересами правящих в «новых независимых государствах» политических элит и стоящих за ними элит неформальных, включая набравшие силу финансово-промышленные группы. Сугубо академический анализ побуждает обратить внимание на следующие варианты и политические факторы.

СНГ представляет собой не рассчитанную на будущее жизнеспособную политическую конструкцию, а продукт «полураспада» СССР. Поэтому наиболее вероятными тенденциями представляются либо реинтеграция, либо строительство вполне независимых, «самодостаточных» государств. Однако надо внести ясность в соотношение этих понятий и обозначаемых ими вариантов. (Ре)интеграция – может осуществляться в разных формах, как между государствами, так внутри государства. В данном конкретном случае следует говорить или о выработке взаимоприемлемых отношений между бывшими союзными республиками, вплоть до политических,

экономических, военных союзов, или о восстановлении единого государства – в том или ином составе.

Восстановление единого государства – это не очевидная необходимость и не неизбежность. Проблему нельзя решить простым актом денонсации минских и алма-атинских соглашений. Для ее решения необходимы анализ политических процессов, политическая воля, постановка конкретных задач, исходя из этого анализа – программа достижения таких задач.

В пользу реинтеграции действуют многие факторы, в том числе: 1) неразрешимость в принципе многих проблем (территориальных, экономических, оборонных, геополитических, гражданства), незамеченных или проигнорированных инициаторами ликвидации СССР; 2) длительное существование России – СССР как устойчивой историко-культурной и государственной общности (не абстрактное «евразийство», а достаточно целостный и конкретно обусловленный социально-политический организм); 3) сохраняющаяся в силу этого в массовом сознании традиция общности советского народа – советской полиэтнической нации.

Возможно, «недонецзависимость» новых государств – это временное явление. Со временем, не исключено, им удастся произвести такую внутреннюю реструктуризацию, которая позволит им стать полноценными суверенными государствами. А со сменой поколений остаточная общесоветская идентичность сменится национальной идентичностью.

Сегодня против реинтеграции действуют следующие главные факторы: 1) правящие элиты (и связанные с ними социальные группы) едва ли захотят поступиться своим статусом и прерогативами; 2) внешние силы постараются не допустить восстановления единства, реанимации своего стратегического соперника; 3) часть населения во всех «новых независимых государствах» находится во власти шовинистических, антимосковских, антирусских настроений; 4) неясна, двусмысленна, разноречива позиция правящих кругов России, без которой бессмысленно выдвигать какие-либо перспективные планы обустройства постсоветского пространства.

Если все же ставить задачу **реинтеграции**, то возникает ряд серьезных вопросов. Какой должна быть политическая и культурно-

цивилизационная основа воссоединения? Всех ли желающих – исходя из этого соображения – следует принимать в новое государство? Какое у него должно быть устройство? Если воспроизвести прежний «социалистический федерализм» (а это будет неизбежное требование бывших союзных республик), то получится повторение пройденного. Иными словами, какова допустимая цена за реинтеграцию? Наконец, надо понимать, что восстановить государство можно в виде либо федеративного государства, либо унитарного. О «конфедерации» надо забыть: это весьма абстрактное понятие.

Главная проблема в том, что Россия должна самоопределиваться: определить свои государственные интересы и ориентиры в рамках постсоветского пространства. Она должна предпринять эффективные и видимые шаги к решению собственных проблем, чтобы стать привлекательной для других. Вместе с тем, ошибочно было бы сначала дожидаться процветания России, а уж затем приглашать других – «вступите в брак». Во-первых, можно и не дожидаться. Во-вторых, именно воссоединение, вероятно, является путем к процветанию.

Выбор Россией того или иного варианта связан с необходимостью выработки ее правящими кругами понимания **государственных интересов**, чего до сих пор не состоялось. Превалируют интересы ведомственные, отражающие, по большей части, интересы тех или иных экономических группировок, «групп влияния», «кланов» и т.п.

Как бы там ни было, Россия имеет право выступать с инициативами по части реинтеграции, имеет право на «имперские амбиции». Она может, например, объявить об «открытом листе» для воссоединения, но с изложением тех принципов и условий, которые будут соответствовать ее интересам. Суверенное право остальных – принимать или не принимать эти условия. Инициативы со стороны Белоруссии уже дают основания для прогнозирования ближайших перспектив. Дело – за Россией.

Горбачев М.С.

Сначала реплика относительно «отсутствия политической воли» – не применил, мол, силу, не воспользовался властью генсека и т.д.

Думаю, это скоропалительный вывод, сделанный на обывательском уровне. Его охотно подхватили те, кто сейчас у власти, и те, кто пошли на путч.

Во-первых, никакой перестройки не было бы без политической воли. Начать реформы такого масштаба, с такой исторической перспективой и замыслом – само по себе рискованное предприятие. И неужто те, кто пошел на этот риск, были настолько наивны, имели настолько розовые представления о своем обществе, что не отдавали себе отчета в сложности задачи, которую взяли решать? Серьезные люди должны понимать, что это исключается.

Больше того, была проявлена воля, использована власть Генсека, чтобы сразу же осуществить серьезные изменения в центральном звене – ЦК КПСС, Политбюро, Секретариате, правительстве. За полгода-год произошло обновление, какого не случалось за десятки лет. Вы помните, как покинули состав Центрального Комитета 125 человек. Так что власть была употреблена, прежде всего, чтобы сделать выбор в пользу свободы и демократии и шаг за шагом его осуществлять с учетом условий, в которых все это начиналось.

Сейчас много умников, знающих, что и как надо было делать. Но «рассуждения на тему» и реальные шаги, выбор и действия по его реализации – разные вещи. Поэтому я хочу защитить людей, которые взяли на себя ответственность за демократические реформы в стране.

Теперь о том, что касается применения силы. Забывают, что мы как раз с этого по привычке начали, а уж потом стали размышлять и проявлять осторожность. И правильно сделали. В конце концов есть «измы», борьба идеологий, политика, но жизнь у каждого человека одна. Жизнь – это главное.

Так вот, когда мы вместо казаха Кунаева, причем по его же просьбе, поставили русского Колбина, то попались на провокацию, которую не разгадали. А ведь выглядело это вроде бы логично. Там была драка, нужно было разрядить обстановку. И это мог сделать только человек, не связанный с кланами. Таким казался Колбин. Тем более, что в Казахстане не одни казахи, там много русских, украинцев, немцев и др. Словом, думали, что такой выбор вполне уместен в той конкретной политической обстановке. И промахнулись.

На улицы Алма-Аты и других городов вышли тысячи людей. Начались демонстрации протеста против того, что было воспринято как недоверие и неуважение к казахскому народу, к Казахстану. Ситуация приобрела такой характер, что пришлось применять силу. В один из вечеров поступила информация, что в Алма-Ате идут на штурм ЦК и правительства. Я знал, откуда идут импульсы. Вызвал к телефону Кунаева. Он клялся, что ни при чем, это, мол, другие никак не поделят власть. Я сказал: нам достоверно известно, откуда корни растут; разберемся, кто подстрекал молодежь. И Вы будете отвечать. Через 40 минут все прекратилось. Но ведь пускались в ход и дубинки. Это было первое испытание, показавшее, что так вести дела нельзя.

Другой случай – Азербайджан. Когда там начались погромы, местные власти сначала уверяли, что сами справятся. А без согласия Верховного Совета республики нельзя было ввести чрезвычайное положение. Но мы не бездействовали. Направили в Баку Примакова и Гиренко. Они сообщили, что Верховный Совет парализован, в 18 районах власть снесена, 200 километров границы разрушены, погибло уже 83 человека, в основном армяне, но не только.

В этих условиях, я считаю, было принято правильное решение. Опубликовали обращение к народу республики, в соответствии с Указом Президиума ВС СССР в Баку ввели войска. К сожалению, не обошлось без жертв – погибли еще около 60 человек.

Конечно, кто-то может сказать, это не идет в сравнение с тем, что сейчас – гибнут десятки тысяч. Такова, мол, судьба правителя – быть готовым, как говорят, пускать людей под нож. Но моим кредо было и осталось: делать все, насколько возможно, без крови. И другой момент: двигаться вперед так быстро, насколько общество способно понять и принять. Удалось это? Нет. Ни в том, ни в другом случае. И все же, думаю, самое важное для реформатора не цепляться за власть, а быть верным своему нравственному выбору.

О Чернобыле. Мы собрались утром в Кремле. Комиссия уже выехала на место, в нее входили профессионалы, включая Велихова и Легасова, самые большие специалисты по тому времени. Спрашиваем Славского, руководителя ведомства, ответственного за атомные станции, Александрова – ну кто сомневается в порядочности этого человека, он всегда открыто говорил, что думал. Так вот они нас

успокаивали: «У нас это бывало на промышленных реакторах. Попадали в такие ситуации, может быть, в меньших размерах, но это поправимо». Анатолий Петрович даже пошутил: «Просто выпьешь как следует, закусишь, и все дела».

Не знаю, был ли на том заседании Григорий Иванович Ревенко. Нет, он присутствовал 3-го июля. Тогда «допрашивали» Комиссию и ясности не было. До сих пор ведь неизвестно в полном объеме, что надо делать в таких случаях и какие еще могут быть последствия.

Чтобы знать все, проверять, что нам докладывают и чего не докладывают, я дал поручение направлять мне закрытую, конфиденциальную информацию. На ней, по сути дела, построено все заседание Политбюро 3 июля. Кто прочитает протокол, может убедиться, какой там был серьезный и жесткий разговор.

Нет, слишком просто объявить реформаторов, Горбачева «слонтяями». Я бы до сих пор сидел в кресле генсека, не обладай волей и решимостью следовать своим убеждениям и своему выбору – политическому и нравственному. Итог: страна получила свободу и демократию. Ключевой вопрос: как мы ими распорядились.

Демократическая революция у нас могла начаться только благодаря позиции центра. Нельзя было развернуть реформы без того, чтобы к власти пришли новые люди, не связанные с прошлым, готовые пойти на необходимые перемены. Все общество должно было обучиться. Мы проходили это обучение на практике, спотыкались, ошибались, но двигались все время вперед.

Оправдано, что в дискуссии главное время отдано выяснению причин распада СССР. Это ключ к пониманию того, что делать сейчас. Если распад был неизбежен, тогда, что же, можно и рюмки поднимать в связи с пятилетием. Но как-то не тянет к рюмке, а если и тянет, то совсем с другим, угрюмым настроением.

Все, что здесь говорилось, еще раз убеждает в том, что Союз можно было сохранить. Конечно, проблем у нас было, как у всякого государства, тем более – многонационального, да еще самого милитаризованного, вдобавок – с тоталитарным режимом. Многие страны шагнули уже в другую эпоху, а мы топтались на месте и начали уже откатываться назад. Перемены были нужны как воздух. И сценарий реформирования был задуман правильно. Но в истории

всегда есть место альтернативам. Развитие пошло негативным путем в значительной мере из-за политической схватки реформаторов и их противников справа и слева. Взяли верх интересы. Но в то время как интересом основной массы людей было жить в свободной стране, российские радикалы и националисты в других республиках видели его прежде всего в том, чтобы прорваться к власти.

Много вокруг Москвы и вокруг России бушевало страстей и в 1987-м, и в 1988-м, особенно в 1989 году. Но пока Россия сохраняла свою роль интегрирующего звена, все удавалось держать под контролем. Прибалты первыми увидели, что не удастся расшатать Союз, пока в Россию не забросить «вирус». И забросили: «Почему Россия не имеет своей партии? Почему нет тех институтов, которые имеют другие республики? Почему ущемлена в правах?»

И помните, на первом Съезде народных депутатов СССР ситуацию накалили до того, что выступил Валентин Распутин и сказал: ну, если вы считаете, что мы виноваты во всем, что происходило в истории СССР, то что же, давайте мы выйдем, а вы оставайтесь в Союзе. И российская часть зала, а это 64 процента депутатов, проводила его овацией, пока он шел с трибуны на свое место. Вот как это начиналось. А потом «российскую карту» начали разыгрывать радикалы.

Тем не менее, еще раз повторяю, шанс на сохранение союзного государства оставался. К лету 1991 года были согласованы проект нового Союзного договора, антикризисная программа, подготовлена и одобрена новая программа партии. Но тут вмешалась номенклатура. Прикрытием для гэкачепистов было спасение Союза, но подтолкнул их к действию корыстный интерес.

Генерал армии Гареев недавно сказал, что Крючков окончательно «дожал» Язова, когда передал ему пленку записи моей беседы с Назарбаевым и Ельциным в Ново-Огареве. Там, как известно, речь шла о необходимости сменить состав правительства после подписания Союзного договора.

Путч был первым ударом. И одновременно республики увидели, как Россия будет действовать, минуя Союз и принимая решения за всех. Тогда в две недели все провозгласили независимость. Огромных усилий стоило вернуться к проекту Союзного договора, и уже, надо

признать, не без потерь. И помните, Ельцин и другие руководители республик заявили 14 ноября 1991 года: Союз будет! Это был заведомый обман. На лжи была построена и вся его политика – за спиной готовился и был реализован совсем другой сценарий.

Я не уменьшаю ответственность реформаторов. Они опоздали и в национальной политике, и в решении социальных проблем, в обществе возникло недоверие к перестройке, к Горбачеву. Но остается фактом, что номенклатура, исходя из корыстных интересов, пошла на путч, тем самым отдала власть радикал-демократам и подтолкнула распад. А «беловежцы» воспользовались этой «услугой» и добились Союз. В основе этого неформального альянса, за его антикоммунистической и националистической риторикой лежали сугубо прагматические цели – передел власти и собственности.

Что сейчас? Каковы шансы реинтеграции? Позиция России – вот где ключ. С этим все согласны. Если она будет действовать по отношению к Украине и другим странам СНГ как сейчас, процесс интеграции отложится неизвестно на какое время. Мы с вами, в частности, наблюдали по телевидению: когда Кучма, избранный президентом, приехал в Москву, Борис Николаевич начал его отчитывать, как бывшего секретаря обкома партии. Сразу стало ясно, что на такой основе дела не пойдут.

Запад боится укрепления СНГ. Думаю, напрасно. Если уж говорить об имперских амбициях России, то они скорее проявятся в условиях отсутствия интеграционного процесса. Интеграция – это все-таки согласованные правила. Когда речь идет о новом союзе, добровольном и демократическом, создаваемом на основе новых реальностей, – это уже совсем другая ситуация. А если не будет всего этого, некоторые российские политические силы могут как раз толкать страну на имперский путь. Так что не следует бояться интеграции, ее надо приветствовать.

Мы можем рассуждать, гадать. А вот как обстоит дело с интересами, сохранились ли стремления к объединению? Не думаю, что Арбатов прав и желающих объединяться уже нет. Социологические опросы говорят об обратном. Интересы, связанные с исторической общностью, экономическими, культурными, научными связями, с тем, что мы столетия «варились в одном котле»,

сохраняются. Союзного государства нет, а страна пока все еще живет. Разорвана на куски, но эти куски пытаются, так сказать, связать капилляры, чтобы не прерывалось кровообращение. И это – **на решающем, народном уровне.**

А Россия? Разве она, как утверждают некоторые, сможет стать притягательной силой, проявит инициативу только тогда, когда завершит свое «обустройство»? Да для этого понадобится минимум четверть века, а жизнь не прерывается. И что же – отослать «домой» несколько миллионов украинцев, работающих в России, и русских – на Украине? Прекратить поиск новых форм сотрудничества, особенно в науке и культуре? Отказаться от создания совместных промышленно-финансовых групп, которые обеспечивали бы людям рабочие места и доходы нашим государствам?

Интеграция отвечает интересам России, как и других стран СНГ. Это, если хотите, другая сторона ее Возрождения.

Отсюда, мне кажется, можно сформулировать предложения для общества и политиков. А сделать это лучше всего, объединив усилия научных, общественных, политических сил. Наш Фонд готов к сотрудничеству с научными центрами не только России, но и Украины, Белоруссии, других государств Содружества.

Выступления, переданные в письменном виде

Александров В. А.

Опыт распада – в опыт консолидации

Беловежские соглашения по своему характеру еще не предопределили распад СССР. Такой распад произошел при их реализации. Поэтому правильнее говорить не о смысле соглашений, а о значении Беловежского процесса. Может быть, поэтому в печати упрощенно и говорят о пятилетии Беловежья.

Беловежский процесс имеет два измерения: внутренний – для стран бывшего Союза, и внешний – для остального мира.

С внутренних позиций он означал утрату исторически сложившейся Родины, развал экономики, снижение жизненного уровня. И в этом его гигантский минус в сознании большинства граждан бывшего СССР, в их оценках политики Б.Н.Ельцина как

организатора Беловежского процесса и М.С.Горбачева, оказавшегося не в состоянии его изменить.

С точки зрения внешних наблюдателей, развал СССР оборачивается иной стороной. С карты мира исчезла «империя зла», сломлен бастион коммунизма, ассоциировавшийся с «железным занавесом», «холодной войной», конфронтацией и гонкой вооружений.

Два измерения определяют и два подхода к политикам, с которыми, по воле обстоятельств, связываются изменения на пространстве бывшего СССР. На большей части этого пространства не прекращается критика и первого Президента СССР, и первого Президента России. А на Западе Горбачеву рукоплещут битком набитые аудитории университетов. Ельцина – привечают «друг Билл» и «друг Гельмут».

Далее. Два измерения имеет распад СССР и на самом бывшем советском пространстве.

В России произошла потеря земель, приращение которых далось ценою труда и крови многих поколений. А в Закавказье, Средней Азии, Молдавии, да и на Украине это же событие рассматривается как освобождение от колониальной империи. Чеченская война показывает, что остатки колониальной системы сохраняются и до сих пор.

При всех возражениях – параллели с Австро-Венгрией и Османской империей правомерны. Но только там на долю метрополии приходилось не более 1/10 части империи, а в СССР на долю России – 60 процентов территории и 55 процентов населения.

Иная гравитация создает иную ностальгию по утерянному величию. В Турции даже столицу перенесли в глубь страны, чтобы сосредоточиться на внутренних проблемах. В России же от внутренних проблем кидаются к притязаниям то на Крым и Севастополь, то на Приднестровье, то на казачьи степи Казахстана, то на акваторию Каспия. Забывают при этом, что у самой России нет ни одного погонного метра границы, по которому были бы исключены претензии со стороны соседей. От Печенги до Курил.

Земельная ностальгия в России провоцируется и упавшим до нищеты уровнем жизни большинства населения. Изменение этого обстоятельства – дело долгое. В краткосрочной же перспективе

экономическая разруха будет побуждать к продолжению процесса распада СССР уже в России.

Капитализм – на это была нацелена «шоковая» реформа – формируется в масштабах страны медленно. Для этого он слаб. Он и вьет гнезда в регионах, становясь экономической базой национальных движений бывших автономий.

Единство России может терять ценность перед соблазном быстрого подъема одной отдельно взятой республики. В результате мы оказываемся перед лицом продолжения Беловежского процесса на российской территории. И вновь будут две системы измерения – в пользу сохранения России и в пользу вычленения из нее национальных образований.

Если процесс может идти от Беловежья в будущее, значит его истоки надо искать не в декабре 1991 года, а где-то раньше. Только найдя их, можно установить плотину перед потоком. Думается, что исходным пунктом распада СССР при специфических советских условиях стала отмена статьи 6 Конституции о руководящей роли КПСС. Исчез обруч, связывавший Союз. Причем он был ликвидирован без компенсации другими средствами тех вертикальных и горизонтальных связей, что соединяли республики в целое.

Чтобы исключить продолжение Беловежского процесса на территории России, потребуется найти противовесы всем дезинтеграционным факторам. В том числе и прецеденту сепаратизма Чечни.

Недостаточная продуманность действий при отмене статьи 6 Конституции СССР, отсутствие подлинных механизмов демократии в то время можно было бы рассматривать как горький опыт при подходе к современным проблемам. Весь комплекс чеченской трагедии поэтому важно решать не кабинетно, не в рамках администрации, а с использованием всего демократического механизма, прежде всего механизма Федерального Собрания.

Осмысление Беловежского процесса только в том случае даст пользу, если удастся преобразить опыт распада СССР в опыт упрочения России, в опыт консолидации СНГ. И усилия парламента, и влияние авторитетных политиков здесь весьма к месту.

Перед лицом вызовов, которые бросает России время, представляется весьма непродуктивным продолжение той глухой войны, которая ведется между двумя президентами. Через три с половиной года, а то и раньше, оба будут бывшими. Оба еще в возрасте до 70 лет встретят XXI век. Никому не удастся переложить на другого свою ответственность за распад СССР. В этом разберется История. Но роль каждого будет определяться не только тем, что тянется в прошлое, но и тем, что ждет в будущем. Думается, что напрасно Кремль исключает потенциал первого Президента СССР из общих усилий по упрочению СНГ и России.

С другой стороны, представляется, что и сам М.С.Горбачев еще располагает большими резервами позитивного воздействия на упрочение сотрудничества в рамках Содружества независимых государств. И этот потенциал он мог бы использовать активнее. На том же направлении, видимо, мог бы больше сделать в свойственной ему манере и Фонд, собравший данную конференцию.

Серебрякова З.Л.

«Тайна Беловежской Пуши»

Таково название одной из глав книги бывшего президента Украины Л.М.Кравчука (*см. Приложение. – Ред.*), изданной на украинском языке (*Останні дні імперії... Перші кроки надії. Київ, 1994*).

Не обо всем Кравчук пишет с искренностью и полнотой. Но и то, что вошло в главу, во многом является откровением и помогает понять, был ли неизбежен распад Советского Союза, соответствовал ли он воле большинства народа или причина роковых решений кроется в непомерных амбициях лидеров республик и прежде всего России, Украины и Белоруссии.

Само название главы – «Тайна...» показывает, что встреча Б.Н.Ельцина, Л.М.Кравчука, С.С.Шушкевича и их наиболее приближенных лиц проходила по законам детективного жанра, носила конспиративный характер.

Содержание главы раскрывает тайную согласованность действий лидеров трех республик, установившуюся вскоре после того, как под руководством Горбачева началась подготовка нового Союзного договора. Украинская сторона, по признанию Кравчука, сразу же

«отбросила» федеративный принцип построения государства, выступая первоначально за конфедерацию. Кравчука, по его словам, «пылко» поддержал Ельцин и они выступили «вместе, единым фронтом». Все более определенно поддерживал их Шушкевич. Из высказываний Кравчука неожиданно выясняется, что к ним «не спеша, но надежно, подходил Назарбаев».

Далее, отвергая уже и конфедерацию, участники сговора стали исподволь готовиться к ликвидации самого Союза. Действовали, по признанию Кравчука, «стараясь не привлекать лишнего внимания», «готовились загодя», «был задействован очень узкий круг лиц».

Встреча в Беловежской Пуще, как пишет автор, «была не для слабонервных». Показательны его слова о том, что раньше «Ельцин не мог вырваться из Москвы – не находилось повода». Открыто признать цель своей поездки Ельцин не мог – ведь буквально за несколько дней до этого состоялась встреча с Горбачевым, которая транслировалась по телевидению. И по сей день не забыть того, как Президент СССР подводил руководителей республик к телекамере и каждый – Ельцин, Шушкевич, Назарбаев и другие (кроме предусмотрительно не приехавшего Кравчука), обращаясь ко всему народу, заявлял: «Союз будет!», «Я за Союз», «Готов подписать Союзный договор» и т.д. и т.п.

Публично данное слово, однако, не помешало нарушить его сразу же, как только нашелся предлог для поездки Ельцина в Белоруссию. Об обильном, весьма позднем ужине в Беловежской Пуще рассказано уже немало. Кравчук добавляет описание своей беспокойной ночи – перечитывал записи, сделанные еще в Киеве, когда «для себя решил ждать лишь подходящего случая». Рукописные заготовки перепечатывать не отдавал, по собственным словам – боялся.

На встрече выяснилось, что письменные наметки имеются у Ельцина и у Шушкевича. «Концептуально документы совпадали», и все же Кравчук характеризует происходившее как «борьбу нервов».

Показательно, что о результатах референдума 17 марта того же 1991 года, подтвердившего поддержку подавляющего большинства населения страны сохранению Союза, даже не упоминали. Называющие себя демократами попросту проигнорировали волю народа.

Принципы того, что назвали содружеством, формировали в том же предельно узком кругу – всего из нескольких человек. «Сами работали», – с удовлетворением отмечает Кравчук. И все же присутствовал страх. «Боялись, что люди не воспримут наше решение как должное», – добавляет он. Беловежцы допускали, что Горбачев, все это время борющийся за сохранение Союза, применит против них силу.

Позвали юристов, надеясь на подтверждение легитимности происходящего. Однако даже у специально подобранных правоведов сразу же возникли сомнения в правомерности принятия решений о судьбах страны без союзного президента и представителей всех республик.

И все-таки вопреки высказыванию юристов, вопреки существовавшим тогда законам и самой Конституции было принято решение о ликвидации Советского Союза.

По сей день потрясает обыденность конца – «все вышли к журналистам и проинформировали их». «В подробности посвящать не стали».

Кравчук не пишет о том, что первый телефонный звонок Ельцина был в Америку, президенту Бушу. Возмутился только Президент СССР М.С.Горбачев. Народ безмолвствовал.

Доброхотов Л.Н., Журавлев В.В.

А был ли «великорусский сепаратизм»?

Печально-юбилейная дата Беловежского пятилетия «спровоцировала» обострение дискуссии о причинах распада СССР. Аналитики уже выявили их немало – «главных» и, как им представляется, объективно обусловивших трагическую развязку.

Конечно, называется прежде всего общий кризис советской системы, исчерпанность ее жизненных ресурсов. В рамках этой всеобъемлющей причины выделяется целый ряд причин «главных». И здесь – сколько политологов, столько и позиций.

Выдвигается на первый план, скажем, фактор так называемого «имперского перегрева», т.е. краха советской экономики под непосильным бременем расходов в условиях «холодной войны», когда СССР, будучи флагманом социалистического содружества, нес на своих плечах основную тяжесть военных и прочих расходов,

направляя свои ресурсы не только на противостояние с Западом, но и на поддержание союзников и друзей по всему миру.

Говорится о роковой роли идеологического фактора, о кризисе в этой сфере как наиболее остром. В обществе произошло постепенное размывание коммунистической идеологии, ее вытеснение и перерождение, замена потребительской либерально-западнической идеологией. В результате партийно-государственная элита, представлявшая в стране единственную реальную власть, утратив идейные и нравственные основы, переродилась изнутри, потеряла моральный авторитет в глазах общества и пришла к прямой национальной и государственной измене, предопределив общий жестокий кризис политической системы, а в итоге – развал государства.

Среди «главных» объективных причин распада Союза выделяется и фактор его неустойчивости в силу изначально порочных принципов национально-государственного устройства, реализованных большевиками, и принципиальная невозможность безболезненного перевода традиционного общества на либеральные западные рельсы в силу особого российского менталитета, и многие другие причины.

Но из всех этих «главных» причин в последнее время все активнее выделяется «самая главная», связанная с концепцией кризиса русской нации. Самая крупная, державообразующая нация якобы утратила свою пассионарность и уже не в силах консолидировать вокруг себя другие народы. Более того, страдая комплексом обиды за ущемления на протяжении многих десятилетий советской истории, именно русская нация проявила сепаратистские устремления, став главным инициатором развала Союза. Эти сепаратистские настроения русских умело использовало российское радикально-демократическое руководство, команда Ельцина, в своей борьбе с Центром за власть в Кремле.

И вот уже некоторые политологи делают вывод: главная причина распада СССР – стремление великороссов выделиться из его состава. Тут же возникает вопрос об ответственности России за развал Союза, а фактически как бы за самоподрыв, самоубийство, ибо СССР, конечно же, был в советские годы формой существования Великой России. И вопрос этот все больше превращается в инструмент

политического, психологического давления. Появляется все активнее используемое понятие (или ярлык?) – «великорусский сепаратизм», вызывающее мгновенную ассоциацию с другим, до боли знакомым понятием-ярлыком – «великорусский шовинизм».

Ну что ты будешь делать! Опять крайним оказывается русский мужик. То шельмовали его «**великорусским шовинизмом**» за якобы содержание «младших братьев» в «тюрьме народов», то, общими усилиями натворив кучу бед, теперь придумали «**великорусский сепаратизм**» и будут охаживать русского человека новой дубинкой. Похоже, запускается в оборот новый антирусский стереотип на идеологическую потребу.

Слов нет, российская политическая элита, борясь с союзным Центром за власть, внесла большой, а быть может, и решающий вклад в развал СССР (хотя было бы не корректно преуменьшать подобные же «заслуги» политической элиты Украины, да и некоторых других республик. В Беловежской пуще, скажем, российский лидер, как известно, разыгрывал «украинскую карту»). Но партию вели двое. И если бы Кравчук вдруг согласился подписать привезенный Ельциным горбачевский вариант документа, то версия о решающей российской роли в распаде Союза вмиг оказалась бы несостоятельной. Кравчук прямо говорил, что судьба договора была в его руках).

Да, действительно российский Верховный Совет в числе первых принял декларацию о государственном суверенитете, пятый пункт которой о **верховенстве Конституции и законов РСФСР** на территории республики вместе с постановлением Съезда о разграничении функций управления организациями на территории РСФСР закладывали опасные «мины» под здание Союза. Да, Съезд народных депутатов РСФСР первым избрал президента республики заведомо в пику президенту общесоюзному, открыв «президентский парад» по всей территории Союза. Но разве все это не было следствием непродуманной политической реформы Горбачева?

И главное – если уж вести речь о сепаратизме, то надо говорить о сепаратизме российских политиков (разумеется, наряду с сепаратизмом национальных лидеров других республик).

«Великорусского сепаратизма» не было хотя бы потому, что на референдуме 17 марта 1991г. граждане РСФСР, а это на 85% –

русские, проголосовали за Союз. Правда, их сегодня обвиняют в том, что они и в 1991г., и даже в 1996г. поддерживали Ельцина, а значит и его сепаратистскую политику. Но не надо забывать, что в 1991г. российский лидер еще прислушивался к мнению народа и вслух ничего не говорил о намерении выйти из Союза, а тем паче – развалить его. «Союз не развалится. Не надо пугать людей! Не надо сеять панику...», «Россия никогда не выступит инициатором развала Союза» – вот его публичные высказывания того времени. А как он поведет себя в Беловежской пуше, рядовые «великорусские сепаратисты» просто не знали.

Что же касается оказанной ему поддержки в июле 1996г., то здесь все-таки надо иметь в виду, во-первых, эффект «выборных технологий», а во-вторых, тот не слишком обнадеживающий факт, что если даже всех сторонников действующего президента отождествить с «великорусскими сепаратистами», то и в этом случае мы получим чуть более одной трети великороссов, попадающих в разряд сепаратистов (к тому же, вместе с сепаратистами татарскими, якутскими, еврейскими и проч.). Так что «великорусский сепаратизм» не так уж и велик. Это какой-то усеченный сепаратизм, впрочем, как и вся нынешняя Россия.

Когда ставится вопрос, кто же развалил СССР: история, Запад, Горбачев, Ельцин? – то для беспристрастного аналитика уже сегодня ответ очевиден: конечно же, мы сталкиваемся с целым комплексом причин как объективного, так и субъективного характера, как внутренних, так и внешних. И сложно, а может быть, невозможно выделить в данном случае какую-то одну, главную причину.

Совершенно очевидно, что объективные условия или предпосылки дезинтеграции такого сложного государственного и общественного образования, каким являлся СССР, имелись и вызревали, накапливались с момента его возникновения, но приведен в действие механизм кризиса был в определенное время и определенными силами. Исторический опыт свидетельствует, что политические режимы и государства не рушатся сами по себе, а гибнут под воздействием либо внутренних, либо внешних по отношению к ним сил. Вот почему на первый план мы выдвигаем все же субъективный фактор – ту политику в целом, под воздействием

которой в 1985г. начался так называемый «реформаторский прорыв», приведший к гибели СССР и всего содружества государств, называвшегося социалистическим (при всем уважении к благим намерениям реформаторов, оценивать их деятельность нам приходится по результатам).

Поставленная задача преобразования унитарного государства в подлинную или жизнеспособную федерацию, причем на основе западных либеральных принципов (недаром перестройку окрестили в некоторых средствах массовой информации как «евроремонт»), решалась практически лишь в первой ее части – разрушительной. Кстати, никакого ремонта, только разрушение. И это по сей день не случайно присутствует в лексике реформаторов из команды Горбачева, даже когда они страстно защищают его от «обывательской критики»: «Горбачев не побоялся ломать стену...» Но в народе, в этой «обывательской среде», действительно почему-то привыкли говорить: «ломать – не строить»... Стену сломали, рухнула кровля, обрушилось все здание, и сколько же под его обломками погребено «обывательских» жизней и судеб?

Удары по несущим конструкциям государства наносились едва ли не с первых шагов политики перестройки. Начало положил фактически односторонний разоруженческий процесс в ходе так называемой политики «бескорыстного дарения», т.е. всяческих уступок Западу, нанеся прежде всего тяжелый урон армии, подорвав оборонную мощь СССР и всего содружества (нынешнее продвижение НАТО к российским границам – прямое следствие той политики).

В ходе инициированной сверху тотальной критики партийно-советского аппарата, а затем и всех силовых структур – армии, КГБ, МВД, являвшихся главными скрепами государства, главным образом через средства массовой информации, эти государственные институты были дискредитированы, парализованы, а затем и исчезли вместе с государством, которое призваны были защищать.

Понятно, что реформаторы сознательно уничтожали эти структуры, поскольку на них держалось унитарное, идеократическое государство, которое надлежало преобразовать. Не понятно, как они собирались удерживать страну в состоянии неизбежного хаоса, а что примерно он может из себя представить, деятелям такого ранга

полагалось смоделировать хотя бы на историческом опыте 1917 года. Этого, однако, не произошло. Похоже, уповали на силу слов.

Впрочем, некоторые, на первый взгляд, необъяснимые кульбиты политической жизни последнего десятилетия вполне можно объяснить не слишком высоким качеством отечественной властной элиты и в части профессионализма, компетентности, но главное – в моральном отношении. Такие черты, как честь и чувство долга высшего государственного чиновника, бескорыстное служение государственным, национальным интересам, патриотизм, стали явлением крайне редким, если вообще не исчезли на Олимпе власти. Зато карьеризм и своекорыстие, непомерные властные амбиции и злоупотребление властью, взяточничество и коррумпированность, политический цинизм, лживость, откровенное пренебрежение народным интересом настолько типичны, что уже воспринимаются как чуть ли не неотъемлемые характеристики носителя власти вообще.

А теперь говорят о полученной политической свободе... Надо уточнить – свободе для кого? Для кучки финансовых олигархов? Сегодня свободен тот, кто эту свободу может купить. Даже за каждого российского военнопленного Чечня требует по сорок миллионов. А недавно обозреватель НТВ Е.Киселев умолял телезрителей не верить возможным публикациям в некоторых средствах массовой информации, т.к. они наверняка будут заказными.

Ну хорошо, пусть даже политическую свободу получили не только «тугие кошельки», но и беззарплатные учителя и шахтеры, сносно устроившиеся политологи и «челноки»... Но какой ценой? Ценой утраты исторической России? Несоразмерно.

Реформаторы этого не хотели. Они хотели, как лучше...

Ненароков А.П.

Понятийный аппарат российского реформаторства

«Феномен советской империи: противоречия национальной политики» – так называется пятая глава двухтомника «Политическая история. Россия – СССР – Российская Федерация», только что вышедшего в издательском центре «Терра» на смену некогда популярной «Истории Отечества». Автор – С.В.Кулешов. На данный момент это единственное наиболее полное изложение т.н. нового

«концептуального» подхода к истории национально-государственного строительства и национальной политики практически за весь послеоктябрьский период вплоть до распада СССР, с небольшими экскурсами назад и вперед. Впрочем, новизна «концепции» состоит в переоценке всего, пользуясь выражением автора, «с точностью до... наоборот». Экскурсы носят в основном морализаторский характер. Весь приведенный в главе фактический материал откровенно вторичен. К тому же написан он «птичьим», т.е. псевдонаучным языком – «пропаганда», «местный харизмат», «прогрессирующий процесс партбюрократической централизации», «исторический ареал расселения того или иного этноса, ряд из которых еще не прошел этапы завершения своего этногенеза», «имитация удовлетворения национальных интересов», «тупики этнизма», «пароксизм дознания», «экстенсивная модель общественного развития», «этносоциальный патернализм центра», «коллорабионизм на этносоциальной почве», «новые идеологемы, нередко являющиеся мифологемами» и т.д. и т.п. Все это производит впечатление некой бесшабашной разухабистости, рождая желание повторить печально знаменитое: «Не делайте мне красиво!».

Можно было бы, как обычно, не заметить этой очередной «имитации удовлетворения» научных интересов С.В.Кулешова. Но на сей раз он претендует на суммарное представление того нового, что в разработке национального вопроса принадлежит, согласно его утверждению, «целому ряду историков». И хотя кроме него публично на сей счет никто столь полно не высказывался, в откровениях Кулешова, благодаря удивительному свойству имитаторов подобного рода плавать на поверхности при любых режимах, присутствует весь арсенал понятийного аппарата современного российского реформаторства, используемый сегодня многими влиятельными политиками. А это безусловно заслуживает внимания.

Прежде всего несколько слов о том, из чего выводится этот понятийный аппарат. Совершенно не собираясь обсуждать ни априори обозначенную Кулешовым широту «разброса мнений по вопросу образования СССР», ни его трактовки общеизвестных документов и используемые им личностные характеристики главных действующих лиц процесса объединения 1922 г., которыми были «коммунисты,

пусть даже говорящие на том или ином национальном языке», отметим лишь необычайную даже для этого автора велярность произносимого им. (Употребив в одном предложении два латинских слова [*априори* – независимо от опыта и до опыта и *велярность*, образованное нами от *velaris* – задненебный], я намерен продолжить в разумных пределах «гонку за лидером», доказав, что так же, если не лучше, умею пользоваться Словарем иностранных слов).

Итак, посмотрите, как меняется («отвердевает») не то что звук, а смысл сказанного им от фразы к фразе в ключевом для определения современного терминологического набора моменте.

Постулат первый: «...Имеется целый ряд историков, считающих, что Сталин был более прав, когда протестовал против либерализма Ленина, «лобблируемого национал-коммунистами окраин», и выступал «против той бестолково-громоздкой модели национально-государственного устройства», которую изобрел для России Ленин».

Второй: «Идея «автономизации» достаточно спокойно оценивается также рядом ученых, видящих в ней способ предотвращения национальной «атомизации» России в ущерб ее политическому и экономическому единству».

Третий, вроде бы отличный от первых двух, и личный, несколько дистанцированный от них: «...На наш взгляд, вряд ли стоит переоценивать продуктивность споров накануне подготовки образования СССР и в процессе его конституционного оформления, всерьез говорить о нереализованных альтернативах, в том числе жестко противопоставлять ленинский и сталинский варианты устройства многонационального государства». И чтобы у нас не осталось сомнения в том, что он не один представляет упомянутых ученых, в унисон твердящих одно и то же, да к тому же сформулированное им самим, Кулешов выступает неким арбитром перед выстроенными перед ним в два ряда исследователями: «Свои резоны есть в каждом из подходов, однако так или иначе они уводят от главного: анализа типа системы, начавшей формироваться после Октябрьской революции. Он определял суть национальной политики независимо от ее конкретных форм». Далее автор формулирует свое понимание типа системы (оставим в стороне как он это делает и что имеет ввиду под этим) и говорит, что «внимательное рассмотрение

различных подходов к формам и видам взаимоотношений целого и частей в союзном государстве имело бы смысл в случае, если бы речь шла о наличии правового пространства, механизмах разделения властей, действительного волеизъявления».

Постулат четвертый и последний, который я позволю себе сформулировать без значительного числа цитат из первоисточника: раз бестолково-громоздкая модель национально-государственного устройства, которую изобрел для России Ленин, порождала всего лишь иллюзию договорных отношений между республиками, ранее составлявшими империю, а автономии в самой России, являясь продуктом все того же коммунистического «государствотворчества», порождали национальную атомизацию, то это, являясь последовательным претворением в жизнь принципа «дарения» национальной государственности сверху за политическую лояльность, обернулось для русских, как для державной нации, в конечном счете тем, что собственной государственности они так и не приобрели. Так, «благодаря авторитету Ленина и значимости его высказываний, приобретающих для партии характер руководящих указаний, было положено начало целенаправленной политике игнорирования национальных интересов русских».

На основе прежде всего этих, а затем уже и других, менее значимых постулатов и формируется понятийный аппарат современного российского реформаторства в национальном вопросе.

В период борьбы против ново-огаревских договоренностей на первое место выступил термин «российская государственность». Он толковался как необходимость формирования самостоятельного российского центра, который сумеет быстро решить проблемы экономического благополучия россиян, избавив республику не только от контроля со стороны союзного, но и якобы навязанной ей роли донора «братских народов».

Что из этого получилось, по прошествии пяти лет можно судить спокойно и объективно. Одно ясно, что о наличии правового пространства, механизмов разделения властей и действительного волеизъявления и сейчас говорить не приходится. Отказывать на этом основании в необходимости внимательного рассмотрения различных подходов к форме и видам взаимоотношений целого и частей в

союзном государстве в момент его создания в 20-е гг., функционирования в течение почти шестидесяти лет и распада в начале 90-х, равно как и уже в Российской Федерации, начиная с 1991 г., – неправомерно.

Ныне, судя по телевизионному выступлению секретаря Совета безопасности Ивана Рыбкина, заявившего, что чеченский кризис порожден ново-огаревскими переговорами, предпринимаются попытки представить, будто обострение борьбы за определение суверенитетов национальных автономий – также лежит в ново-огаревских предложениях о превращении в субъектов Союза союзных и автономных республик. И в том и в другом случае неправомерно забывается, что и в 20-х и в 90-х гг. речь шла не о формах «национальной атомизации», а об определении четкой региональной политики. Это связано с развитием местного самоуправления, когда русские и т.н. национальные регионы получают равные права и возможности, равную ответственность перед союзным или федеральным центром и равную защиту от его поползновений. Все остальное – словоблудие.

С некоторых пор самые ярые критики «прогрессирующего процесса партбюрократической централизации» превратились в сторонников сильного централизованного государства. Они отрицают теперь, что унитаризм несет в себе тоталитарное начало. В ходу понятие «унитарная демократическая республика с широким местным самоуправлением, всемерно учитывающим культурно-национальные особенности». И опять забывается, что на первое место выходят не вопросы культурно-национальной автономии, а экономической самостоятельности, без которой ни национальные, ни русские регионы не способны решать никаких проблем.

Штаты в Америке и федеральные земли в Германии имеют четко разграниченные права и полномочия, и там не приходит в голову спорить о том, как называть свое государство – федеративным полиэтническим или унитарным демократическим. С этой точки зрения реанимация идеи автономизации в ее сталинской трактовке (впервые этот план предлагался в конце 1917 года, и совсем не им и даже не большевиками) означает лишь одно – стремление оправдать желание, как писал сам великий зодчий, «приспособить форму

взаимоотношений между центром и окраинами к фактическим взаимоотношениям, в силу которых окраины во всем основном безусловно должны подчиняться центру».

О термине «геополитический контекст». У меня даже нет желания доказывать, что Кулешов не знает, а следовательно и не понимает того, как менялся его смысл у лидеров большевизма после краха военно-коммунистической утопии. В данный момент я хочу обратить внимание лишь на то, как современные подходы меняют трактовку прошлого и обслуживают интересы властей предрежащих ныне.

Итак, в прошлом Российская империя строила вокруг себя систему протекторатов и это, мол, было связано с ее геополитическими интересами. Но отказ от такой политики и инкорпорация Закавказья и завоевание Средней Азии, по Кулешову, уже вряд ли соответствовали национальным интересам России: «Она получила очаги нестабильности, проблемы на южных границах, и, главное, был затруднен процесс экономической и политической модернизации России. Освоение этих территорий, содержание огромной армии, обустройство границ – эти колоссальные затраты не шли на пользу экономике метрополии. Вынужденные имперскими интересами усилия по периметру границ истощали реформаторский потенциал власти, приводили экономическую политику к экстенсивному курсу».

Этот текст уже не исследование, а скорее «Исповедь на заданную тему». Тогда остается лишь честно сказать, что сегодняшняя политика, несмотря на строгий «тон» в адрес НАТО, лишена истинного геополитического контекста. Да другого и быть не может, ведь величие государства не в его самопредставлениях, а в реальном соотношении сил. Мы все еще можем пугать других, но заставить считаться с нашими интересами мы уже никого не можем, тем более что и сами-то внятно определить эти интересы не умеем.

Еще одно замечание по поводу терминологического аппарата. С.В.Кулешов пытается возразить тем исследователям, которые считают, что с 30-х гг. интернационализм уступил место «национальному социализму» и в СССР утвердился «национал-большевизм». Честно говоря, я никакой серьезной аргументации

подобного рода не встречал. Зато в одной из своих статей начала 90-х гг. утверждал о политическом банкротстве большевизма с концом гражданской войны и военного коммунизма и победе национал-коммунизма уже в 1921 г. Серьезных возражений мне не довелось читать.

Утверждение Кулешова, что «внутренняя и внешняя политика модифицировалась, представала в разных пропагандистских обликах, но своих оснований не изменила» – несерьезно. Он ведет речь об основах государственной политики, а я о внутрипартийном перерождении. И это не просто терминологический спор. Если под интернационализмом понимать надежды на мировую революцию, то начавшийся с изменением партийного руководства уже в 1921 году дрейф в направлении «строительства социализма в одной стране» таковым никак не назовешь. А это не просто модифицировало всю внутреннюю и внешнюю политику, но и меняло ее основы. Однако это никак не отвечает стремлениям современных «демократов» непременно взвалить на Ленина и грехи Сталина и последующих преемников, хотя у него и своих грехов хватает.

Что же касается запоздалых возражений Кулешова против присутствия в понятийном аппарате российского реформаторства понятия «национальное меньшинство», то оно несколько выпендрено и надуманно. Сейчас в ходу другое понятие – «беженцы», которое жжет и не дает спокойно дышать, если ты не ангажирован и способен адекватно реагировать на чужую боль.

Читая Кулешова, как и многих современных «демократов», никак не могу отделаться от ощущения актуальности горьковского замечания 90-летней давности. В марте 1906 г. он писал Леониду Андрееву из Берлина: «...Человек либеральных убеждений – это середина туловища, включительно с той его частью, которую, живя в культурной стране, я не решусь назвать вслух». Мне тоже не хочется этого делать.

Жуков Ю.Н.

Какую же войну проиграл СССР?

Страны, особенно многонациональные и потому огромные, гибнут обычно только после проигранной войны. Именно так исчезли

с политической карты мира Австро-Венгрия, Османская империя. Но в ряде случаев, для иного рода государств, распад становится следствием войн принципиально иного характера – национально-освободительных, колоний против метрополий. Примером тому могут служить распад Британской империи, потеря Нидерландами, Бельгией, Португалией своих заморских территорий. Наконец, могут оказать катастрофическое воздействие на великие державы и оба таких фактора, при этом далеко не всегда совпадающих по времени. Так произошло с Французским союзом.

Пять лет назад как карточный домик – вдруг и в одночасье – рассыпался, распался Советский Союз. Трагическое для большинства его граждан событие оказалось практически для всех – и сепаратистов, и сторонников единства, целостности – столь неожиданным, что до сих пор порождает неослабевающие споры. Заставляет вновь и вновь искать ответы на мучительные вопросы: почему же так произошло? кто повинен в распаде, ответственен за него?

Причины распада СССР ищут во всём. Прежде всего, и вполне обоснованно, в проигрыше им «холодной войны». А потому ещё и в происках США, явлении явно бесспорном. Заодно, что также вполне логично, в политике последнего руководства нашей страны, возглавлявшегося Горбачевым. И в роли ГКЧП, остающейся довольно туманной, не прояснённой по-настоящему даже сегодня. И в неуёмном властолюбии Ельцина, Кравчука, Шушкевича. Некоторые же голословно пытаются объяснить причину гибели Советского Союза откровенно надуманным – природой существовавшего до августа 1991 года строя, безосновательно именуя его тоталитарным. Но всякий раз, рассматривая и пытаясь решить проблему, все исходят только из конкретной политической ситуации, почему-то исключая её из контекста истории.

Отнюдь не умаляя, не отрицая значимости перечисленных выше факторов, кроме, разумеется, последнего, вынужден настаивать на ином. Всё, что произошло в 1991 году, явилось лишь следствием. Причина же, подлинная и глубокая, коренится в давней, насчитывающей почти сорок лет **борьбе национальной партократии союзных республик с Москвою за власть**. Власть полную и

безраздельную, никому не подконтрольную. Коренится в борьбе – закулисной, подчас малозаметной даже для самих её участников. В борьбе, **начавшейся ещё в 1953 году**, постоянно нараставшей и достигшей апогея в 1989 году, когда, собственно, и была предрешена судьба СССР.

В свою очередь, само существование национальных партократий, лишь номинально числившихся коммунистами, было естественно обусловлено, проистекало из заведомо искусственного существования союзных республик. Из лежащего в основе административного устройства Советского Союза национально-государственного принципа. Того самого, который и по сию пору сохраняется неизменным. А посему – угрожает целостности многих возникших на руинах СССР республик. В том числе и Российской Федерации.

О не просто негативной, об опасной стороне государственного устройства, базирующегося на национальной основе, вспоминают крайне редко. Только тогда, когда пытаются разобраться в причинах многочисленных межэтнических конфликтов. Но всякий раз малограмотные современные политики да невежественные публицисты возлагают ответственность за появление именно таких государственных структур исключительно на большевиков, на Сталина. Не знают либо просто не желают знать, что создание союзных полиэтнических республик с произвольно установленными границами оказалось вынужденным, единственно возможным в 1922 году. Явилось отражением суровой действительности.

Забывают или не хотят знать, что национальный вопрос нерешенным достался большевикам, советской власти как тяжкое наследие самодержавия. Как одно из слишком многих проявлений отсталости слаборазвитой, нищей Российской империи. От самодержавия, которое своё полное неумение и нежелание решать жизненно важные проблемы, даже напрямую угрожавшие его существованию, оправдывало тем, что в этом якобы и заключается **особый путь развития России**, в том и состоит некое предначертание.

Пять столетий постоянно расширяясь, присоединяя всё новые и новые территории, царизм упорно игнорировал основное. То, что

покорённые народы слишком разнятся между собою. Находятся на различных ступенях социально-экономического развития – от родового строя до капитализма. Различаются по расам, по конфессиям, культурному уровню. Словом, цивилизационно. Но все пять веков самодержавие не только ничего не предпринимало для того, чтобы выровнять уровни развития народов страны, но и даже поддерживало именно такое состояние.

Во-первых – **культурно**. Отсутствие в царской России обязательного образования, хотя бы начального, в принципе исключало саму возможность даже в отдалённом будущем нормального развития всех народов страны, включая и русский. Исключало естественное превращение всего лишь податного сословия в сознательных если не граждан, то подданных. Во-вторых – **территориально**. Сначала крепостным правом, не позволявшим крестьянам покидать свои деревни. А потом безысходной нищетой того же крестьянства, так и не смогшего приобретать землю там, где было возможно товарное сельскохозяйственное производство, и в необходимых для того размерах.

Обе эти причины и привели к формированию своеобразных этнических заповедников, если не резерваций, где люди жили по обычаям и традициям XVII-XVIII веков. Такие архаические ареалы, ко всему прочему, были лишены ещё и даже подобия какого-либо самоуправления. Исключение составили только самые развитые регионы. Финляндия, обладавшая всё столетие пребывания в составе Российской империи полной автономией, позволявшей ей даже не участвовать в войнах, которые вёл её суверен. Польша, но в максимальной форме лишь пятнадцать лет. Прибалтийский край, где, правда, рядом автономных прав пользовалось только немецкое дворянство.

Подсознательно понимая, что в одной стране может быть лишь одна нация, что народы, населяющие Россию, должны быть непременно чем-то объединены, царизм в конечном итоге избрал самую порочную и бесперспективную внутреннюю политику. Попытался насильственно навязать всем без исключения «общую» идеологию. Ту, что выражалась пресловутой уваровской триадой. Результат того хорошо известен всем. Это бунты, восстания,

революции. Наконец, появление политических партий. Начало тому положила социал-демократия королевства Польского и Литвы, объединяемых общей конечной целью – свержением самодержавия, освобождением народов, угнетаемых им.

Развал Российской империи на отдельные национальные государственные образования, предвестником чего стала революция 1905 года, начался во время первой мировой войны как её прямое следствие. А вместе с тем и как проявление глобальной стратегии Германии, при её прямом вмешательстве. Так, уже в 1916 году от России отделилась Литва. В следующем году за нею последовала Украина, а после соглашения с СНК РСФСР обрели независимость ещё Финляндия и Польша. В 1918 году процесс суверенизации резко усилился. Охватил прежде всего полностью все территории, оккупированные германскими и турецкими войсками.

Большевики, давно и отлично понимая, какую угрозу целостности страны несут любые формы проявления национализма, изначально противопоставили ему не только интернационализм, но и **унитарный принцип государственного устройства**. Закрепили его первой за всю историю нашей страны **Конституцией 1918 года**. Зафиксировали в ней, что Российская Федерация в границах бывшей Российской империи, но без Польши и Финляндии, **не имеет никаких национальных образований**. Складывается лишь из областных объединений, создаваемых из двух-трёх, а то и более губерний, исторически и, главное, экономически тесно взаимосвязанных.

Однако реальный характер гражданской войны, в равной степени и классовой, и политической, и межэтнической, продемонстрировал слишком уж реальную силу национализма, даже у некоторых большевиков. Вынудил отказаться от первоначальной, вненациональной идеи построения государства. Пойти на признание и суверенных, и автономных национальных советских республик. Но только под давлением обстоятельств, а потому – временно, до той поры, пока модернизация экономики не изменит облика страны, не консолидирует население её.

Вот отсюда и то согласие на условные, отнюдь не этнические, а всего лишь административные границы. Отказ от плебисцита – практики, столь характерной для версальского переустройства

Европы. Создание будущих союзных республик с включением – ради достижения в ближайшем будущем вполне понятных целей – **экономически развитых территорий с преобладающим русским населением**. Донецко-Криворожского бассейна, Одесской и Херсонской губерний – в составе Украины. Могилёвской и Витебской губерний – в составе Белоруссии. Ну а в Закавказье, где такое решение оказалось невозможным, применили другое – федерализацию, да ещё двухуровневую.

Откровенно полиэтничный облик первых четырёх союзных республик подчёркивался многими чертами. И объявлением в трёх из них государственными нескольких языков. И созданием различных форм автономии для нацменьшинств – от республик до районов, округов.

Противовесом же потенциальным, не исключавшимся на будущее, центробежным устремлениям союзных республик, сдерживающей силой служили идея социализма, **общесоюзная ВКП (б)**, что и обусловило появление её весьма сложной, своеобразной структуры, да система жесточайшего, всепронизывающего контроля в лице **ОГПУ**.

Системная модернизация экономики всей страны, а вместе с нею и быта, начало быстрого культурного роста в годы первой и второй пятилеток сыграли свою роль. Вне зависимости от выполнения планов, подлинные достижения привели к неизбежной реорганизации административного устройства СССР. Правда, успели осуществить её только в РСФСР. Там, на рубеже 20-30-х годов образовали **края**, повторявшие прежние областные объединения. Края, включавшие не только несколько упразднённых губерний, но и автономные республики. Тем самым фактически понизили статус последних. Их незаметно, без особой огласки, превратили из субъектов федерации всего лишь в некие национальные районы, подчинённые теперь не ВЦИКу, а администрации краев.

Однако уже к середине 30-х годов от подобного рода реорганизации отказались. Вернулись к национальным основам государственного строительства. Восстановили прежний **статус автономных республик**, даже повысили его для некоторых. Преобразовали Таджикскую, Казахскую, Киргизскую в **союзные**. А

заодно ликвидировали Закавказскую федерацию. Вместе с тем, **Конституция 1936 года**, зафиксировавшая эти перемены, окончательно отошла от даже лишь по форме договорного, конфедеративного характера Советского Союза. Усилила фактическую унитарность ещё и системой управления новой экономикой. Поставила всю её под прямой контроль центра, Москвы через, главным образом, союзные наркоматы.

Возвращение к национальным принципам было обусловлено тем, что СССР, как оказалось, всё ещё пребывал на весьма низком уровне культурно-политического развития. Треть населения, прежде всего сельское, оставалась азбучно неграмотной. Более половины – лишена столь необходимой для появления гражданского самосознания элементарной информации, ибо огромное число населённых пунктов не только не имело возможности получать газеты, журналы, но и не было радиофицировано.

Отсутствие же достаточного количества жилья в городах, на стройках оставалось непреодолимым препятствием для ухода крестьян из деревни. Заставляло делать такие перемещения строго дозированными, контролировать их с помощью паспортной системы, прописки. Ну а всё это в совокупности продолжало поддерживать существование обособленных моноэтнических регионов, сохранявших давние, дедовские быт, обычаи, традиции, привычки.

Радикальный сдвиг наметился лишь в октябре 1937 года. На октябрьском пленуме ЦК, где по докладу Сталина приняли, наконец, постановление об обязательном преподавании русского языка во всех школах национальных республик. Как единственно возможное средство проведения в жизнь закона о всеобщей воинской обязанности. Но и как первый конкретный шаг на длительном пути создания **единой советской нации**.

К сожалению, дальнейшие приходящие события затормозили начавшийся процесс. Сначала – включением в состав СССР восточных районов Польши, стран Прибалтики, Бессарабии. Внезапным пополнением населения Союза многомиллионной массой людей не только не знавших русский язык, но и просто требовавших, как минимум, одного-двух десятилетий для ассимиляции в уже сложившийся советский образ жизни. А потом, в годы Великой

отечественной войны, трагическим совпадением необходимости принять два взаимоисключающих решения.

С одной стороны, создание ООН, заведомое большинство в ней англо-американского блока, заставляло добиваться принятия в ООН союзных республик. И для того пойти на откровенно формальное придание им черт, приближающих их по статусу к британским доминионам. В январе 1944 года объявить о создании республиканских наркоматов иностранных дел, обороны. Но с другой – именно тогда же приступить к подавлению вооружённого националистического подполья. Того самого, что было создано в Прибалтике, на Украине с помощью вермахта, для его прямой поддержки. Эта ситуация и вынудила тогда отказаться от значительного ослабления роли партии, от отделения её от государства. Сохранив партию как один из самых надёжных противовесов ожившему национализму, центробежным устремлениям.

Подобное крайне сложное и двойственное положение сохранялось почти восемь лет. До середины 1951 года. Заставляло балансировать во внутренней политике. Постоянно ограничивать права союзных республик на деле, на словах прокламируя их якобы возрастающую самостоятельность. И подтверждать последнюю самым, как тогда казалось, безопасным способом. Широкой государственной поддержкой **национальных науки, литературы, искусства**. Чем, в конечном итоге, добились прямо обратного – усиления национализма в его наиболее чистом виде.

Когда же удалось покончить с националистическим вооружённым подпольем, контроль, осуществлявшийся на западных землях войсками МГБ, местными партийными органами, попытались сохранить, заменив государственным. И для того ввели областное деление в Эстонии, Латвии, Литве, увеличили число областей на Украине. А чтобы столь труднообъяснимая акция не бросалась в глаза, разделили на области ещё и Грузию, Азербайджан, даже Башкирию и Татаррию. Использовали же эту административную реформу только для того, чтобы заполнить все появившиеся чиновничьи вакансии людьми со стороны. Из старых советских регионов, преимущественно русскими.

Но данный курс сохранять удалось недолго, несмотря на все отчаянные попытки Маленкова, Молотова его закрепить – и повышением прав союзных министерств, и усилением значимости, самостоятельности край- и облисполкомов, не только противопоставленных советам министров союзных республик, но и призванных стать основой структур государственного управления, демократизации. И резким понижением роли местных, прежде всего республиканских, партийных организаций.

Настойчивые же усилия Берии и Хрущева, опиравшихся на партократию союзных республик, привели в 1953 году к иному. К ликвидации областного деления в Прибалтике, Закавказье, Поволжье, назначению на все мало-мальски значимые должности повсюду представителей коренной национальности. В следующем, 1954 году – на основе постановления ЦК КПСС об усилении прав союзных республик – к передаче в их ведение практически всех промышленных предприятий, за исключением лишь оборонных. А ещё два года спустя – закреплению и усилению данной тенденции кратковременным существованием совнархозов, в конечном итоге созданных в границах всё тех же союзных республик либо их экономических районов.

Правда, для тех же 50-60-х годов оказались свойственными и иные – органические, неизбежные, объединительные процессы: ранее невиданная по масштабам миграция населения, начатая освоением целины, подкрепленная свободной выдачей паспортов жителям деревни, усиленная новым этапом модернизации экономики – строительством прежде всего в союзных республиках большого числа мощных, крупных промышленных предприятий, потребовавших привлечения квалифицированных рабочих рук в основном из России и Украины.

Следствием же того стало значительное сокращение традиционно отсталого сельского населения, возрастание более образованного городского. Всё большее размывание, даже исчезновение в ряде случаев замкнутых моноэтнических регионов. Возрастание по площади территорий со смешанным населением, использующим в общении русский язык.

В то же время уцелевшая, выжившая, отстоявшая своё существование в 1953 году национальная партократия союзных

республик за то же десятилетие сумела необычайно укрепиться. Сохранить и свои властные полномочия, и связанные с ними привилегии. Заодно слиться, срастись на этой основе с местной, национальной же советской бюрократией. Ощутить свою силу. И потому воспрепятствовать Хрущёву, слишком поздно понявшему, какого же джина он выпустил из бутылки, вновь обуздать себя. Помешать Хрущеву разрушить сформировавшиеся республиканские национальные элиты.

Далее я позволю себе не останавливаться на деталях, подробностях. Ведь все они слишком хорошо известны, памятны. Отмечу лишь самое основное.

То, что мы называем «брежневским застоём», в действительности оказалось **затишьем перед бурей**. Временем, потерянным центром, но зато использованным республиканскими политическими элитами для перехода в наступление.

Им, как оказалось, уже не хватало тех огромных прав, которыми они обладали. Более того, они чувствовали себя всё более и более ущемленными. Ещё бы, ведь обладая неограниченной властью у себя в республиках, юридически они всё ещё зависели от Москвы в главном – само их пребывание на постах зависело от союзного центра. Именно он, точнее, Политбюро и утверждало их в должностях. И освобождало. А потому республиканские национальные политические элиты попытались для начала завоевать это Политбюро, подчинить его себе, чтобы обезопасить себя. И сумели сделать это.

Весной 1953 года, до схватки, в Президиуме ЦК КПСС из десяти членов только один, Берия, являлся выходцем из союзной республики, а из четырёх кандидатов ещё двое – Багиров и... Мельников. Всего тринадцать лет спустя, вскоре после отстранения Хрущева, положение на вершине власти коренным образом изменилось. Выразилось в своеобразном, пока еще условном равновесии сил. Из девятнадцати членов и кандидатов в члены Политбюро уже десять человек, то есть чуть **более половины**, оказались представителями компартий союзных республик, выразителями именно их, сугубо региональных интересов. А ещё через четырнадцать лет, накануне распада СССР, последние составляли **две трети**, шестнадцать из двадцати четырёх.

Именно такая ситуация и оказалась роковой, решающей. Региональные национальные элиты больше не желали довольствоваться достигнутым. Максимально использовали всё возможное. Разумеется, накопившиеся ошибки, недостатки. Но в ещё большей степени – сугубо личные интересы национальной творческой интеллигенции. Той самой, которую столь заботливо создавала, опекала КПСС, советская власть все послевоенные годы.

Республиканские политические элиты вполне сознательно **использовали** творческую интеллигенцию для пропаганды формально демократических, а на деле, по существу – националистических сепаратистских лозунгов. Широко использовали и послушные, управляемые средства массовой информации, так и не ставшие четвёртой, самостоятельной властью.

Использовали республиканские политические элиты ещё и то, что в первые же годы перестройки был упущен единственный шанс предотвратить трагический финал. Использовали не просто бездеятельность Политбюро ЦК КПСС, а прямую поддержку им, прежде всего в лице Яковлева, сепаратистских устремлений. Того, чего не потерпела бы ни минуты, ликвидировала бы в самом зародыше любая демократическая страна – США, Великобритания, Франция, Италия.

Именно потому руководство союзных республик и смогло столь быстро, без каких-либо ощутимых препятствий, даже при откровенном потворстве, попустительстве осуществить давно желаемое.

В 1991 году – полностью освободились от ставшего чисто номинальным руководства, контроля со стороны партии. Сразу вслед за тем – использовав крайне запутанную политическую ситуацию, добились провозглашения независимости своих республик. А потом, в РСФСР – в октябре 1993 года – избавились и от последней формы контроля, ограничения своих властных амбиций – советов. Добились, наконец, полной власти. Абсолютной.

Приложение

Документы 1991года

Заявление глав государств Республики Беларусь, РСФСР, Украины

Мы, руководители Республики Беларусь, РСФСР, Украины,

– отмечая, что переговоры о подготовке нового Союзного договора зашли в тупик, объективный процесс выхода республик из состава Союза ССР и образования независимых государств стал реальным фактом;

– констатируя, что недальновидная политика центра привела к глубокому экономическому и политическому кризису, к развалу производства, катастрофическому понижению жизненного уровня практически всех слоев общества;

– принимая во внимание возрастание социальной напряженности во многих регионах бывшего Союза ССР, что привело к межнациональным конфликтам с многочисленными человеческими жертвами;

– осознавая ответственность перед своими народами и мировым сообществом и назревшую потребность в практическом осуществлении политических и экономических реформ, заявляем об образовании Содружества Независимых Государств, о чем сторонами 8 декабря 1991 года подписано Соглашение.

Содружество независимых государств в составе республики Беларусь, РСФСР, Украины является открытым для присоединения всех государств – членов Союза ССР, а также для иных государств, разделяющих цели и принципы настоящего Соглашения.

Государства – члены Содружества намерены проводить курс на укрепление международного мира и безопасности. Они гарантируют выполнение международных обязательств, вытекающих для них из договоров и соглашений бывшего Союза ССР, обеспечивают единый контроль за ядерным оружием и его нераспространение.

8 декабря 1991 года, г. Минск

Председатель Верховного Совета

Республики Беларусь С.Шушкевич

Президент РСФСР Б.Ельцин

Президент Украины Л.Кравчук

«Советская Беларусь», 1991, 10 декабря.

Соглашение о создании Содружества Независимых Государств

Мы, Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР), Украина, как государства – учредители Союза ССР, подписавшие Союзный договор 1922 года, далее именуемые Высокими Договаривающимися Сторонами, констатируем, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование.

Основываясь на исторической общности наших народов и сложившихся между ними связях, учитывая двусторонние договоры, заключенные между Высокими Договаривающимися Сторонами,

стремясь построить демократические правовые государства,

намереваясь развивать свои отношения на основе взаимного признания и уважения государственного суверенитета, неотъемлемого права на самоопределение, принципов равноправия и невмешательства во внутренние дела, отказа от применения силы, экономических или любых других методов давления, урегулирования спорных проблем согласительными средствами, других общепризнанных принципов и норм международного права,

считая, что дальнейшее развитие и укрепление отношений дружбы, добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества между нашими государствами отвечают коренным национальным интересам их народов и служат делу мира и безопасности,

подтверждая свою приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, Хельсинкского заключительного акта и других документов Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе,

обязуясь соблюдать общепризнанные международные нормы о правах человека и народов,

договорились о нижеследующем:

Статья 1.

Высокие Договаривающиеся Стороны образуют Содружество Независимых Государств.

Статья 2.

Высокие Договаривающиеся Стороны гарантируют своим гражданам независимо от их национальности или иных различий равные права и свободы. Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон гарантирует гражданам других сторон, а также лицам без гражданства, проживающим на ее территории, независимо от их национальной принадлежности или иных различий гражданские, политические, социальные, экономические и культурные права и свободы в соответствии с общепризнанными международными нормами о правах человека.

Статья 3.

Высокие Договаривающиеся Стороны, желая способствовать выражению, сохранению и развитию этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности населяющих их территории национальных меньшинств и сложившихся уникальных этнокультурных регионов, берут их под свою защиту.

Статья 4.

Высокие Договаривающиеся Стороны будут развивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество своих народов и государств в области политики, экономики, культуры, образования, здравоохранения, охраны окружающей среды, науки, торговли, в гуманитарной и иных областях, содействовать широкому информационному обмену, добросовестно и неукоснительно соблюдать взаимные обязательства.

Стороны считают необходимым заключить соглашения о сотрудничестве в указанных областях.

Статья 5.

Высокие Договаривающиеся Стороны признают и уважают территориальную целостность друг друга и неприкосновенность существующих границ в рамках Содружества.

Они гарантируют открытость границ, свободу передвижения граждан и передачи информации в рамках Содружества.

Статья 6.

Государства – члены Содружества будут сотрудничать в обеспечении международного мира и безопасности, осуществлении эффективных мер сокращения вооружений и военных расходов. Они стремятся к ликвидации всех ядерных вооружений, всеобщему и полному разоружению под строгим международным контролем.

Стороны будут уважать стремление друг друга к достижению статуса безъядерной зоны и нейтрального государства.

Государства – члены Содружества будут сохранять и поддерживать под объединенным командованием общее военно-стратегическое пространство, включая единый контроль над ядерным оружием, порядок осуществления которого регулируется специальным соглашением.

Они также совместно гарантируют необходимые условия размещения и функционирования, материального и социального обеспечения стратегических вооруженных сил. Стороны обязуются проводить согласованную политику по вопросам социальной защиты и пенсионного обеспечения военнослужащих и их семей.

Статья 7.

Высокие Договаривающиеся Стороны признают, что к сфере их совместной деятельности, реализуемой на равноправной основе через общие координирующие институты Содружества, относятся:

- координация внешнеполитической деятельности;
- сотрудничество в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков, в области таможенной политики;
- сотрудничество в развитии систем транспорта и связи;
- сотрудничество в области охраны окружающей среды, участие в создании всеобъемлющей международной системы экологической безопасности;
- вопросы миграционной политики;
- борьба с организованной преступностью.

Статья 8.

Стороны осознают планетарный характер чернобыльской катастрофы и обязуются объединять и координировать свои усилия по минимизации и преодолению ее последствий.

Они договорились заключить в этих целях специальное соглашение, учитывающее тяжесть последствий катастрофы.

Статья 9.

Споры относительно толкования и применения норм настоящего Соглашения подлежат разрешению путем переговоров между

соответствующими органами, а при необходимости – на уровне глав правительств и государств.

Статья 10.

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон оставляет за собой право приостановить действия настоящего Соглашения или отдельных его статей, уведомив об этом участников Соглашения за год.

Положения настоящего Соглашения могут быть дополнены или изменены по взаимному согласию Высоких Договаривающихся Сторон.

Статья 11.

С момента подписания настоящего Соглашения на территориях подписавших его государств не допускается применение норм третьих государств, в том числе бывшего Союза ССР.

Статья 12.

Высокие Договаривающиеся Стороны гарантируют выполнение международных обязательств, вытекающих для них из договоров и соглашений бывшего Союза ССР.

Статья 13.

Настоящее Соглашение не затрагивает обязательств Высоких Договаривающихся Сторон в отношении третьих государств.

Настоящее Соглашение открыто для присоединения всех государств – членом бывшего Союза ССР, а также для иных государств, разделяющих цели и принципы настоящего Соглашения.

Статья 14.

Официальным местом пребывания координирующих органов Содружества является город Минск.

Деятельность органов бывшего Союза ССР на территориях государств – членом Содружества прекращается.

Совершено в городе Минске 8 декабря 1991 года в трех экземплярах каждый на белорусском, русском и украинском языках, причем три текста имеют одинаковую силу.

За Республику Беларусь

С.ШУШКЕВИЧ
В.КЕБИЧ

За РСФСР

Б.ЕЛЬЦИН
Г.БУРБУЛИС

За Украину

Л.КРАВЧУК
В.ФОКИН

«Советская Белоруссия», 1991, 11 декабря.

Заявление М.С.Горбачева в связи с соглашением глав трех государств о создании СНГ

9 декабря 1991 г.

8 декабря 1991 года в Минске руководители Беларуси, РСФСР и Украины заключили соглашение о создании Содружества Независимых Государств.

Для меня, как Президента страны, главным критерием оценки этого документа является то, насколько он отвечает интересам безопасности

граждан, задачам преодоления нынешнего кризиса, сохранения государственности и продолжения демократических преобразований.

Это соглашение имеет позитивные моменты.

Участие в нем приняло украинское руководство, которое в последнее время не проявляло активности в договорном процессе.

В документе подчеркивается необходимость создания единого экономического пространства, функционирующего на согласованных принципах, при единой валюте и финансово-банковской системе. Выражается готовность к сотрудничеству в области науки, образования, культуры и других сферах. Предлагается определенная формула взаимодействия в военно-стратегической области.

Однако это документ такого значения, он настолько глубоко затрагивает интересы народов нашей страны, всего мирового сообщества, что требует всесторонней политической и правовой оценки.

В любом случае для меня очевидно следующее. Соглашение прямо объявляет о прекращении существования Союза ССР. Безусловно, каждая республика имеет право выхода из Союза, но судьба многонационального государства не может быть определена волей руководителей трех республик. Вопрос этот должен решаться только конституционным путем с участием всех суверенных государств и учетом воли их народов.

Неправомерно и опасно также заявление о прекращении действия общесоюзных правовых норм, что может лишь усилить хаос и анархию в обществе.

Вызывает недоумение скоропалительность появления документа. Он не был обсужден ни населением, ни Верховными Советами республик, от имени которых подписан. Тем более это произошло в тот момент, когда в парламентах республик обсуждается проект Договора о Союзе суверенных Государств, разработанный Государственным Советом СССР.

В создавшейся ситуации, по моему глубокому убеждению, необходимо, чтобы все Верховные Советы республик и Верховный Совет СССР обсудили как проект Договора о Союзе Суверенных Государств, так и соглашение, заключенное в Минске. Поскольку в соглашении предлагается иная формула государственности, что является компетенцией Съезда народных депутатов СССР, необходимо созвать такой Съезд. Кроме того, я бы не исключал и проведение всенародного референдума (плебисцита) по этому вопросу.

М. Горбачев.

«Известия», 1991, 10 декабря

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР
О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых
Государств**

Верховный Совет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, руководствуясь пунктом 15 статьи 109 Конституции (Основного Закона) РСФСР, постановляет:

1. Ратифицировать Соглашение между Республикой Беларусь, Российской Федерацией (РСФСР) и Украиной о создании Содружества Независимых Государств, подписанное в г. Минске 8 декабря 1991 года.

2. В целях создания условий, необходимых для реализации статьи 11 названного Соглашения, установить, что на территории РСФСР до принятия соответствующих законодательных актов РСФСР нормы бывшего Союза ССР применяются в части, не противоречащей Конституции РСФСР, законодательству РСФСР и настоящему Соглашению.

3. Президиуму Верховного Совета РСФСР во взаимодействии с Президентом РСФСР и Правительством РСФСР обеспечить представление Верховному Совету РСФСР проектов нормативных актов, вытекающих из положений Соглашения о создании Содружества Независимых Государств.

Верховный Совет РСФСР обращается ко всем государствам – бывшим союзным республикам СССР, независимо от их национальных, религиозных и иных различий, разделяющим идеи Соглашения, с предложением присоединиться к Содружеству Независимых Государств для взаимовыгодного сотрудничества в интересах всех народов.

Председатель Верховного Совета РСФСР Р.И.Хасбулатов
Москва, Дом Советов РСФСР
12 декабря 1991 года.

«Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР», № 51, 19 декабря 1991 года, с.2050.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР О денонсации Договора об образовании СССР

Руководствуясь Декларацией о государственном суверенитете РСФСР и в соответствии с пунктом 15 статьи 109 Конституции (Основного Закона) РСФСР, Верховный Совет РСФСР постановляет:

Денонсировать Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик, утвержденный I Съездом Советов СССР 30 декабря 1922 года в городе Москве.

Председатель Верховного Совета РСФСР Р.И.Хасбулатов
Москва, Дом Советов РСФСР
12 декабря 1991 года.

«Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР», № 51, 19 декабря 1991 года, с.2050.

Заявление Президента СССР

Верховные Советы Республики Беларусь и РСФСР приняли решение об отзыве своих представителей из Верховного Совета СССР. В связи с этим заявляю следующее.

Подобные решения в нынешней трудной политической и социально-экономической ситуации в стране не служат стабильности общества. Сейчас, когда на карту поставлена судьба государства, надо все сделать, чтобы решения по этому главному вопросу были продуманными, взвешенными и безошибочными. А это можно сделать только на основе конституционности и

нормального демократического процесса. Торопливость здесь недопустима, ибо она может обернуться тяжелыми последствиями для народов.

Призываю парламенты обеих республик еще раз вернуться к рассмотрению этого вопроса.

М. Горбачев

12 декабря 1991 года.
«Правда», 1991, 14 декабря.

Послание М.С.Горбачева
участникам встречи в Алма-Ате по созданию
Содружества независимых государств

18 декабря 1991 г.

Уважаемые товарищи!

Перед встречей, которая определит, каковы будут отношения между новыми суверенными государствами и какое место они вместе и отдельно займут в мировом сообществе, хочу поделиться с вами некоторыми соображениями.

Полагаю, у меня есть на это право – и моральное, и политическое.

Ратификация соглашения о создании содружества независимых государств Верховными Советами РСФСР, Украины, Беларуси и готовность Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана войти в состав учредителей содружества коренным образом изменили ситуацию. Государственная форма жизни многочисленных народов великой страны начинает свою новую историю. На её территории образуются несколько независимых государств. На смену длительному и трудному историческому процессу формирования единой страны приходит процесс её разъединения, расчленения. И он также не будет легким. Тут не должно быть никаких иллюзий. Очевидно, что общество еще не осознало, что это – поворот колоссального масштаба, затрагивающий основы жизни народов и граждан.

С самого начала перестройки мы шаг за шагом шли к тому, чтобы все республики обрели подлинную независимость. Но я все время настаивал на том, что нельзя допустить распада страны. Таково было и есть мое понимание воли народов, выраженной на референдуме, – как их стремление к независимости при сохранении целостности исторического союза. Эта мысль и это беспокойство лежали в основе моей формулы о «Союзе суверенных государств», которая первоначально встретила вашу поддержку.

Пишу вам не для того, чтобы возвращаться к дискуссии на эту тему. Сейчас реальностью становится идея содружества независимых государств. И важно, жизненно важно, чтобы этот самый сложный процесс не усилил разрушительные тенденции, наметившиеся в обществе. Ведь для всех очевидно, что переход будет происходить в обстановке глубочайшего экономического, политического и межнационального кризиса, значительного снижения жизненного уровня.

Со всей серьезностью я отнесся к тому, что содержится в документах, принятых в Бресте и Ашхабаде, в ратификационных постановлениях Верховных Советов трех республик. Обдумывая свои соображения, я

учитывал и общественную реакцию внутри и вне страны, вопросы, которые остались открытыми.

Смысл соображений в том, чтобы очертить минимум положений, без которых содружество в современных условиях, как мне представляется, не сможет стать жизнеспособным.

Среди них, оговорюсь сразу, есть вещи очевидные, которые все вы признаете. Но я тоже не могу их не зафиксировать в своем послании.

Первое. Должно быть четко зафиксировано понимание содружества как многонационального образования при абсолютном равенстве не только самих государств, но и живущих в них национальностей, всех религий, традиций, обычаев, геополитического местонахождения.

Наиболее подходящим названием поэтому для содружества мне представляется: «Содружество европейских и азиатских государств» (СЕАГ).

Второе. Мало просто официально признать Декларацию прав человека и демократических свобод. При уникальной расселенности людей на огромных пространствах, где на протяжении веков перемешивались и пересекались судьбы миллионов семей, где десятки миллионов смешанных браков, проблема открытости границ и гражданства должна быть проработана особенно тщательно.

Уверен, что у всех, кто не заражен национализмом и сепаратизмом, а это сотни миллионов, неизбежно возникнет чувство утраты «большой Родины». А когда практически начнется процесс государственного, административного и прочего размежевания, определения условий гражданства, это затронет очень многих самым непосредственным образом – в быту, на производстве, в человеческих связях.

Поэтому, возможно, на какой-то довольно длительный период придется согласиться с нормой – «гражданин содружества» наряду с гражданством в соответствующем государстве.

Боюсь, что если это все не будет обдуманно, решено и надежно гарантировано, концепция содружества будет отвергнута на народном уровне.

Третье. Для стабильности содружества решающее значение имеет создание социально ориентированной рыночной экономики, беспрепятственное развитие и защита всех форм собственности. Я разделяю мнение тех, кто считает необходимым подтвердить решимость участников содружества соблюдать Договор об экономическом сообществе и завершить работу над комплексом приложений, предусматривающих необходимые условия создания общего «евразийского рынка». В том числе – согласованные меры по таким важным вопросам, как валютно-финансовая и банковская система, методика ценообразования и налогообложения, таможенные сборы, бюджетные ассигнования на оборону и другие общие цели.

Я убежден: потребуются соответствующие структуры экономического взаимодействия в рамках содружества.

Убежден и в другом: все это станет возможным, заработает на благо людей и народов только в условиях действительных гарантий экономических прав и свобод личности, их безусловной защиты в законе и на практике.

Четвертое. С полной ответственностью и знанием дела относительно целостной системы военно-стратегической безопасности страны могу сказать, что малейшие попытки дезинтегрировать эту систему чреваты бедой международного масштаба.

С точки зрения утверждения реального суверенитета членов содружества делить эту сложнейшую и крайне дорогостоящую систему нет никакой необходимости. Договаривающиеся стороны могли бы определить безотлагательно структуры единого контроля и главнокомандования стратегическими силами, включая все основные военно-технические и научно-оборонные компоненты. Коллективное командование – это абсурд. Коллективным может быть контроль за состоянием и содержанием вооруженных сил и за проведением согласованной военной политики.

Совместного решения требует и проблема реформирования и сокращения армии. Это теперь – крупнейшая социальная проблема. Одновременно это проблема политической безопасности на территории всей страны, которой пока принадлежат испокон века единые вооруженные силы.

Пятое. Самостоятельная, суверенная деятельность каждого члена содружества на мировой арене правомерна. Но если есть содружество, а это политическое образование, то должно быть и его политическое представительство в мировом сообществе. По типу, скажем, Европейского сообщества, которое является **субъектом международного права**. Отказываться в таком статусе содружеству нельзя еще и потому, что от СССР оно унаследует статус ядерной сверхдержавы. От такого наследия так просто не избавиться. Иначе произойдет срыв международного доверия, будет нарушен Договор о нераспространении ядерного оружия, который все суверенные члены содружества вроде бы обязались подтвердить.

Я не представляю себе, как можно сохранить общую стратегическую оборону без минимума общей внешней политики.

Самое разумное было бы иметь структуру по делам внешних сношений, приспособив её к нуждам и принципам содружества, включая и вопрос о членстве в Совете Безопасности ООН.

Подписи Союза стоят под важнейшими документами эпохи – декларациями и договорами. Остаются действующими 15.000 внешнеэкономических соглашений. Просто это все перечеркнуть – значило бы с первых шагов нанести ущерб международному престижу содружества и его реальным интересам.

Так же как все члены содружества, очевидно, подтвердят свою приверженность принципам современной демократии (свободные выборы, разделение властей, политический, идейный, религиозный плюрализм, правовое государство, гражданское общество, права человека), они должны воспринять и внешнеполитический курс, построенный на новом мышлении. Он получил признание во всем цивилизованном мире.

Шестое. Будет нанесен невосполнимый урон духовному развитию всех народов, если уже сейчас члены содружества не договорятся о координации (и о ее органах) в области науки и культуры, языка межнационального общения, охраны памятников, об источниках содержания музеев, мирового

класса театров, библиотек, архивов, крупнейших институтов, лабораторий, обсерваторий и т.п.

Седьмое. О процедуре правопреемства. Начинать новую эпоху в истории страны надо с достоинством, с соблюдением норм легитимности. Одной из причин исторических несчастий наших народов являются как раз грубые разрывы, разрушительные перевороты, захватные методы в ходе общественного развития.

И есть предпосылки, есть и опыт, чтобы действовать в рамках демократических правил.

Поэтому я предложил бы после ратификации документа о содружестве и обмена ратификационными грамотами провести заключительное заседание Верховного Совета СССР, который принял бы свое постановление о прекращении существования Советского Союза и передаче всех его законных прав и обязательств содружеству европейских и азиатских государств.

Таковы мои самые общие соображения. Они продиктованы ответственностью за конечный успех великого дела, начатого в 1985 году.

М. Горбачев.

18 декабря 1991 года.

«Правда», 1991, 20 декабря.

Алма-Атинская декларация

Независимые государства

– Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Молдова, Российская Федерация (РСФСР), Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан и Украина,

стремясь построить демократические правовые государства, отношения между которыми будут развиваться на основе взаимного признания и уважения государственного суверенитета и суверенного равенства, неотъемлемого права на самоопределение, принципов равноправия и невмешательства во внутренние дела, отказа от применения силы и угрозы силой, экономических и любых других методов давления, мирного урегулирования споров, уважения прав и свобод человека, включая права национальных меньшинств, добросовестного выполнения обязательств и других общепризнанных принципов и норм международного права;

признавая и уважая территориальную целостность друг друга и нерушимость существующих границ;

считая, что укрепление имеющих глубокие исторические корни отношений дружбы, добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества отвечает коренным интересам народов и служит делу мира и безопасности;

осознавая свою ответственность за сохранение гражданского мира и межнационального согласия;

будучи приверженными целям и принципам Соглашения о создании Содружества независимых государств,

заявляют о нижеследующем:

взаимодействие участников содружества будет осуществляться на принципе равноправия через координирующие институты, формируемые на паритетной основе и действующие в порядке, определяемом соглашениями между участниками содружества, которое не является ни государством, ни надгосударственным образованием.

В целях обеспечения международной стратегической стабильности и безопасности будет сохранено объединенное командование военно-стратегическими силами и единый контроль над ядерным оружием; стороны будут уважать стремление друг друга к достижению статуса безъядерного и (или) нейтрального государства.

Содружество независимых государств открыто с согласия всех его участников для присоединения к нему государств – членов бывшего Союза ССР, а также иных государств, разделяющих цели и принципы содружества.

Подтверждается приверженность сотрудничеству в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков.

С образованием Содружества независимых государств Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование.

Государства – участники содружества гарантируют в соответствии со своими конституционными процедурами выполнение международных обязательств, вытекающих из договоров и соглашений бывшего Союза ССР.

Государства – участники содружества обязуются неукоснительно соблюдать принципы настоящей декларации.

За Азербайджанскую Республику А. МУТАЛИБОВ

За Республику Армения Л. ТЕР-ПЕТРОСЯН

За Республику Беларусь С. ШУШКЕВИЧ

За Республику Казахстан Н. НАЗАРБАЕВ

За Республику Кыргызстан А. АКАЕВ

За Республику Молдова М. СНЕГУР

За Российскую Федерацию (РСФСР) Б. ЕЛЬЦИН

За Республику Таджикистан Р. НАБИЕВ

За Туркменистан С. НИЯЗОВ

За Республику Узбекистан И. КАРИМОВ

За Украину Л. КРАВЧУК

Алма-Ата,

21 декабря 1991 года.

«Правда», 1991, 23 декабря.

Протокол

Совещания глав независимых государств

Исходя из закрепленного в Соглашении о создании Содружества независимых государств и в алма-атинской декларации положения о сохранении под объединенным командованием общего военно-стратегического пространства и единого контроля над ядерным оружием, Высокие Договаривающиеся Стороны согласились о нижеследующем:

до решения вопроса о реформировании Вооруженных Сил поручить командование Вооруженными Силами маршалу Шапошникову Е. И.

Предложения по этому вопросу внести к 30 декабря 1991 г. на рассмотрение глав государств.

**Решение Совета глав государств
Содружества независимых государств**

Государства–участники содружества, ссылаясь на статью 12 соглашения о создании Содружества независимых государств, исходя из намерения каждого государства выполнять обязательства по Уставу ООН и участвовать в работе этой организации в качестве полноправных членов,

учитывая, что первоначальными членами ООН являлись Республика Беларусь, СССР и Украина,

выражая удовлетворение тем, что Республика Беларусь и Украина продолжают участвовать в ООН в качестве суверенных независимых государств,

будучи преисполнены решимости содействовать укреплению международного мира и безопасности на основе Устава ООН в интересах своих народов и всего международного сообщества,

решили:

1. Государства содружества поддерживают Россию в том, чтобы она продолжила членство СССР в ООН, включая постоянное членство в Совете Безопасности, и других международных организациях.

2. Республика Беларусь, РСФСР, Украина окажут другим государствам содружества поддержку в решении вопросов их полноправного членства в ООН и других международных организациях.

Алма-Ата,

21 декабря 1991 года.

**Соглашение о координационных институтах
Содружества независимых государств**

1. Для решения вопросов, связанных с координацией деятельности государств содружества в сфере общих интересов, создать высший орган содружества — «Совет глав государств», а также «Совет глав правительств».

2. Поручить полномочным представителям государств содружества внести к 30 декабря 1991 года на рассмотрение Совета глав государств предложения об упразднении структур бывшего Союза ССР, а также о координационных институтах содружества.

**Соглашение
о совместных мерах в отношении ядерного оружия**

Республика Беларусь, Республика Казахстан, Российская Федерация (РСФСР) и Украина, именуемые в дальнейшем «государства-участники»,

подтверждая свою приверженность нераспространению ядерного оружия,

стремясь к ликвидации всех ядерных вооружений,

желая содействовать укреплению международной стабильности, согласились с нижеследующим:

Статья 1.

Ядерные вооружения, входящие в состав объединенных стратегических вооруженных сил, обеспечивают коллективную безопасность всех участников Содружества независимых государств.

Статья 2.

Государства — участники настоящего соглашения подтверждают обязательство о неприменении ядерного оружия первым.

Статья 3.

Государства — участники настоящего соглашения совместно вырабатывают политику по ядерным вопросам.

Статья 4.

До полной ликвидации ядерного оружия на территориях Республики Беларусь и Украины решение о необходимости его применения принимается по согласованию с главами государств — участников соглашения Президентом РСФСР на основе процедур, разработанных совместно государствами-участниками.

Статья 5.

1. Республика Беларусь, Украина обязуются присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия 1968 года в качестве неядерных государств и заключить с МАГАТЭ соответствующее соглашение о гарантиях.

2. Государства—участники настоящего соглашения обязуются не передавать кому бы то ни было ядерного оружия или другие ядерные взрывные устройства и технологии, а также контроль над такими ядерными и взрывными устройствами, ни прямо, ни косвенно; равно как никоим образом не помогать, не поощрять и не побуждать какое-либо государство, не обладающее ядерным оружием, к производству или к приобретению каким-либо иным способом, ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также контроль над таким оружием или взрывными устройствами.

3. Положения пункта 2 настоящей статьи не препятствуют перемещению ядерного оружия с территории Республики Беларусь, Республики Казахстан и Украины на территорию РСФСР с целью его уничтожения.

Статья 6.

Государства—участники настоящего соглашения в соответствии с международным договором будут содействовать ликвидации ядерного оружия. К 1 июля 1992 года Республика Беларусь, Республика Казахстан и Украина обеспечат вывоз тактического ядерного оружия на центральные предзаводские базы для его разукрупнения под совместным контролем.

Статья 7.

Правительства Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации (РСФСР), Украины обязуются представить договор по СНВ на ратификацию в Верховные Советы своих государств.

Статья 8.

Настоящее соглашение подлежит ратификации. Оно вступит в силу на 30-й день после сдачи всех ратификационных грамот на хранение правительству РСФСР.

За Республику Беларусь С. ШУШКЕВИЧ
 За Республику Казахстан Н. НАЗАРБАЕВ
 За Российскую Федерацию Б. ЕЛЬЦИН
 За Украину Л. КРАВЧУК

Протокол

к Соглашению о создании Содружества независимых государств, подписанному 8 декабря 1991 года в г. Минске Республикой Беларусь, Российской Федерацией (РСФСР), Украиной

Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Молдова, Российская Федерация (РСФСР), Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан и Украина на равноправных началах и как Высокие Договаривающиеся Стороны образуют Содружество независимых государств.

Соглашение о создании Содружества независимых государств вступает в силу для каждой из Высоких Договаривающихся Сторон с момента его ратификации.

На основе Соглашения о создании Содружества независимых государств и с учетом оговорок, сделанных при его ратификации, будут выработаны документы, регламентирующие сотрудничество в рамках содружества.

Настоящий протокол является составной частью соглашения о создании Содружества независимых государств. < >

Алма-Ата,
 21 декабря 1991 года.

«Правда», 1991, 23 декабря.

Воспоминания

Вспоминает Б.Н.Ельцин

... Беловежская встреча проходила в обстановке секретности, резиденцию даже охраняло особое спецподразделение.

...Мне показалось, что Шушкевич представлял себе эту встречу несколько иначе, более раздумчивой, спокойной. Он предлагал поохотиться, походить по лесу. Но было не до прогулок. Мы работали как заведенные, в эмоциональном, приподнятом настроении.

Напряжение встречи усиливалось с каждой минутой. С нашей стороны над документами работали Бурбулис, Шахрай, Гайдар, Козырев, Илюшин. Была проделана гигантская работа над концепцией, формулами нового, Беловежского договора, и было ясно, что все эти соглашения надо подписывать здесь же, не откладывая. <...>

Глядя на внешне спокойные, но все-таки очень напряженные, даже возбужденные лица Кравчука и Шушкевича, я не мог не понимать, что мы всерьез и, пожалуй, навсегда «отпускаем» Украину с Белоруссией,

предоставляя им закрепленный самим текстом договора равный статус с Россией. <...>

Пробил последний час советской империи.

Я понимал, что меня будут обвинять в том, что я свожу счеты с Горбачевым. Что сепаратное соглашение – лишь средство устранения его от власти. Я знал, что теперь эти обвинения будут звучать на протяжении всей моей жизни. Поэтому решение было вдвойне тяжелым. Помимо политической ответственности, предстояло принять еще и моральную.

Я хорошо помню: там, в Беловежской пуще, вдруг пришло ощущение какой-то свободы, легкости. Подписывая это соглашение, Россия выбирала иной путь развития. Дело было не в том, что от тела бывшей империи отделились столетия назад завоеванные и присоединенные части. Культурная, бытовая, экономическая и политическая интеграция рано или поздно сделает свое дело – и эти части все равно останутся в зоне общего сотрудничества. Россия вступала на мирный, демократический, не имперский путь развития. Она выбирала новую глобальную стратегию. Она отказывалась от традиционного образа «властительницы полумира», от вооруженного противостояния с западной цивилизацией, от роли жандарма в решении национальных проблем.

Быть может, я и не мог до конца осознать и осмыслить всю глубину открывшейся мне перспективы. Но я почувствовал сердцем: большие решения надо принимать легко.

Отдавал ли я себе отчет в том, что, не сохраняя единого правительства в Москве, мы не сохраняем и единую страну?

Да, отдавал. <...>

Беловежское соглашение, как мне тогда казалось, было нужно прежде всего для того, чтобы резко усилить центростремительную тенденцию в развалившемся Союзе, стимулировать договорный процесс. <...>

Я был убежден, что России нужно избавиться от своей имперской миссии, но при этом нужна и более сильная, жесткая, даже силовая на каком-то этапе политика, чтобы окончательно не потерять свое значение, свой авторитет, чтобы провести реформы. <...>

Когда документы были в основном готовы, мы решили связаться с Назарбаевым, чтобы пригласить его, Президента Казахстана, в учредители содружества. Как раз в этот момент Назарбаев находился в воздухе, в самолете, на пути к Москве. Это была заманчивая идея – повернуть его самолет, чтобы он прямо сейчас же прилетел к нам. Мы попытались связаться с его самолетом. Выясняется, что в нем нет такой системы связи, по которой мы могли бы соединиться. Тогда пытаемся это сделать через диспетчерскую Внукова. Это был реальный вариант, Назарбаев в кабине летчика мог бы переговорить с нами и развернуть самолет в нашу сторону. Однако вскоре выясняется, что руководство Министерства гражданской авиации Союза запретило диспетчерам аэропорта давать нам служебную радиосвязь. Пришлось дожидаться прилета Назарбаева, и он позвонил нам уже из Внукова.

Каждый из нас переговорил с ним по телефону. Я прочитал ему подготовленные для подписания документы. «Я поддерживаю идею создания СНГ, – сказал он. – Ждите меня, скоро к вам вылетчу».

Однако Назарбаева мы в тот день так и не дождались. Чуть позже мне позвонил кто-то из его секретариата и передал, что Президент Казахстана не сможет прилететь...

Назарбаев не приехал. И мы втроем закрепили своими подписями историческое беловежское соглашение.

Ельцин Б.Н. Записки президента.- М.: Огонек, 1994, с. 150-154.

Вспоминает Л.М.Кравчук

Книга Леонида Кравчука, вышедшая в 1994 году в Киеве, – это запись девяти его бесед с главным редактором «Киевских ведомостей» Сергеем Кичигиным, в январе-мае 94-го. Первая глава книги, выдержки из которой публикуются, озаглавлена – «Тайна Беловежской Пуши».

Л.К. -...Встреча в Беловежской Пуще – не для людей со слабыми нервами. Состоялась она на базе заповедно-охотничьего хозяйства в комплексе, возведенном еще при Брежнев. Он там встречался с соседями – руководителями социалистических стран.

С.К. -...*Кому принадлежит идея создания СНГ, кто первый ее сформулировал, кто был инициатором?*

Л.К. - Однозначно ответить трудно. Здесь необходимо сделать хотя бы небольшой экскурс в калейдоскоп событий последних лет, когда республики начали обсуждать подходы для создания нового союзного договора. Тогда я уже был членом Совета Федерации. Первые встречи состоялись в Москве под председательством Горбачева.

Украинская сторона сразу отбросила федеративный принцип устройства будущего Союза. Мы с самого начала выступали за конфедерацию.

Нас поддержал Ельцин, поддержал пылко, и мы выступили вместе, единым фронтом. Не сразу и не так решительно, но все-таки поддержала нас и Белоруссия. Примеряясь к нашей идее, не спеша, но надежно подходил Назарбаев. Это было очень кстати. С нами вынуждены были считаться...

Идея конфедеративного устройства государства постепенно развивалась, однако в Москве, как в союзном центре, она поддержки не получила. Против нашей позиции очень резко выступил Горбачев. Словно по указке, против выступило и немало членов Совета Союза. Тогда-то мы в Киеве и взялись за более детальную разработку своего варианта.

С.К. - *Горбачев был против вашего варианта в принципе. Значит, дальнейшая детальная разработка делалась на всякий случай, в надежде на лучшие времена. Не так ли? И как вы действовали в такой ситуации – тайком, под грифом «Абсолютно секретно»?*

Л.К. - Секретов особых не было. Работали, но старались не привлекать лишнего внимания. Работали и верили, что лучшие времена наступят. А к ним нужно готовиться загодя. Был задействован очень узкий круг лиц. Просто мы понимали, что не следует нагнетать обстановку преждевременно.

С.К. - *А «мы» – это кто?*

Л.К. - В то время я был Председателем Верховного Совета Украины и соответственно с должностью возглавлял подготовку этого важного документа. Я поручил Владимиру Борисовичу Гриневу связаться с Верховными Советами других республик и учитывать их предложения, уточнять их позиции по этому вопросу. А уже потом подать для обсуждения наш вариант союзного договора на конфедеративной основе.

Работа велась. У нас, в Киеве, состоялось несколько консультативных встреч – приезжали белорусы, представители других республик на уровне заместителей председателей Верховных Советов. В Киеве мы и завершили работу над проектом нового союзного договора.

С.К. *Итак, вы стали инициатором и архитектором разработки переустройства Союза?*

Л.К. - Скажем так – не я, а Украина. Украина выступила инициатором и до конца отстаивала свою точку зрения. И не только отстаивала. Поскольку нашу идею не понимали и не воспринимали в Москве, нам ничего не оставалось, как создать свой вариант договора у себя, в Киеве. Что мы шли правильной дорогой, лично у меня сомнений не возникало. Уверенность эта, кстати, придавала необходимые энергию, силу.

С.К. - *Кто же предложил собраться в Беловежской Пуще?*

Л.К. - Предложил я. Предложил сначала Шушкевичу, а затем через него – Ельцину. Все дали согласие. Ельцин поступил предусмотрительно: он соединил подписание двустороннего соглашения между Россией и Белоруссией с нашей встречей.

С.К. - *Я читал в прессе о том, что Ельцин и Шушкевич подписали соглашение об экономическом сотрудничестве двух республик, которое еще надежнее должно было цементировать фундамент Союза. Но в Белоруссию зачем-то прибыл Кравчук...*

Л.К. - Мое появление там было мотивированным. Борис Николаевич имел поручение от Горбачева – поговорить со мной о подписании союзного договора.

Я, вообще-то, предлагал собраться раньше, но Ельцин не мог вырваться из Москвы – не находилось повода. Когда повод появился, Борис Николаевич сразу прилетел в Минск. Я же постоянно пребывал в состоянии полной боевой готовности. Припоминаю, звонит Шушкевич и говорит:

– Борис Николаевич уже в Минске. Ждем вас, как и договаривались.

Я сразу и вылетел. В аэропорту меня атаковали журналисты – с какой целью прибыл в Белоруссию? Я был не так уж далек от истины, когда отвечал им, что прилетел посоветоваться – как быть с союзным договором.

В первый день обсудить самое главное так и не удалось – встреча в Минске, перелет в Беловежскую Пущу, а прибыли туда уже под вечер, ужин, белорусы, как и украинцы, народ гостеприимный...

С.К. - *Вы прилетели в Пущу вечером, а утром должна была быть встреча с Ельциным и Шушкевичем уже за столом переговоров. Как вам спалось в ту ночь на новом месте? Непокойно?*

Л.К. - Тогда все спали очень мало. Ужинали весьма поздно. Потом, перед сном, решили подышать свежим воздухом. Часа два, наверное, ходили своей,

«украинской компанией». Понятно, говорили о будущей встрече. Для нас она была очень важной. Мы должны были решить для себя: как и куда идти дальше. Я старался молчать – больше слушал других. Прикидывал различные варианты, но сошлись на том, что утро вечера мудренее. Когда пришел к себе в комнату, уже был второй час ночи. Спать не хотелось. Включил торшер и вынул из кармана пиджака свои записи, сделанные еще в Киеве. Снова перечитал их. У меня, должен сказать, память неплохая – в молодости я запоминал текст целыми страницами. Но дело не в этом – читал, задумываясь над каждым словом, чтобы лишний раз убедиться в том, что прав. Переговоры должны быть очень ответственными – сбои или заминки недопустимы. Надо было подготовиться к ответу на самый сложный, даже коварный вопрос. Читал свои записи и размышлял над тем, что можно еще поправить, что нужно уточнить, от каких слов отказаться. Потом взял карандаш и подчеркнул ключевые положения. Еще раз пробежал глазами текст и снова спрятал записи.

Лег, но уснуть не могу – мысли не дают покоя. Еще дважды вставал, вынимал записи и перечитывал текст. Нет, я не сомневался в правоте своей идеи и в том, выступить с нею или подождать. Я еще в Киеве для себя решил ждать лишь подходящего случая. И вот он представился. Нельзя было не воспользоваться им...

... Наконец мы сели за стол переговоров. Ельцин, Гайдар и Бурбулис представляли на встрече Россию, я и Фокин – Украину, Шушкевич и Кебич – Белоруссию.

Первым слово взял Борис Николаевич. Сразу сообщил, что имеет поручение Горбачева: договориться с Украиной о подписании нового союзного договора.

С.К. - *Ельцин так серьезно воспринимал поручение Горбачева?*

Л.К. - Да, весьма серьезно. Я это сразу почувствовал, когда он начал тезисно излагать позицию Москвы. «Федерация или конфедерация. Здесь мы договоримся... Чего хочет Украина? Давайте рассмотрим... В чем может поступиться Украина...». Ну и все такое прочее. Все четко, конкретно – сразу видно, что подготовка проведена фундаментальная.

Ельцин спросил, согласны ли мы приступить к обсуждению, устраивает ли такая постановка вопроса.

Я прямо сказал:

– Нет, Борис Николаевич, не устраивает. На Украине ситуация уже изменилась. Состоялся референдум – пожалуйста, ознакомьтесь с результатами.

Ну и проинформировал всех присутствующих более детально – они тогда подробностей еще не знали. Зачитал полностью акт о независимости, познакомил с тем, как голосовали в регионах, за что голосовали, итоги в процентах назвал и так далее.

Ельцин заинтересовался – даже отчеты взял посмотреть.

– Та-ак, – говорит, – это просто непостижимо!

Белорусы тоже были удивлены.

А Борис Николаевич никак не успокоится:

– Что, и Донбасс проголосовал «за»?

– Да, – отвечаю. – Нет ни одного региона, где было бы менее половины голосов. Ситуация, как видите, изменилась существенно. Нужно искать другое решение.

А у самого в кармане вариант решения лежит. От руки написанный. Я его даже перепечатать не отдавал.

С.К. - *Боялись?*

Л.К. - Боялся. Наши служебные кабинеты имеют какую-то необыкновенную особенность: не успеешь какой-нибудь документ передать в машбюро, а уже все в курсе дела. Черт его знает, как это распространяется с такой быстротой! А здесь такой политический вопрос – не рискнул.

Начали обмениваться мнениями. Вопрос у всех один – как же теперь быть с Союзом?

Смотрю, Ельцин на меня поглядывает выжидательно. Я и решил – час пробил. И прочитал свои киевские заготовки. Очень было важно, как к ним отнесутся, поймут ли, что новое образование независимых государств должно разительно отличаться от схемы старого Союза, по своей сути должно быть ближе, наверное, к европейскому содружеству. (Кстати, аббревиатура СНГ к тому времени еще не родилась).

Волновался я, разумеется, как никогда в жизни. Но главное, думаю, мне удалось убедить всех присутствующих в том, что альтернативы у нас нет.

Я закончил – тишина. Поднимается Бурбулис и, доставая из кармана какие-то листки, говорит Ельцину:

– Борис Николаевич, тут у нас тоже кое-что есть – мы вам докладывали... Можно?

Выслушали Бурбулиса. Снова тишина. Тогда Шушкевич с Кебичем говорят нам, мол, это, очевидно, правильное направление в поиске решения – давайте обсуждать.

С.К. - *Вы вынесли на обсуждение свои конкретные предложения, но предложения имела и российская сторона. Насколько близкими оказались ваши позиции? Концептуально документы совпадали или нет?*

Л.К. - В ходе обсуждения я понял, что российская делегация готова к восприятию наших идей. Позиции оказались близкими, хотя и не совпадали по всем параметрам. Но концептуально документы совпадали. Были нюансы, но без существенных противоречий.

С.К. - *Это было случайностью?*

Л.К. - Безусловно, это была случайность. Если иметь в виду некоторые текстовые совпадения. Если же говорить о концепции – тут дело сложнее. Есть элемент случайности, но есть и элемент закономерности. Судите сами: мы знали, что Союз обречен, а эти без конца и края обсуждения латаного-перелатанного проекта союзного договора сами подтолкнули нас к поиску абсолютно иного решения. И не удивительно, что оно созрело в одночасье. А детали? Что ж до деталей, то всегда можно договориться – было бы желание и взаимопонимание. В Беловежской Пуще мне показалось, что наиболее подготовленным с точки зрения решительных перемен был Бурбулис. Он все понимал с полуслова. Ко всему, в команде Ельцина он был идеологом <...>

С.К. - *Поведение Ельцина на встрече, даже тот факт, что он начисто забыл о поручении Горбачева, лишь зашла речь о выборе нового решения, да и то обстоятельство, что он приехал в Белоруссию не с пустыми руками, – свидетельствуют о его готовности к переменам. Надеялся ли он получить от вас подобную инициативу? Или отважился бы на такое свое выступление, если бы вы промолчали?*

Л.К. - Интересный вопрос – психологический. Там, ясное дело, была настоящая борьба нервов. Нужно учитывать и это обстоятельство.

Если вы припоминаете, накануне переговоров в Беловежской Пуще состоялась еще одна встреча – с Горбачевым, в Кремле. Казалось бы, решающая встреча в плане подготовки к подписанию нового союзного договора. К тому времени Ельцин уже начал просто выводить из равновесия Михаила Сергеевича – сегодня Ельцин говорит одно, а завтра начинает склоняться на другую сторону; сегодня Борис Николаевич как будто бы дает согласие, а завтра, смотришь, будто бы ничего и не случилось, подбрасывает новую тему для дискуссии. Но вот решающая встреча. Она, к слову, едва ли не в полном объеме транслировалась Всесоюзным телевидением. Думаю, не случайно.

До сих пор помню те кадры: руководители республик выходят из зала заседаний, и Михаил Сергеевич каждого подводит к телекамере и каждому предоставляет слово: Ельцину, Назарбаеву, Шушкевичу, Акаеву... И все они, в том числе и Борис Николаевич, говорят всему народу, что решили подписать союзный договор.

Меня там не было – я тогда в Москву не поехал. Знал, что встреча будет очень тяжелой. А точнее, догадывался. У меня, к счастью, нашлись убедительные аргументы – я ездил по Украине и выступал как кандидат в президенты. Конечно же, я мог на какой-то день прилететь в Москву, но желания такого не имел. Потому позвонил и сказал, что приехать нет возможности – настал решающий момент в предвыборной борьбе. Однако телепередачу, естественно, не посмотреть не мог!..

Все они перед народом, и звучат слова – я за Союз, я за... Вот в какой пикантной ситуации оказались Ельцин и Шушкевич на встрече в Беловежской Пуще. Несколько дней назад они выступали за Союз, а сейчас приходится нарушать данное слово. Не солидно выходило. И все-таки истина дороже – они же видели, как тяжело, с непрерывными пробуксовками шел процесс демократизации. По сути дела, мы оказались в глухом политическом углу. Нужно было срочно что-то делать, и они прекрасно это понимали. Потому я далек от мысли, что кто-то из них боялся. Нет, но они были крепко связаны своими обещаниями.

С.К. - *Слово какое точное – «связаны».*

Л.К. - Именно так – связаны. Обещаниями подписать союзный договор. Я таких цепей не имел. Я – свободный. Нигде ничего не обещал, не выступал с официальными заявлениями. Потому вполне логично выглядело то, что на встрече в Беловежской Пуще я выступил первым.

В ходе переговоров (а они скорее напоминали живой обмен мнениями) мы и пришли к окончательному выводу – модель Союза нас больше не может

устраивать. И нет никакой необходимости включаться в процесс его реанимации.

Второй наш вывод – республики должны стать по-настоящему полностью независимыми государствами, а связи между ними должны строиться на новых принципах сотрудничества.

Часа два ушло на это обсуждение. Подняли на ноги юристов – имеем ли мы основания одобрять решения без участия союзного президента, без представителей других республик?

С.К. - *Говоря иными словами, вы заботились о легитимности?*

Л.К. - Именно так, мы хотели принять настоящий документ, документ, который бы ни у кого не вызывал никаких сомнений. Но сомнения возникли сразу – у наших юристов. Говорят, что нужно собрать всех, кто подписывал союзный договор. Не три республики, а всех.

Мы решили зайти с другой стороны. Россия, Украина и Белоруссия стояли у колыбели Союза. Им и решать, ведь другие республики присоединились к договору потом. Юристы все же считали, что по такому поводу нужно собраться всем вместе. Ибо могут возникнуть проблемы, если нас не поддержат и выступят против.

С.К. - *Боялись, что Горбачев применит силу?*

Л.К. - Думаю, что проблема могла быть в другом. Боялись, что люди не воспримут наше решение как должное, будет ли документ легитимным для них? Сомнения оставались. И торопиться было опрометчиво, и времени для раскачки не было. Цейтнот. Именно поэтому окончательный документ был подписан лишь 22 декабря 1991 года на очередной встрече в Алма-Ате. И его подписали все республики.

А тогда, на встрече в Беловежской Пуще, мы формировали принципы взаимоотношений будущего содружества. Сидели и формировали. Писал я, Бурбулис – все участвовали. Писали, обсуждали и сразу отдавали на перепечатку. Работа была очень напряженной.

С.К. - *А помощники что, не помогли?*

Л.К. - Да не было никаких помощников, сами работали. Когда документ был готов, встал извечный вопрос: что делать? Объявлять? Где и кому? Решили и поступили так: все вышли к журналистам и проинформировали их. Ельцин, Шушкевич и я ответили на вопросы корреспондентов. В подробности посвящать не стали.

Из кн. Л.Кравчука «Останні дні імперії... Перші кроки надії» («Последние дни империи... Первые шаги надежды»). Публикуется по: «Крымская правда», 23.03.96. Перевод В. Ярового.

Вспоминает С.С.Шушкевич

В домашнем кабинете Станислава Шушкевича на видном месте красуется забавная карикатура: Ельцин, Шушкевич и Кравчук «соображают на троих» на фоне Беловежской пущи.

– Станислав Станиславович, а что в Вискулях стояло на столах 5 лет назад?

– Да все стояло.

– «Беловежская» была?

– Была, но пили мы не ее, а коньяк. Его можно не закусывать.

– *А как возникла идея собраться в Пуще? Кто был автором Содружества?*

– Получилось так, что я дал повод собраться в Беловежской пуще. В Ново-Огареве, когда что-то не получалось и Горбачев, обиженный на всех, уходил, нам с Борисом Николаевичем всегда давали поручение идти с ним мириться, считали, что мы больше всех выступаем против новоогаревского соглашения. И вот в очередной раз мы идем мириться, а там спуск к Москве-реке, красивейшая роща... Я и говорю: «Борис Николаевич, у вас здесь так красиво, что, наверное, красивее быть не может. Но я хочу вам показать Беловежскую пушу. Приезжайте, поохотимся». Он согласился.

А потом, в преддверии референдума на Украине, я понял, что дело очень серьезное и без Кравчука не разобраться. Наше правительство вошло в контакт с окружением Кравчука, выяснилось, что он тоже не прочь. И еще в самолете по дороге из Минска на военно-воздушную базу я начал с ним переговоры.

В Беловежской пуще мы сначала собрались втроем, потом пригласили глав правительств. Мы очень быстро договорились о сути, но потом очень долго спорили о конкретных формулировках.

– *Поохотиться-то время было?*

– Предлагалось всем. Я не охотник, Кебич тоже желания не имел, но он хорошо организовал охоту. Пошли охотиться только Фокин и Кравчук, и украинский премьер подстрелил кабана. Потом родилась шутка, что Кравчук – самый меткий стрелок: он хоть и не попал в кабана, но перестрелил веревку, которой того привязали егеря.

– *А как вышло, что Буш узнал о соглашении раньше Горбачева?*

– Так получилось, что меня долго соединяли с Горбачевым, медленно работала вся эта бюрократическая машина, а Ельцину стоило позвонить – и Буш сразу взял трубку. Мы звонили из одной комнаты, и я слышал перевод Козырева. Когда я начал разговор, Горбачев впервые назвал меня на «вы». Он говорит: «Да вы понимаете, что делаете? Что скажет мировая общественность?» А я говорю: «Буш нормально отреагировал. Вот Борис Николаевич ему позвонил». После этого Горбачев уже ничего не мог сказать. Была немая сцена, и мы попрощались.

– *Станислав Станиславович, прошло 5 лет с тех пор, как в Вискулях состоялся переговорный процесс, положивший начало Содружеству Независимых Государств. Не жалеете ли вы о том, что произошло?*

– Вы первый человек, который задал мне этот вопрос в корректной форме. Потому что все спрашивают: «Не жалеете ли вы о развале Союза?» И я уже привык отвечать, что развал Союза произошел до Вискулей. И та оценка, которую дают лужьяновы, рыжковы, зюгановы, что беловежские соглашения развалили Союз, – это грубейшая ошибка. Вискулевское соглашение склеило, скрепило то единение, которое было на добротной основе, и отбросило все остальное. К тому моменту Советский Союз фактически прекратил существование, и нужно было об этом заявить де-юре.

Так вот у нас хватило на это смелости. И все, что можно было скрепить, мы скрепили...

Из интервью С.Шушкевича корреспонденту «Комсомольской правды», 1996, 8 декабря.

Вспоминает Н.А.Назарбаев

... Помню, как четыре года назад все союзные республики впали в эйфорию от независимости. Но первой о своем суверенитете объявила Россия. Казахстан это сделал самым последним, уже после Беловежских соглашений. Дело было так.

Горбачев пригласил нас, глав союзных республик, на 9 декабря – обменяться мнениями, по поводу нового Союзного договора. А 6 декабря мне в Алма-Ату позвонил Ельцин и говорит: «Лечу в Белоруссию, к Шушкевичу, пригласил туда и Кравчука, надо подготовиться к встрече с Горбачевым, договориться о будущем Союзе Суверенных Государств». Просто уведомил меня, но в Минск не пригласил. 8 декабря я вылетел в Москву. Прибыл во Внуково вечером, и тут мне говорят: «Вас ищет Ельцин, ищет Руцкой, ищет Шушкевич, ищет Горбачев». Что такое? Не пойму – вдруг я всем понадобился!

Прямо в аэропорт звонят из Минска. Беру трубку – говорит Кебич, хороший мой знакомый, добрый мужик: «Мне поручено тебя встретить. Скорее приезжай!» Я не понимаю: «Подожди! Кто меня приглашает?» – «Да вот Борис Николаевич...» Трубку взял Шушкевич: «Мы тут документ один подписали, реализовали вашу старую идею».

Дело в том, что еще в декабре 1990 года мы вчетвером – Ельцин, Кравчук, Шушкевич и я – подготовили четырехсторонний меморандум о том, что мы, четыре союзные республики, создаем Союз Суверенных Государств, признаем Горбачева его президентом и приглашаем всех остальных к нам присоединиться. Тогда это не прошло. Горбачев прочитал меморандум, запротестовал, но вскоре запустил Ново-Огаревский процесс. То есть мы его подтолкнули к идее подписания нового Союзного договора.

И вот теперь они из Минска мне об этом напомнили. Трубку взял Ельцин: «Нурсултан Абишевич, мы реализовали вашу идею, составили соглашение, все его подписали, для вашей подписи место оставлено, прилетайте скорее!» Я что-то засомневался: «Что вы там подписали? Прочитайте текст!» Ельцин говорит: «Я не могу, вот пусть Шушкевич...» Шушкевич заплетающимся языком читал, читал... Я прослушал и спрашиваю: «Вы что, создали новое государство? Советского Союза больше нет?» «Ну вроде бы так», – отвечают. Я говорю: «Позовите Кравчука!» Очень тяжело мне было их понимать, не слишком связно говорили. Кравчук взял трубку, голос у него был пободрее: «Мы тут судили-рядили, выхода другого нет, Украина иначе не может, я тебе звонил, пытался пригласить, в общем, прилетай и подписывай!» Тут я еще сильнее засомневался и говорю: «Во-первых, вы могли бы еще позавчера меня об этом предупредить. А во-вторых, я один, без согласия своего парламента и правительства, ничего подписать не

могу! Вы у Горбачева будете завтра? Там и поговорим». Кравчук отвечает: «Нет, я к Горбачеву не поеду, Шушкевич тоже не собирается, мы поручили Ельцину доложить о принятом решении». Вот так.

На следующий день я пришел к Горбачеву. Через пять минут входит Ельцин. Смотреть на него было тяжело. Мне позднее Кравчук рассказывал: они там, в Беловежской пуще, каждый абзац документа отдельно отмечали – а было в нем две с половиной страницы.

Хмурый Ельцин сел напротив Горбачева и доложил ему об упразднении Союза: мол, Кравчук иначе не соглашался. А Горбачев спрашивает: «Что теперь будет со стратегическими вооруженными силами? Что будет с гражданством? Что будет с границами? Что будет с остальными союзными республиками?» Ельцин рассердился: «Это что, допрос?» Горбачев смягчился: «Да ладно, садись. Но ты мне скажи, что завтра людям говорить?» Ельцин в ответ: «Я скажу, что займу ваше место». И так – сорок минут перебранки, мне даже стыдно стало присутствовать при этом...

... Потом мы собрались у Ниязова в Ашхабаде, до трех часов утра обсуждали ситуацию: то ли мы не признаём упразднения Союза, а Горбачева признаём Президентом – но какой Союз без России? То ли создаём среднеазиатскую конфедерацию – это Ниязов предложил, но экономика-то у нас общая, армия единая, рубль один и тот же, 1150 боеголовков в Казахстане... Как же можно вставать в конфронтацию с Россией? Результат вы знаете: договор о создании СНГ все подписали, теперь расхлебываем.

Из беседы президента Казахстана Н.Назарбаева с главными редакторами московских газет 15 апреля 1995 г. «Общая газета», 1995, 27 апреля - 3 мая.

Вспоминает Г.Э.Бурбулис

...Мы руководствовались тем, что наша советская социалистическая система в конце 80-х годов оказалась в состоянии исторического тупика. Мы руководствовались тем, что не злонамеренный развал Советского Союза и не гениальное злодейство группы лиц, а объективно неизбежный распад этой системы в силу ее исторической исчерпанности и создавал ту реальную и практическую ситуацию, в которой мы находились. Поэтому нами двигало не желание подсадить Михаила Сергеевича и не желание сделать пьедестал Борису Николаевичу. На самом деле, я в данном случае уже говорю о себе, мы искали наиболее щадящие пути, которые в какой-либо мере регулировали бы этот неизбежный распад. <...>

К моменту Беловежского соглашения Советского Союза как целостного государства уже не существовало. Можно сколько угодно писать книжек, вспоминать, – это все очень интересно и полезно, – но есть правовая реальность к тому моменту, есть экономическая реальность к тому моменту и есть социально-политическая реальность к тому моменту. Поэтому ничего спасать в том виде уже не представлялось возможным, и все усилия в этом направлении были бы бессмысленными.

... Экономика Советского Союза, милитаризованная и административно-распределительная, за 20 лет до этого обнажила абсолютную свою

катастрофичность, и понадобилось немало усилий репрессивной власти КПСС, чтобы скрыть это от самих себя. <...>

То, что называется «Меморандум Бурбулиса», это был подготовленный документ, с которым в сентябре я приехал к Ельцину в Сочи. Он готовился Госсоветом, и поскольку это была структура, которую я тогда представлял и возглавлял, то этот коллективный труд обрел такую персонификацию.

Суть его была весьма и весьма жесткой, и я этого не скрываю. Мы пытались в этом документе ответить на один вопрос: при каких действиях российской власти может возникнуть реальная перспектива на экономический, социальный и политический прогресс. К тому моменту существовали две концепции, две стратегии. Первая была связана с разработкой нового Союзного договора и с идеей межреспубликанского экономического комитета. Вторая была связана с идеей неизбежности распада и своевременного перехода на республиканский уровень управления нашей территорией.

Никакой тайны в этом нет, что я отстаивал в тот момент (и сейчас считаю, что это было правильно) вторую концепцию. Объяснять, почему – это будет второй вопрос. <...>

Если в какой-то момент распад оказался неизбежным, то были ли возможности его предотвратить или были ли возможности его в другой форме пережить? Подоплека того документа интересна тем, что, с одной стороны... было освободительное движение Прибалтийских республик, и мы к нему все относились не только с сочувствием, но и активно участвовали. С другой стороны, демократическая оппозиция центральной власти страны в лице Межрегиональной депутатской группы не имела достаточного опыта, чтобы свои уникальные возможности (мандаты, защищенность от какого-то прессы, публичность поведения) использовать более грамотно и корректно.

Теоретический клуб «Свободное слово», заседание 17 февраля 1995 года: «Чем Россия лучше СССР: можно ли обмануть историю?», Стенографический отчет, с.7,8, 13.

Вспоминает С.М.Шахрай

Если диагноз Ельцина, Кравчука и Шушкевича был точен (а я считаю, что он был достаточно верен), то к 8 декабря геополитический выбор состоял в следующем: идем ли по югославскому пути братоубийственной войны всех со всеми или находим новую формулу содружества, в рамках которого решаем главные задачи – нераспространения ядерного оружия, сохранения геополитического пространства, военной безопасности, спасения экономики. Не всё из соглашения до сих пор сработало, но заложенные там моменты ядерной безопасности привели в конце концов к тому, что ядерное оружие осталось только в России. Не произошло образование еще одного клуба ядерных государств. Геополитическая стабильность была сохранена, <...>

Я хочу подчеркнуть важную вещь: энергия распада, которая вела к югославскому сценарию, была переключена на энергию, пусть мучительного, но созидания. 8 декабря – не день смерти СССР, это день рождения нового объединения. Главными результатами Беловежских соглашений являются

сохранение России (а это значит, что вокруг России будет новое объединение), сохранение взаимного уважения и тенденции к сближению славянских народов (союз Россия – Белоруссия тому подтверждение) и объявление Содружества открытым для других республик (уже 22 декабря в Содружество вошло 12 республик).

– *Можно ли сказать, что украинская делегация сыграла решающую роль в том, что договор об СНГ получился таким, какой он есть?*

– Если белорусская сторона готова была рассматривать вариант нового Союза, то украинская делегация приехала, чтобы «сделать всем ручкой». Состояние ее было эйфорическим. Работать было очень сложно. Я бы назвал роль Украины не решающей, но роковой.

– *Могли бы вы подробнее рассказать, что происходило в Вискулях в те дни? Это событие обросло слухами и мифами. Например, говорят, что работа сопровождалась обильными возлияниями, которые помогли быстро все поделить.*

– Думаю, чем дальше, тем больше это событие будет обрастать самыми разными мифами. Я расскажу о том, что известно мне. Я был советником президента по правовой политике, заранее поручений по этой поездке у меня не было. Было так: вечером поступило предупреждение, что завтра вылетаем в Минск. Состав команды известен: Ельцин, Бурбулис, Гайдар, Козырев, Илюшин, Коржаков и я. Никакого документа из Москвы мы не везли (насколько это было известно мне). Есть легенда, что у Бурбулиса в компьютере был какой-то план. Не знаю. В Вискулях у нас компьютера не было. Проект соглашения печатался на электрической машинке, а размножали его на факсе – таково было техническое обеспечение. Когда мы приехали в Вискули, три лидера уединились, все остальные пребывали в ожидании. «Тройка» беседовала сначала в резиденции, потом они ходили на охоту, потом еще куда-то, в общем, разговор продолжался до вечера. Вечером была объявлена воля трех лидеров: экспертам готовить документ. Мы собрались на одной даче, украинская делегация пришла-ушла, фактически работали мы с белорусскими коллегами. Нам нужно было родить документ с политическим решением трех лидеров, но непонятно, с какой формой этого решения. Дискуссия продолжалась не один час. О чем шла речь? В 1922 году Союз образовали четыре республики: Россия, Украина, Белоруссия и Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика (ЗСФСР). «ЗСФСР» в Вискули не приехала, но мы постепенно вышли на осознание факта, что здесь присутствует три государства – учредителя Союза в 22-м году. Если три государства-учредителя в лице своих лидеров осознают, что государство перестало существовать, то надо либо выписывать документ о смерти и расходиться, либо попытаться сделать шаг вперед.

В результате была найдена формула, соединяющая и то, и другое: государства – учредители Союза констатируют, что Союз ССР прекратил свое существование, и учреждают новое объединение – Содружество Независимых Государств. Текст писали от руки. С учетом моего почерка его переписывал, кажется, Гайдар. Уже было поздно, Козырев подsunул его под дверь не той дачи, где была машинистка, утром пришлось документ искать и

срочно печатать. К нам уже присоединилась украинская делегация, мы делали пункт договора, несли его в зал, где сидели лидеры, его возвращали с поправками, перепечатывали, размножали на факсе. В таком ритме шла работа. В течение дня документ родился. Затем нам стало известно, что начались прозвоны к Назарбаеву. Тот в принципе дал согласие прилететь, но в Москве он остановился. Может быть, его уговорил Михаил Сергеевич, я этого точно не знаю.

Что касается всего остального. Можно добавить баню и еще что-то, но я не видел ни одной встречи на высшем уровне, во время которой не было бы ужина. Как к этому относиться? В любом случае решение принималось по русской поговорке «Утро вечера мудренее»: вечером – политическая задача в довольно абстрактной форме, утром – постатейное обсуждение документа, а уже потом – ужин.

И еще один важный момент: возле каждой дачи стояли два сотрудника КГБ. Для всех нас это было признаком, что ничего противозаконного не делается. Было человеческое ощущение исторического момента и облегчение от того, что решение найдено.

Хочу вернуться к главной теме нашей беседы. Обычно на подписании документа в Вискулях ставят точку. Да, подписали, ну и что из этого? Это был проект, пока его не ратифицировали парламенты всех государств. И ратифицировали его с восторгом. Значит, это соответствовало общей тенденции, а не воле трех человек.

«Независимая газета». 10 декабря 1996 года.

Вспоминает А.В. Козырев

... Мы прибыли в Беловежскую пуцу во второй половине дня и сели за дружеский стол ужинать. Б.Н.Ельцин и Г.Э.Бурбулис в тактичной, но весьма настойчивой форме постоянно возвращались к мысли о том, что как бы ни развивались дальше события в Советском Союзе, три славянские республики должны держаться вместе, потому что их объединяет историческое родство. Рефреном звучала и мысль о том, что не нужно строить свои взаимоотношения в ущерб отношениям с другими союзными республиками, хотя выбор, конечно, останется за ними.

Постепенно в ходе этого общего разговора появились элементы взаимопонимания. К Е.Т.Гайдару, С.М.Шахраю и ко мне (мы составляли «второй эшелон» делегации) подошли представители украинской делегации и спросили: ребята, с чем вы приехали? Если собираетесь давить в пользу Союза, то создавшийся сейчас благоприятный климат и, возможно, последний шанс действительно братской договоренности будет упущен. Ни Л.Кравчук, ни В.Фокин просто не смогут отреагировать иначе, как разрывом, потому что на них давят итоги общенародного референдума и жесткие решения Верховного Совета Украины в пользу ее «незалежности». Мы сказали, что отрицаем и силовое давление, и полный разрыв. И то и другое было бы безумием. Нужны другие варианты, нужен Союз по типу объединения независимых государств. Украинские эксперты на это быстро откликнулись. Мы вовлекли в разговор минчан. После этого шепнули

Б.Н.Ельцину, что, видимо, в этой области, то есть где-то в создании содружества республик, но без подчинения центру, можно попробовать нащупать компромисс. Тогда Борис Николаевич в свойственной ему манере через четкий прямой логический переход вывел общий разговор о братских традициях на конкретную идею – союза братских республик-стран. Вопрос был поставлен определенно, достаточно жестко, но с учетом предварительной проработки и подготовленной почвы (к этому моменту со своими лидерами успели переговорить и эксперты других делегаций). <...>

Президенты и премьеры понимали, что начинать с переговоров на их уровне было бы рискованно: можно было выдать какие-то сокровенные идеи, которые напугали бы партнеров. В этой ситуации президент России проявил находчивость и предложил выход: поскольку руководители республик нащупали главную путеводную нить, пусть, руководствуясь ею, министры, эксперты к утру выработают взаимоприемлемую концепцию, а еще лучше – проект соглашения о союзе братских стран, включая и окончательно отточенный вариант названия. С этим поручением мы и отправились работать.

Наша работа была построена следующим образом: Гайдар, Шахрай и я уединились в отведенном для российской делегации особняке и начали думать над основными элементами возможного проекта соглашения. Они сложились довольно быстро. Были использованы хорошо нам знакомые принципы построения Европейского сообщества. Были также учтены некоторые тезисы из последних вариантов союзного договора, обсуждавшихся в Новоогарево, да и из Конституции СССР, которая на словесном уровне всегда исходила из суверенитета союзных республик и их добровольного объединения.

Когда набросок документа был готов, встал ключевой вопрос: как три союзные республики могут заключить договор без участия других республик и каким образом возникнет новая правосубъектность этого объединения и каждого его члена? Проще говоря, могут ли три республики действовать самостоятельно? На этот вопрос лично у меня не было ответа и, честно говоря, мне казалось, было бы необходимым требовать созыва очередной новоогаревской встречи или, возможно, какого-то форума всех союзных республик, где окончательно и утвердить предлагавшийся проект нового союза. Но С.М.Шахрай оказался лучше нас подготовлен к постановке этого вопроса. Именно ему принадлежит (во всяком случае если говорить о работе в Беловежской пуще) следующий аргумент: СССР создавался в 1918-1921 годах четырьмя независимыми государствами – РСФСР, Украиной, Белоруссией и Закавказской Федерацией. Поскольку ЗСФСР перестала существовать, остались три субъекта, некогда образовавшие Союз, причем их право на самоопределение неизменно сохранялось и в вариантах союзных договоров, и в Конституции СССР. Таким образом, с чисто юридической точки зрения в Беловежской пуще собрались полноправные руководители трех полноправных же субъектов объединения, называвшегося СССР. Поэтому они были вправе принять решение о расторжении связывавших их до этого союзных уз.

По-моему, для Гайдара такая логика была не менее неожиданной, чем для меня. Вместе с тем, несколько оправившись от шока, мы согласились с аргументацией, предложенной Шахраем. Примерно на этом этапе работы, около 12 часов ночи, к нам присоединились белорусские коллеги, которые, надо отдать им должное, внесли немалый вклад в доработку и шлифовку документа.

Все это время украинские эксперты прогуливались где-то неподалеку, иногда засылая своих эмиссаров для того, чтобы узнать, что происходит в «творческой лаборатории» на российской даче. Убедившись в том, что работа кипит и идет в обещанном направлении, они, однако, категорически отказывались принять в ней практическое участие и продолжали свои прогулки. Лишь поздно ночью нам удалось собраться всем вместе и обсудить уже практически готовый проект Беловежского соглашения. <...>

На следующее утро президенты и их премьеры (с нашей стороны – Ельцин и Бурбулис, позднее к ним присоединился Гайдар) заперлись в узком кругу и еще раз прошлись по подготовленному нами проекту документа. В него были внесены некоторые изменения и уточнения, и в частности была найдена формула Содружества Независимых Государств.

Козырев А.В. Преображение.- М.: Международные отношения, 1994, 336с. С. 168-173.

Документы 1996 года

Постановление Государственной Думы

Об углублении интеграции народов, объединявшихся в Союз ССР, и отмене постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года «О денонсации Договора об образовании СССР»

Имея целью открыть больший простор для последовательной добровольной интеграции братских народов, объединявшихся в Союз ССР, и опираясь на волю большинства населения страны, выраженную на референдуме СССР 17 марта 1991 года, Государственная Дума Российской Федерации **постановляет**:

1. Признать утратившим силу постановление Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года «О денонсации Договора об образовании СССР» (Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1991, №51, ст.1799).

2. Установить, что законодательные и другие нормативные правовые акты, вытекающие из постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года «О денонсации Договора об образовании СССР», будут корректироваться по мере движения братских народов по пути все более глубокой интеграции и единения.

3. Рекомендовать Президенту Российской Федерации разработать систему мер по дальнейшему углублению интеграции Российской Федерации, Республики Белоруссия и других бывших республик Советского Союза, включая проведение референдума Российской Федерации по вопросу поэтапного укрепления единства народов, составлявших Союз ССР.

4. Предложить Правительству Российской Федерации в рамках имеющихся договоренностей с государствами – участниками Содружества Независимых Государств усилить контроль за проведением интеграционных мероприятий в области экономики, научно-технического прогресса, социально-культурного и оборонного сотрудничества государств, созданных на территории Союза ССР.

5. Депутации Государственной Думы в Межпарламентской Ассамблее государств – участников Содружества Независимых Государств активно содействовать углублению и развитию связей братских народов в области государственно-правового и межнационального сотрудничества.

Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

Г.Н.Селезнев.

Москва

15 марта 1996

№156 – II ГД

«Российская газета», 1996, 21 марта.

**Постановление Государственной Думы Федерального Собрания
Российской Федерации**

**О юридической силе для Российской Федерации – России результатов
референдума СССР 17 марта 1991 года по вопросу о сохранении
Союза ССР**

Подтверждая стремление народов России к экономической и политической интеграции с народами государств, созданных на территории Союза Советских Социалистических Республик, отвечая на многочисленные обращения субъектов Российской Федерации, учитывая результаты референдума Республики Белоруссия 14 мая 1995 года, имея целью воссоздание государственного единства народов Союза ССР в любых взаимоприемлемых формах, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации **постановляет:**

1. Подтвердить для Российской Федерации – России юридическую силу результатов референдума СССР по вопросу о сохранении Союза ССР, состоявшегося на территории РСФСР 17 марта 1991 года.

2. Отметить, что должностные лица РСФСР, подготовившие, подписавшие и ратифицировавшие решение о прекращении существования Союза ССР, грубо нарушили волеизъявление народов России о сохранении Союза ССР, выраженное на референдуме СССР 17 марта 1991 года, а также Декларацию о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, провозгласившую стремление народов России создать демократическое правовое государство в составе обновленного Союза ССР.

3. Подтвердить, что Соглашение о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 года, подписанное Президентом РСФСР Б.Н.Ельциным и государственным секретарем РСФСР Г.Э.Бурбулисом и не утвержденное Съездом народных депутатов РСФСР – высшим органом

государственной власти РСФСР, не имело и не имеет юридической силы в части, относящейся к прекращению существования Союза ССР.

4. Исходить из того, что межгосударственные и межправительственные договоры и соглашения по политическим, экономическим, оборонным и иным вопросам, заключенные в рамках Соглашения о создании Содружества Независимых Государств, сохраняют свою силу для заключивших их государств до их свободного и добровольного решения о воссоздании единого государства либо до их решения о прекращении действия указанных договоров.

5. Предложить Правительству Российской Федерации принять необходимые меры по сохранению единого экономического, политического и информационного пространства, развитию и укреплению интеграционных связей государств, созданных на территории Союза ССР.

6. Депутации Государственной Думы в Межпарламентской Ассамблее государств – участников Содружества Независимых Государств содействовать превращению Межпарламентской Ассамблеи в эффективный инструмент интеграции и сотрудничества государств, созданных на территории Союза ССР.

7. Комитетам Государственной Думы разработать и представить на рассмотрение Совета Государственной Думы комплекс мер по устранению последствий развала Союза ССР, прежде всего, в отношении советских граждан, до сих пор не определивших свою государственную принадлежность.

Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

Г.Н.Селезнев.

Москва

15 марта 1996

№157 – II ГД

«Российская газета», 1996, 20 марта.

Обращение Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации к депутатам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

Уважаемые депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации!

Совет Федерации Федерального Собрания, поддерживая ваше стремление принять все меры к ускорению интеграции народов государств, входивших пять лет назад в Союз ССР, отмечает, что принятые вами постановления Государственной Думы Федерального Собрания от 15 марта 1996 года №156 – II ГД «Об углублении интеграции народов, объединявшихся в Союз ССР, и отмене постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года «О денонсации Договора об образовании СССР» и от 15 марта 1996 года №157 – II ГД «О юридической силе для Российской Федерации – России результатов референдума СССР 17 марта 1991 года по вопросу о сохранении Союза ССР» могут вызвать определенные затруднения на пути к этой благородной цели. Подтверждением этому служат

настороженная и даже негативная реакция ряда государственных и общественных деятелей государств – участников Содружества Независимых Государств.

Мы убеждены, что содействовать углублению интеграционных процессов можно лишь на основе согласованных действий всех органов государственной власти Российской Федерации, координации их усилий с партнерами по Содружеству Независимых Государств.

Осознавая, что реальные экономические интересы народов России и республик бывшего СССР являются несравненно большим стимулом для их объединения, чем любые постановления и заявления политиков, обращаемся к вам с просьбой вернуться к рассмотрению упомянутых актов и еще раз тщательно проанализировать возможные последствия их принятия.

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации

Москва

19 марта 1996

№95 -СФ

«Российская газета», 1996 .21 марта.